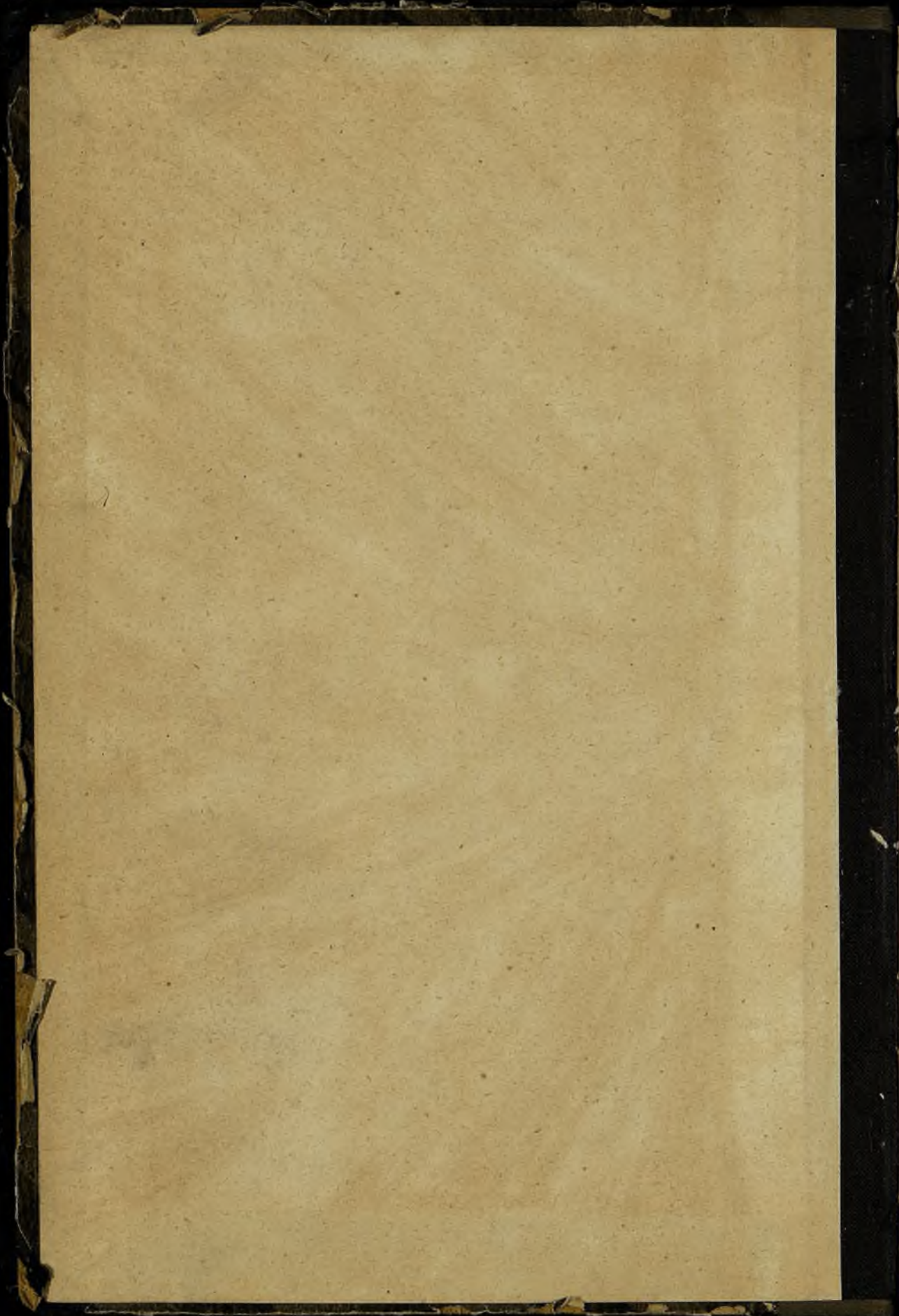

BAR. N. 726-1

891
П-31/3)g.

B

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ЯВЛЕНІЙ
ДРЕВНЯГО И НОВАГО ПЕРІОДА

Е. В. ПѢТУХОВА,

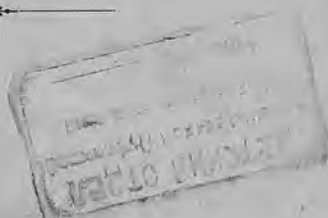
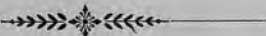
ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ДРЕВНІЙ ПЕРІОДЪ

I. ВВЕДЕНІЕ. — II. ДРЕВНѢЙШАЯ ЭПОХА. — III. СРЕДНІЕ ВѢКА. —
IV. ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ

Второе изданіе, просмотрѣнное и дополненное

ЮРЬЕВЪ

ТИПОГРАФІЯ К. МАТТИСЕНА

1912

1475a
x 31a
g

РУССКАЯ ИНТЕРНАТУРА

ИЗДАНИЕ ВОСЬМОЕ С ПРАВОМ РЕВИЗИИ
ОБЪЕДИНЕННАЯ РУССКАЯ ИНТЕРНАТУРА

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

11111

Отъ автора.

Въ предисловіи къ первому изданію предлагаемой книги (12. I. 1911) я писалъ: „Настоящее сочиненіе имѣетъ своей цѣлью охватить, въ сжатомъ историческомъ обзорѣ, главнѣйшія явленія русской литературы съ начала нашей письменности до установленія художественнаго реализма въ лицѣ Гоголя. Оно рассчитано на два тома, изъ которыхъ первый, обнимающій собою древній періодъ, предлагается теперь вниманію читателей. Въ основу этого труда положены университетскія лекціи автора, чѣмъ объясняется самый планъ книги и характеръ изложенія: главная забота автора заключалась не въ томъ, чтобы внести въ сочиненіе возможную полноту, а, наоборотъ, въ томъ, чтобы изъ массы имѣющагося на лицо литературнаго матеріала выдѣлить наиболѣе самостоятельное по происхожденію и самое существенное въ интересахъ историческаго изученія нашей литературной мысли. Сознаніе трудности этой послѣдней задачи постоянно сопровождало автора въ его работѣ, происходившей въ такой области, гдѣ еще многое не установлено и представляется условнымъ какъ въ общихъ положеніяхъ, такъ и въ частностяхъ: пусть это обстоятельство послужитъ нѣкоторымъ извиненіемъ ея недостатковъ“. Выпуская теперь второе изданіе, я ввелъ въ разныя мѣста книги кое-какія дополненія, пополнилъ библиографическій аппаратъ указаніями на новую и отчасти старую научную литературу и совершенно передѣлалъ вводную часть сочиненія. Прибавлю, что книгу свою предназначаю я главнымъ образомъ университетскому

юношеству, какъ пособіе къ лекціямъ, и кругу тѣхъ читателей, которые могли бы посмотрѣть на нее какъ на пособіе къ самообразованію. Я не ставилъ передъ собою задачъ монографическаго изслѣдованія и не стремился къ особой оригинальности сужденій, воздерживаясь отъ гипотезъ или слишкомъ широкихъ обобщеній, если къ этому меня не уполномочивали факты и достаточная научная ихъ разработка.

Какъ можетъ видѣть читатель, я поставилъ себѣ цѣлю изложеніе только книжной словесности, совершенно оставивъ въ сторонѣ т. наз. народную, вѣрнѣе — устную, словесность. Примѣняемые въ настоящее время методы изученія этой послѣдней, характеръ заключающагося въ ней матеріала и основныя задачи ея научной разработки дѣлаютъ невозможнымъ ставить устную словесность въ рамки особаго отдѣла, хронологически предшествующаго литературѣ. Устная словесность должна быть предметомъ особаго, самостоятельнаго изложенія; я же касался ея элементовъ попутно, случайно и лишь постольку, поскольку къ этому подавали поводъ памятники словесности книжной: „вся жизнь древней Руси была проникнута поэзіей“, по выраженію Ѡ. И. Буслаева, но лишь весьма небольшое изъ этой поэзіи нашло себѣ выраженіе въ памятникахъ литературы.

Долгое время меня смущалъ вопросъ о библиографіи — надо ли дать ей особое мѣсто въ изложеніи или нѣтъ. Въ концѣ концовъ, я рѣшилъ этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ, полагая, съ одной стороны, что лучшимъ источникомъ библиографическихъ справокъ для всякаго ихъ ищущаго является живая личность спеціалиста-профессора или библиографическія сочиненія, а съ другой, мнѣ думалось, что для средняго уровня научной пытливости будутъ вполне достаточны и тѣ подстрочныя библиографическія указанія, которыми я старался, именно съ этой цѣлю и въ интересахъ документальности, сопровождать свое изложеніе.

Вводныя замѣтки¹⁾.

Историческій методъ изложенія. — Дѣленіе исторіи русской литературы на періоды. — Особенности изученія древняго періода. — Выборъ матеріала; его изученіе и оцѣнка. — Основы русской литературы: духовная организація народа, его языкъ; древнѣйшія извѣстія о русскомъ языкѣ; природныя условія жизни русскаго народа; историческая обстановка. — Византія и ея отношенія къ древней Руси; принятіе христіанства и его вліяніе на складъ русской жизни. — Византійское вліяніе на русскую литературу. — Вліяніе Запада. — Оцѣнка того и другаго вліянія въ русской ученой литературѣ. — Литературное посредничество славянъ южныхъ и западныхъ. — Древне-русское просвѣщеніе; черты древне-русскаго книжника; списываніе книгъ и авторство.

1.

Прежде всего нѣсколько словъ о методѣ²⁾. Если пользоваться существующими терминами, то я хотѣлъ бы приложить къ своему выбору памятниковъ литературы, ихъ изученію и объясненію методъ историческій, который я понималъ не только въ элементарномъ смыслѣ историческаго порядка, но и въ установленіи связи однихъ литературныхъ явленій съ другими, въ объясненіи литературы фактами и запросами русской жизни и общимъ ходомъ того литературно-историческаго процесса, который сближалъ русскую литературу съ литературной жизнью другихъ

1) Здѣсь я не имѣю въ виду дать читателю въ собственномъ смыслѣ „введенія въ исторію русской литературы“, которое, по важности и разнообразію входящихъ въ него вопросовъ, могло бы служить предметомъ самостоятельнаго сочиненія. Я хотѣлъ бы остановиться вкратцѣ лишь на нѣкоторыхъ вопросахъ съ тою цѣлю, чтобы, съ одной стороны, выяснить мою точку зрѣнія на дѣло, а съ другой — представить кое-какія свѣдѣнія и соображенія о такихъ предметахъ, которые примыкаютъ къ главному содержанію дальнѣйшаго изложенія и не могутъ найти себѣ въ послѣднемъ самостоятельнаго мѣста.

2) Общія разсужденія объ историко-литературномъ методѣ изученія можно найти въ сочиненіяхъ: Н. Paul. Grundriss der germanischen Philologie. 2. Aufl. I. Band. Strassburg 1901. III. Abschnitt. Methodenlehre. 6. Literaturgeschichte. S. 223—247; G. Lanson. La méthode de l'histoire littéraire, въ Revue du Mois 1910 [русскій переводъ: Г. Лансонъ. Методъ въ исторіи литературы. Съ послѣсловіемъ М. Гершензона. М. 1911]; F. Brunetière. L'évolution

народностей, съ ихъ болѣе старымъ и богатымъ литературнымъ развитіемъ. Въѣтъ съ тѣмъ, я старался быть по возможности фактичнымъ, выдвигая вездѣ на первый планъ литературныя явленія, знакомя читателя съ ихъ содержаніемъ настолько, чтобы представляемыя мною объясненія и обобщенія, по мѣрѣ возможности, опирались на самые факты и вытекали изъ нихъ съ достаточной ясностью.

Къ сожалѣнію, на этомъ пути предстояли большія затрудненія. Научное изученіе исторіи русской литературы не имѣетъ за собою еще и полного столѣтія, при малочисленности работниковъ на этомъ поприщѣ и при слабомъ развитіи научнаго настроенія въ русской жизни вообще. Поэтому, многое изъ литературныхъ явленій остается не изданнымъ, еще большее детально не изученнымъ, и во многихъ случаяхъ поневолѣ приходится лишь ставить вопросы, отказываясь отъ ихъ разрѣшенія.

Одной изъ такихъ трудностей общаго характера является дѣленіе исторіи русской литературы на періоды; безъ опредѣленнаго отношенія къ этому вопросу невозможно было бы и самое изложеніе. Дѣленіе на періоды предполагаетъ извѣстный принципъ, наблюденія общаго харак-

des genres dans l'histoire de la littérature. I. Introduction. P. 1890; M. Guyau. L'art au point de vue sociologique. 2 éd. P. 1889 [русскій переводъ: Спб. 1891]; P. Lacombe. Introduction à l'histoire littéraire. P. 1898; G. Renard. La méthode scientifique de l'histoire littéraire. P. 1900; B. Ten-Brink. Ueber die Aufgabe der Litteraturgeschichte. Rede. Strassburg 1891; W. Wetz. Ueber Litteraturgeschichte. Eine Kritik von Ten-Brink's Rede. Worms 1891; E. Elster. Principien der Litteraturwissenschaft. I. Wien 1897, II. Halle 1911; Н. Карѣевъ. Литературная эволюція на западѣ. Воронежъ 1886; А. Веселовскій. О методѣ и задачахъ исторіи литературы какъ науки. Ж. М. Н. Пр. 1870, № 11; Н. Дашкевичъ. Постепенное развитіе науки исторіи литературы и современныя ея задачи. Кіевъ 1877; А. Колмачевскій. Развитіе исторіи литературы какъ науки, ея методы и задачи. Ж. М. Н. Пр. 1884, № 5; В. Плотниковъ. Основные принципы научной теоріи литературы. Воронежъ 1888; Объ изученіи исторіи просвѣщенія вообще и исторіи литературы въ особенности. Воронежъ 1889; А. Бергъ. О методѣ историко-литературныхъ изслѣдованій. Казань 1889; В. Шишмаревъ. О научныхъ задачахъ исторіи литературы. Фил. Зап. 1899, в. 1—2; А. Пономаревъ. Литература и методъ ея изученія. Спб. 1890; А. Архангельскій. Исторія литературы какъ наука. Р. Ф. В. 1897, № 3—4 и его же, еще неоконченное печатаніемъ, сочиненіе: Введеніе въ исторію русской литературы. Уч. Зап. Каз. Univ. 1908 № 12, 1909 № 1. 2, 1910 № 12, 1911 № 10. 12; М. Розановъ. Современное состояніе вопроса о методахъ изученія литературныхъ произведеній. Русск. Мысль 1900 № 4; В. Сиповскій. Исторія литературы какъ науки. Спб. 1906; А. Евлаховъ. Введеніе въ философію художественнаго творчества. Опытъ историко-литературной методологіи. I. Варшава 1910. Специально по отношенію къ русской литературѣ имѣетъ большой интересъ сочиненіе В. М. Истрина: Опытъ методологическаго введенія въ исторію русской литературы XIX вѣка. Вып. I. Спб. 1907, а также указанные ниже труды Н. К. Никольскаго и А. И. Соболевскаго.

тера, выводъ изъ ряда отдѣльныхъ фактовъ и соображеній: такимъ принципомъ съ нашей точки зрѣнія является тотъ переломъ, который переживаетъ русская литература въ первой половинѣ XVIII вѣка. Этотъ переломъ, закрѣпляющій собою почти окончательную ликвидацію стараго византійскаго вліянія, въ нѣдрахъ котораго родилась русская литература въ X—XI вѣкѣ, и поворотъ къ новому вліянію — западно-европейскому, свидѣтельствующій о наличности яркаго литературнаго самосознанія и о стремленіи создать самостоятельную литературу, пользуясь усвоенными западно-европейскими формами, отмѣчены великимъ именемъ М. В. Ломоносова и его могучимъ вліяніемъ на послѣдующій ходъ русской литературы. До извѣстной степени совпадаютъ съ этимъ переломомъ и начала художественности, еще весьма слабыя у Ломоносова и даже его ближайшихъ послѣдователей, но несомнѣнно существующія въ сознаніи писателей этой эпохи и постепенно возрастающія потомъ въ дальнѣйшемъ процессѣ русскаго литературнаго развитія. Въ виду этого, мы считаемъ правильнымъ дѣленіе русской литературы на два главныхъ періода — древній и новый, гранью между которыми является дѣятельность Ломоносова, этого истиннаго родоначальника новой русской литературы. Дѣленіе это, конечно, не новое: оно вполне примыкаетъ къ издавна установившемуся взгляду, въ силу котораго начало новой русской литературы совпадало съ самымъ началомъ XVIII вѣка и ставилось въ тѣснѣйшую связь съ преобразовательной дѣятельностью Петра Великаго. Но, стремясь создать и отчасти создавъ „новую Россію“, Петръ Великій не успѣлъ создать при себѣ новой литературы, оставивъ это дѣло ближайшему за нимъ поколѣнію и лишь сдѣлавъ къ этому нѣкоторые подготовительные шаги. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны — въ литературныхъ явленіяхъ XVII и даже отчасти XVI вѣка можно усмотрѣть слѣды той работы, которая шла въ исторіи русской жизни какъ бы навстрѣчу Петровской реформѣ и, при ближайшемъ разсмотрѣніи, дѣлаетъ ее процессомъ далеко не внезапнымъ и органически связаннымъ съ предшествующимъ временемъ; въ виду этого, многія явленія литературы названныхъ столѣтій по своему историческому смыслу должны быть приобщены къ эпохѣ преобразованій, являясь связующимъ звѣномъ между древнимъ періодомъ литературы и началомъ новаго. Съ другой стороны — и первыя десятилѣтія XVIII вѣка, не только при жизни Петра, но и послѣ него, обнаруживаютъ такіа литературныя явленія, которыя не могутъ быть, въ полномъ смыслѣ слова, включены въ составъ „новой“ литературы. Въ сочиненіяхъ Стефана Яворскаго, Теофана Прокоповича, Гавріила Бужинскаго, отчасти Тредьяковскаго и самого Кантемира мы наблюдаемъ пеструю смѣсь и борьбу стараго съ новымъ: вмѣстѣ съ новизной многихъ мыслей и впервые поднятыхъ вопросовъ, съ попытками введенія новыхъ литературныхъ формъ, у нихъ все еще господствуютъ литературныя приемы прежней эпохи, дающіе историку право отнести ихъ къ старому и новому періоду; въ ихъ дѣятельности замѣчаются тѣ же особенности переходнаго періода,

как и в XVII вѣкѣ, хотя реальное содержаніе произведеній этихъ писателей совершенно иное. Такимъ образомъ, XVII вѣкъ и первая десятилѣтія XVIII-го должны быть отнесены къ той широкой исторической полосѣ, которая является переходнымъ временемъ въ нашей литературѣ отъ древняго періода къ новому; древній періодъ укладывается въ предѣлы XI—XVI столѣтій.

Независимо отъ этого главнаго дѣленія, можно искать въ предѣлахъ древняго и новаго періодовъ — изъ которыхъ послѣдній завершается Гоголемъ, имѣя своимъ продолженіемъ до нашихъ дней „новѣйшій“ періодъ — болѣе частныя грани для новыхъ дѣленій. Что касается новаго періода, то вопросъ этотъ не представляетъ большихъ затрудненій: послѣдовательная смѣна шедшихъ съ запада литературныхъ вліяній на русскую литературу въ XVIII и первая десятилѣтія XIX вѣка (ложноклассицизмъ, сентиментализмъ, романтизмъ) въ достаточной степени наглядно опредѣляетъ и періоды нашей литературы, завершившіеся выходомъ ея на дорогу реального отношенія къ дѣйствительности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, освобожденіемъ отъ непосредственнаго вліянія руководящихъ западно-европейскихъ теченій; послѣдовавшее за Пушкинымъ и Гоголемъ самостоятельное развитіе русскаго литературно-художественнаго творчества ведетъ за собою уже новыя дѣленія, опредѣляемые въ значительной степени условіями самой русской жизни. Въ древнемъ же періодѣ, хотя литературные факты его менѣе многочисленны и условія ихъ возникновенія и развитія менѣе сложны, вопросъ о болѣе частныхъ дѣленіяхъ вызываетъ существенныя разногласія, и на него до сихъ поръ не имѣется совершенно опредѣленнаго отвѣта.

Еще со времени „Исторіи древней русской словесности“ М. Максимовича (Кн. I. К. 1839) и „Опыта исторіи русской литературы“ А. Никитенка (Кн. I. Спб. 1845) держится терминъ „до-монгольской“ или „до-татарской“ литературы въ нашемъ древнемъ періодѣ. Изъ новѣйшихъ историковъ литературы его принимаютъ А. Н. Пыпинъ¹⁾ и П. В. Владиміровъ²⁾. Періодъ этотъ, замыкающійся временемъ съ XI и до половины XIII вѣка, иначе называется „кіевскимъ“ періодомъ — въ виду той выдающейся роли, которую игралъ въ это время Кіевъ какъ въ политической, такъ и культурной исторіи древней Руси. Главнымъ основаніемъ къ принятію даннаго подраздѣленія является не столько характеръ самого татарскаго нашествія и совершившихся при немъ органическихъ измѣненій или обозначившихся новыхъ мотивовъ въ русской литературѣ, какъ это склоненъ былъ подчеркивать, напр., въ свое время О. Ѳ. Миллеръ³⁾, сколько общее направленіе кіевского періода литера-

1) Исторія русской литературы. Т. I, изд. 2, с. 64.

2) Древняя русская литература кіевского періода (XI—XIII вѣковъ). Кіевъ 1901, предисловіе, с. II—III.

3) Въ университетскихъ лекціяхъ и въ статьѣ: О древней русской литературѣ по отношенію къ татарскому игу. „Древняя и Новая Россія“ 1876, № 5.

туры и его основные черты: сравнительное обилие талантов, непосредственность, яркость, разнообразие и всеобщность, которая в последующие века, с падением Киева и дроблением русской политической и культурной жизни по отдельным местностям, в значительной степени исчезает, чтобы опять возникнуть уже в Москве в XV—XVI вв.

Других более или менее прочных граней в предлах древняго периода до сих пор не установлено. После падения Киева в первой половине XIII века единство русского культурнаго и литературнаго развитія прерывается; образуются новые культурные центры — Владимиръ, Смоленскъ, Тверь, Новгородъ и др., в которыхъ литературная жизнь хотя и не достигаетъ такого напряженія, какъ в былое время в Киевѣ, однако явственно обнаруживается и во многомъ идетъ самостоятельно, вызываемая местными условиями и сообразуясь съ ними. Къ XV веку опредѣляется преобладающее значеніе Москвы, какъ центра не только государственнаго, но и культурнаго, съ явной тенденціей къ объединенію въ себѣ русскихъ литературныхъ стремленій. Между тѣмъ Киевъ, оказавшійся во второй половине XVI века в новыхъ историческихъ условияхъ жизни, вмѣстѣ съ другими южно- и западно- русскими городами подпавъ западному вліянію, вырабатываетъ новыя литературныя теченія и запросы, которые потомъ передаются в Москву и хотя сначала встрѣчаютъ тамъ — главнымъ образомъ на вѣроисповѣдной почвѣ — отпоръ, однако в концѣ концовъ, в своихъ литературныхъ элементахъ, принимаются и в значительной степени усваиваются. Вмѣстѣ съ тѣмъ в XVI веке обнаруживается рядъ опредѣленныхъ пріобрѣтеній московской литературной жизни: развитіе публицистики, появленіе крупныхъ писателей, вродѣ князя А. М. Курбскаго или Максима Грека, обширные памятники общаго характера, какъ Домострой, Стоглавъ и Макарьевскія Четьи-Миней. Эти обстоятельства даютъ возможность установить — конечно, в общихъ чертахъ — вслѣдъ за древнѣйшей или „киевской“ эпохой (XI—XII вв.) т. наз. „средніе века“ (XIII—XVI) нашей литературы, непосредственно примыкающіе къ переходной эпохѣ XVII и первыхъ десятилѣтій XVIII века. Т. о., подъ „древнимъ періодомъ“ или „древней литературой“ мы разумѣемъ в нашемъ изложеніи „древнѣйшую“ эпоху и „средніе века“ в рамкахъ XI—XVI столѣтій. Затѣмъ, внутри установленныхъ этими гранями рамокъ литературный матеріалъ приходится разсматривать отчасти в произвольномъ порядкѣ, такъ какъ для хронологическаго опредѣленія многихъ явленій литературы древняго періода нѣтъ достовѣрныхъ данныхъ. Конечно, едва ли возможно прикинуть цѣликомъ къ мысли А. Н. Пыпина¹⁾ о томъ, что древнерусская литература первыхъ вековъ не имѣетъ хронологіи, но трудность, вытекающая изъ теперешняго уровня нашихъ знаній по этому вопросу, очевидна, съ ней приходится считаться и ждать дальнѣйшаго

1) И. Р. Л. Т. I, предисловіе, с. IV—V.

проясненія въ этой области отъ будущихъ изслѣдованій отдѣльныхъ памятниковъ по возможно большому количеству ихъ списковъ: тогда могутъ получиться данныя объ ихъ основныхъ редакціяхъ, если памятникъ былъ популяренъ и читался на протяжении долгаго времени, а эти данныя помогутъ опредѣлить и отдѣльныя стадіи его развитія въ извѣстной, хотя бы приблизительной, хронологической обстановкѣ. Въ настоящее же время, при классификаціи литературныхъ фактовъ, остается съ одной стороны пользоваться тѣми пріобрѣтеніями нашей науки, которыя имѣются уже на лицо по части изслѣдованія времени появленія и дальнѣйшаго развитія отдѣльныхъ памятниковъ древняго періода, а съ другой — гдѣ этихъ данныхъ не достаточно — приходится располагать памятники, въ извѣстныхъ хронологическихъ граняхъ, уже по „родамъ“, напр. житія, поученія, путешествія, историческія сказанія и т. д., а въ позднѣйшіе вѣка — по отдѣльнымъ писателямъ или крупнымъ коллективнымъ произведеніямъ, вродѣ Стоглава, Домостроя и т. п.

Итакъ, планъ нашего изложенія будетъ таковъ:

1. Древнѣйшая эпоха XI—XII вв., сосредоточивающая въ себѣ развитіе обще-русской литературы въ Кіевѣ до его политическаго паденія.
2. Средніе вѣка въ предѣлахъ XIII—XVI столѣтій. Тутъ нужно остановиться сначала на литературныхъ явленіяхъ XIII и XIV вв., возникшихъ въ разныхъ мѣстныхъ центрахъ на основѣ старыхъ традицій кievской эпохи, а затѣмъ и на такихъ явленіяхъ этой же поры, которыя возникли въ извѣстной степени подъ вліяніемъ мѣстныхъ, специальныхъ особенностей и настроеній. Естественнымъ продолженіемъ послѣдней категоріи является обще-русская литература XV и XVI вв., сосредоточившаяся преимущественно въ Москвѣ.
3. Наконецъ, придется обратиться къ переходной эпохѣ (XVII—XVIII вѣка), при чемъ сначала должны будутъ занять наше вниманіе литературныя явленія Юго-западной Руси XVI—XVII вв., потомъ литература Московской Руси XVII в. и далѣе въ тѣсномъ смыслѣ „Петровская эпоха“ съ ея продолженіемъ въ XVIII вѣкѣ вплоть до Ломоносова¹⁾.

Изученіе древняго періода русской литературы имѣетъ свои особенности и свои спеціальныя трудности. По вопросу о возможности вообще научнаго изложенія древней русской литературы мы имѣемъ до крайности

1) Намѣченная тутъ схема дѣленія русской литературы на періоды, особенно въ болѣе мелкихъ частяхъ, не является, какъ можетъ замѣтить читатель, въ нашей наукѣ вполне традиціонной. Для ознакомленія съ другими мнѣніями по этому вопросу могу указать на слѣдующіе труды: Н. С. Тихонова „Вступительная лекція въ Московскомъ Университетѣ 15 сентября 1859 года“ и „Задачи исторіи литературы и методы ея изученія“ (Соч., I и II); М. Н. Сперанскаго „Дѣленіе исторіи русской литературы на періоды и вліяніе русской литературы на юго-славянскую“ (Р. Ф. В. 1896, № 3—4); В. М. Истрина „Введеніе въ исторію русской литературы второй половины XVII

противоположныя сужденія: если еще въ 40-хъ годахъ XIX в., когда только что началось систематическое изученіе русской литературы древняго періода по памятникамъ, С. П. Шевыревъ съ большою легкостью начертывалъ картины русской литературной жизни XI—XVI вв., то одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей въ этой области, Н. К. Никольскій, при несравненно болѣе благоприятныхъ условіяхъ по части подготовительной научной работы, приходитъ къ такому сужденію: „Если отнестись внимательно къ фактамъ, изъ коихъ исходятъ выводы относительно литературы древняго періода, то шаткость ихъ обнаруживается при самомъ поверхностномъ просмотрѣ неизученныхъ списковъ . . . Для составленія научной исторіи древне-русской литературы не наступило еще время. Научное право на существованіе принадлежитъ пока церковно-историческому изученію духовно-учительной книжности въ ея происхожденіи, составѣ и генеалогіи отдѣльныхъ списковъ и произведеній“¹⁾. Крайности того и другого взгляда находятъ себѣ, по нашему мнѣнію, извѣстное примиреніе во взглядѣ А. И. Соболевскаго: „Научная исторія литературы Московской Руси XVI и XVII вѣковъ (съ Петровскою эпохою), по нашему мнѣнію, возможна. Правда, не все, имѣющее значеніе, издано; историку необходимо работать (и много работать) по рукописямъ. Научная исторія литературы Юго-западной Руси XVII вѣка также возможна. Конечно, и здѣсь историку придется пользоваться и рукописями, и рѣдкими старопечатными изданіями. Иное дѣло — научная исторія литературы домонгольской Руси, сѣверо-восточной Руси XIII—XV столѣтій, юго-западной Руси XIII—XVI столѣтій. Здѣсь историкъ не имѣетъ подъ ногами почвы: онъ не знаетъ, о чемъ говорить“²⁾. Присоединяясь къ этому мнѣнію въ общемъ, мы однако же думаемъ, что тамъ, гдѣ невозможна изчерпывающая „исторія литературы“, изъ которой потомъ ничего бы не приходилось брать обратно или которую не оказалось бы нужнымъ дополнять или измѣнять, возможно и полезно осторожное историческое обзорѣніе литературныхъ фактовъ, ихъ выборъ и объясненіе по мѣрѣ имѣющихся матеріаловъ и на основѣ реальной исторической критики.

Дѣйствительно, прежде всего затруднителенъ выборъ историко-литературнаго матеріала, производимый съ точки зрѣнія по возможности точнаго сужденія о томъ, что собственно должно входить въ область историко-литературнаго изученія. При рѣшеніи этого вопроса должны быть принимаемы въ соображеніе историческія условія культурной жизни народа и

вѣка“. Одесса 1903. — Въ частности по вопросу о „кіевскомъ“ періодѣ весьма интересны замѣчанія акад. Истрина въ Ж. М. Н. Пр. 1902, № 3 (по поводу книги проф. Владимірова: Древняя русская литература. 1901) и въ Ж. М. Н. Пр. 1905, № 8, с. 247—251. 265—266 (противъ сужденій д-ра И. Франка о мало-русской литературѣ) и А. И. Соболевскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1906, № 6.

1) Ближайшія задачи изученія древне-русской книжности. Спб. 1902, с. 31. 32.

2) Нѣсколько мыслей о древней русской литературѣ. Спб. 1903, с. 18—19.

вообще реальная обстановка его литературного развития: выведенная теоретически и отвлеченно, общая формула о сущности литературного произведения может оказаться совершенно не применимой на практикъ. Эта формула по отношению къ русской литературѣ могла бы быть такова: въ кругъ историко-литературнаго изученія должны входить такія произведения русскаго слова, которыя заключаютъ въ себѣ общій историко-культурный интересъ и облечены въ извѣстную литературную форму. Но, прежде всего, нужно рѣшить, что слѣдуетъ разумѣть подъ понятіемъ историко-культурнаго интереса. Одинаково ли содержаніе этого понятія для разныхъ эпохъ русской литературы? Степень историко-культурнаго интереса того или иного произведения опредѣляется не только собственно литературными качествами послѣдняго, но и общей совокупностью нашихъ представлений о данной эпохѣ и отношеніемъ къ ней разбираемаго произведения. Отсюда проистекаетъ то, что данное произведеніе или даже цѣлый кругъ однородныхъ литературныхъ произведений, цѣнный въ историко-культурномъ смыслѣ для извѣстной эпохи, позднѣе, при обогащеніи духовной жизни народа и при большей сложности его литературнаго развития, уже теряетъ значительную степень этой цѣнности, дѣлается болѣе специальнымъ и, т. о., выходитъ изъ сферы литературнаго интереса новой эпохи; поэтому, то, что въ наше время составляетъ, напр., удѣлъ исторіи церкви, права и т. п., въ болѣе отдаленную эпоху имѣло общій культурный интересъ, болѣе широкое значеніе и вліяніе. Для настоящаго времени никто не внесетъ въ кругъ собственно литературныхъ явленій церковную проповѣдь или какое-нибудь описаніе путешествія въ Святую Землю, но для ранней поры нашей письменности такія произведенія имѣли совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ теперь, замѣняя нашимъ предкамъ романъ, повѣсть или публицистическій трактатъ. Далѣе — литературная форма. Подъ вліяніемъ иноземныхъ литературныхъ теченій и развитія вкусовъ, формы такъ же мѣняются, какъ и степень историко-культурнаго интереса даннаго произведенія. Въ первыя десятилѣтія XVIII в., т. е. какъ разъ въ концѣ переходнаго періода отъ „древней“ литературы къ „новой“, на русскую почву были пересажены — пока теоретически — разнообразныя литературныя формы западно-европейскаго ложноклассицизма или — правильнѣе было бы сказать — новоклассицизма, но если примѣнить ихъ къ древнему періоду, то отъ него останется очень мало литературнаго содержанія. Поэтому, для древняго періода онѣ будутъ другія: это — поученія, житія святыхъ, посланія къ разнымъ лицамъ, лѣтопись и т. д. По этимъ приблизительно рубрикамъ намъ и придется вести изложеніе литературныхъ явленій „древнѣйшей“ эпохи. Что же касается „среднихъ вѣковъ“, то хотя эти формы въ нихъ, благодаря силѣ литературной традиціи, удерживаются, однако изложеніе можетъ располагать и другими путями, явившимися результатомъ болѣе широкаго развитія литературы, появленія новыхъ вліяній извнѣ, большей связи литературы съ жизнью, извѣстныхъ политическихъ или общественныхъ тенденцій и другихъ при-

чинъ; впрочемъ, общій характеръ назидательности съ большой послѣдовательностью, несмотря на измѣнчивость литературныхъ формъ, удерживается въ теченіе всего древняго періода.

За выборомъ матеріала должно слѣдовать его изученіе и историко-литературная оцѣнка, которыя также въ древнемъ періодѣ нашей литературы имѣютъ свои особенности. Исторія литературы имѣетъ дѣло главнымъ образомъ съ продуктами оригинальнаго творчества, хотя и переводные памятники далеко не лишены своего значенія, указывая на характеръ литературныхъ запросовъ данной эпохи, степень просвѣщенія, состояніе литературнаго языка. Въ древнемъ періодѣ, особенно въ первые вѣка нашей письменности, когда имя автора даннаго произведенія далеко не всегда извѣстно, иногда бываетъ весьма трудно, а порою и невозможно, опредѣлить оригинальное или переводное происхожденіе даннаго памятника; особенно это касается мелкихъ произведеній, вродѣ церковныхъ поученій и разнаго рода назидательныхъ или повѣствовательныхъ статей. Если нѣтъ опредѣленныхъ фактическихъ указаній въ самомъ содержаніи произведенія, то — при его анонимности — почти нѣтъ возможности установить сколько-нибудь надежный критерій для отличія оригинальнаго памятника отъ переводнаго; особенно это касается древнѣйшей эпохи, когда близость и зависимость русскаго міровоззрѣнія отъ византійскихъ традицій стирала малѣйшіе слѣды оригинальности русскаго автора, если только онъ не обладалъ выдающимся дарованіемъ; точно также и по языку не всегда легко судить объ оригинальности памятника. Наконецъ, много мѣшаютъ этому и древне-русскіе литературные „псевдонимы“, которые вытекали изъ слабости литературнаго сознанія и о которыхъ ниже сказано будетъ особо. Изученіе литературнаго произведенія самого по себѣ, когда уже вопросъ объ его оригинальномъ происхожденіи рѣшенъ такъ или иначе въ положительномъ смыслѣ, представляетъ для древняго періода также своеобразныя трудности. Именно, далеко не всегда возможно установленіе первоначальнаго текста — даже при наличности имени автора и точномъ опредѣленіи времени происхожденія памятника. Автографическіе тексты представляютъ для древняго періода большую рѣдкость и могутъ быть установлены относительно нѣкоторыхъ авторовъ лишь въ XVII вѣкѣ; поэтому, приходится довольствоваться копіями. Если произведеніе много читалось и вообще пользовалось распространеніемъ, то такихъ копій имѣется обыкновенно значительное количество, и вотъ тутъ-то для историка возникаетъ большая трудность. Съ одной стороны, копіи ухудшали оригиналъ влѣдствіе неизбежныхъ при перепискѣ ошибокъ; съ другой стороны, переписчики нерѣдко относились съ большою свободой къ переписываемому тексту и, т. ск. усваивая его себѣ, измѣняли, сокращали и дополняли. Въ результатѣ, на протяженіи извѣстнаго времени — то нѣсколькихъ десятилѣтій, то даже столѣтій — получается рядъ списковъ, изъ которыхъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, можно выдѣлить группы

съ однороднымъ составомъ содержанія или литературной обработки: это — „редакціи“ даннаго памятника, представляющія иногда весьма цѣнный матеріалъ для изученія судьбы произведенія и исторіи отношенія къ нему читателей. Если памятникъ вызывалъ интересъ къ себѣ въ теченіе болѣе или менѣе значительнаго времени, то опредѣленіе сравнительной древности редакцій, въ томъ числѣ и первоначальной, представляетъ большія, часто непреодолимыя затрудненія, при чемъ древность списка не всегда можетъ служить гарантіей и древности редакціи. Иногда бываетъ такъ, что древнѣйшая редакція случайно сохранилась какъ разъ въ болѣе позднемъ спискѣ, тщательно сдѣланномъ съ древняго оригинала, тогда какъ позднѣйшія видоизмѣненія послѣдняго находятъ себѣ мѣсто въ спискахъ болѣе древнихъ, чѣмъ этотъ поздній хранитель старой редакціи. Именно такъ, напр., обстоитъ дѣло съ Житіемъ Бориса и Глѣба, приписываемымъ черноризцу Іакову, редакція котораго — по заключенію И. И. Срезневскаго — въ спискѣ XVII вѣка древнѣе редакціи этого памятника въ Сильвестровскомъ Сборникѣ XIV вѣка; то же, по видимому, обнаруживается при изученіи Домостроя. Возникновеніе „редакцій“ памятника не можетъ быть приписано случайности: это, напротивъ — совершенно опредѣленное отношеніе къ памятнику въ томъ или иномъ смыслѣ, съ той или другой точки зрѣнія, иногда съ рѣзко обозначенной тенденціей, обличающей литературные вкусы редактора или его эпохи, тогда какъ списки, или изводы памятника, входящіе въ ту или иную редакцію, носятъ на себѣ механическій характеръ происхожденія, отличаясь лишь большей или меньшей точностью воспроизведенія и индивидуальными промахами переписчика. Наличие длиннаго ряда „редакцій“, свидѣтельствующихъ о приспособленіяхъ даннаго памятника къ тѣмъ или инымъ условіямъ времени и мѣста, можно видѣть, напр., на лѣтописяхъ, т. наз. Моленіи Данила Заточника или литературной обработкѣ историческаго сюжета о Куликовской битвѣ. Значеніе редакцій, при внимательномъ ихъ изученіи, нерѣдко далеко переходитъ за предѣлы простого текстуальнаго измѣненія памятника: по нимъ можно представить иногда не только историческую судьбу даннаго произведенія, но и отмѣтить извѣстныя общія литературныя теченія или индивидуальныя авторскія настроенія, отразившіяся, въ разные моменты литературной жизни, на той или иной его обработкѣ.

2.

Основой всякой литературы является духовная организація народа, ее создавашаго, а органомъ ея выраженія — его языкъ.

Что же представляла собою та совокупность духовныхъ особенностей русскаго народа, которая дала начало его литературѣ? Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ легче поставить, нежели дать на него опредѣленный от-

вѣтъ. Къ предполагаемому моменту возникновенія первыхъ памятниковъ письменности, въ X вѣкѣ, русскій народъ не представляетъ единства въ своемъ этнографическомъ составѣ. Въ основѣ это были славяне, окруженные азіатскими кочевниками, готами, литовцами, финнами и загадочными варягами, принесшими съ собою и самое имя „Руси“. Оставляя въ сторонѣ Геродота, который будто бы подъ „скиѳами“ разумѣлъ славянъ восточно-европейской равнины, нужно сказать, что и болѣе поздніе изъ иностранныхъ источниковъ, византійцы (съ VI в.) и восточные писатели (съ X в.) даютъ лишь свѣдѣнія внѣшняго характера. Полнѣе представляются свидѣтельства древнѣйшей нашей лѣтописи и другихъ памятниковъ первыхъ вѣковъ нашей письменности, вродѣ поученій, житій и т. п., но это какъ разъ — такой источникъ, который самъ нуждается въ освѣщеніи и объясненіи искомыми данными. Другой источникъ, сравнительное языковѣдѣніе, даетъ также слишкомъ общія и неопредѣленные указанія „о культурномъ типѣ“ славяно-русскаго племени: выясняется его родовое единство съ племенемъ аrio-европейскимъ и въ частности съ группой литовско-славянской.

Не менѣе труднымъ представляется и вопросъ о русскомъ языкѣ къ началу русской письменности. Собственно-народные элементы этого языка, въ его предполагаемыхъ наукой діалектологическихъ развѣтвленіяхъ, навсегда исчезли изъ поля зрѣнія историка, никѣмъ не записанные, подобно тому, какъ исчезли безслѣдно и черты народнаго быта, понятій и нравовъ той эпохи. Памятники письменности, начиная съ пол. XI вѣка, представляютъ намъ русскій литературный языкъ подѣ той или иной степенью вліянія языка церковно-славянскаго; эта степень вліянія колеблется между какимъ-нибудь переводомъ святоотеческаго сочиненія, съ языкомъ почти цѣликомъ церковно-славянскимъ, и грамотой или лѣтописью, гдѣ оригинальный русскій элементъ находитъ себѣ наиболѣе свободное выраженіе. Первые документальныя свидѣтельства о „русскомъ“ языкѣ связаны съ именемъ славянскаго первоучителя Константина Кирилла, въ т. наз. Паннонскомъ житіи котораго прямо говорится: „обрѣте [Кирилль] ту [въ Корсуни] евангеліе и псалтырь русьскы письмены писано, и челоуѣка обрѣтъ глаголюще тою бесѣдоу, и бесѣдовавъ съ нимъ и силу рѣчи примъ, своей бесѣдъ прикладая различная письмена гласная и согласная, и вскорѣ начать чисти и сказати“. Описанное тутъ событіе относится ко второй половинѣ IX вѣка, хотя историческая критика подвергаетъ достовѣрность этого свидѣтельства нѣкоторому сомнѣнію: б. м., подѣ „русскими“ письменами разумѣются тутъ готскія, какъ думаетъ, напр., Голубинскій¹⁾. Къ X вѣку относится уже рядъ отечественныхъ указаній на факты письменнаго употребленія русскаго языка — напр., въ договорахъ вел. кн. Олега и Игоря съ греками, а съ XI вѣка мы имѣемъ и самые памятники русскаго письма, древнѣйшимъ

1) И. Р. Ц. I, 2, 2 изд., с. 336, пр. 3.

изъ которыхъ доселѣ остается запись писца діакона Григорія на экземплярѣ Евангелія, писаннаго имъ въ 1057 году для Новгородскаго посадника Остромира: какъ запись эта, такъ въ особенности самый текстъ евангельскихъ чтеній, помѣщенный въ этомъ великолѣпномъ памятникѣ церковно-славянской письменности русскаго происхожденія, носятъ на себѣ черты книжнаго церковно-славянскаго языка, лишь съ незначительными проявленіями собственно русской стихіи¹⁾.

Наиболѣе вліятельными факторами въ опредѣленіи духовной сущности народа, создающаго литературу, является природа и историческая обстановка жизни. Природныя данныя восточной половины Европы, въ силу самой громадности этого пространства, были далеко не одинаковы на сѣверѣ и на югѣ и, при всей наличности естественныхъ путей сообщенія по рѣкамъ, при отсутствіи непреодолимыхъ препятствій къ передвиженіямъ, вслѣдствіе равниннаго характера мѣстности, дали возможность возникновенія специальныхъ условій жизни и образованія народнаго характера: съ одной стороны — сѣверной выносливости, суровости и замкнутости, а съ другой — южной мягкости, общительности, наклонности къ поэзіи, искусству, общественнымъ увеселеніямъ, при многочисленныхъ разнovidныхъ отклоненіяхъ и развѣтвленіяхъ въ ту или другую сторону. Однако черты единства были настолько дѣйствительны, что уже ко второй половинѣ IX вѣка явилась возможность, среди группы этихъ разрозненныхъ племенъ, извѣстнаго политическаго сознанія и возникновенія не только идеи, но и осуществленія опредѣленной государственной организаціи, заявившей себя актами какъ внутренней дѣятельности, такъ и внѣшнихъ, активныхъ и весьма успѣшныхъ, международныхъ выступленій²⁾.

Что касается историческихъ воздѣйствій, то они шли, съ одной стороны, съ азіатскаго востока. Самымъ положеніемъ своимъ восточно-европейская равнина и населившія ее русскія племена, послѣ великаго славянскаго движенія въ первые вѣка христіанской эры, была ареной чужеземныхъ нашествій — скивовъ, готовъ, гунновъ, аваровъ, о которыхъ, впрочемъ, дошли до насъ самыя темныя историческія воспоминанія. Весьма вѣроятно, что уже въ IV—V вв. восточные славяне должны были вынести на себѣ бурную эпоху великаго передвиженія народовъ съ во-

1) Перечень другихъ, датированныхъ и не датированныхъ, русскихъ рукописей XI вѣка см. въ трудѣ Н. К. Никольскаго: Матеріалы для повременнаго списка русскихъ писателей и ихъ сочиненій (X—XI вв.). Спб. 1906, с. 479—499.

2) Впрочемъ, при опредѣленіи воздѣйствія природы страны на человѣка надо имѣть въ виду чрезвычайную трудность подобнаго рода наблюденій и обобщеній: „стараясь проникнуть — справедливо говоритъ В. О. Ключевскій — въ таинственный процессъ, какимъ древній человѣкъ воспринималъ впечатлѣнія окружавшей его природы, мы вообще расположены переносить на него наши собственныя ощущенія“ (Курсъ русской исторіи. Ч. I. М. 1904, с. 74).

стока на западъ и получить первое знакомство со своей исторической судьбой — служить оплотомъ западной цивилизаціи противъ натисковъ восточнаго варварства. Однако уже въ V—VIII вв. на Дунаѣ, въ Карпатахъ, Панноніи, по берегамъ Вислы образуется рядъ славянскихъ государствъ, давшихъ начало т. наз. теперь южному и западному славянству; въ IX в., какъ уже сказано, сложилось и русское государство. Все это въ достаточной степени свидѣтельствуетъ о крѣпкихъ этнологическихъ началахъ славянскаго племени и дѣлаетъ отчасти понятными взрывы необычайной политической энергіи русскихъ славянъ въ X вѣкѣ, когда русскіе князья, не взирая на свои сравнительно малыя культурныя и матеріальныя средства, малочисленность своихъ подданныхъ и трудность передвиженій по морю, дерзаютъ, и не безъ успѣха, поднимать свою завоевательную руку на такой величественный организмъ, какъ Византія: историческое зрѣлище, во всякомъ случаѣ не лишнее героическаго элемента. Эта-то Византія и была именно другой стороною, съ которой шла на древнюю Русь волна историческихъ воздѣйствій.

Самымъ первымъ и могучимъ актомъ византійскаго вліянія на русскую жизнь въ ту отдаленную эпоху было христіанство, явившееся результатомъ высокаго миссіонерскаго подвига двухъ великихъ грековъ — Кирилла и Меводія, которымъ суждено было сдѣлаться первоучителями славянъ и положить начало ихъ духовному просвѣщенію; изъ нихъ особенно выдѣляется, по отношенію къ русскимъ славянамъ, личность Кирилла, по мірекому имени Константина, который совершилъ путешествіе, съ цѣлію проповѣди христіанства, въ сосѣднюю русскимъ Хозарію и изобрѣлъ славянскую азбуку. Собственно, христіанство, начало котораго на Руси официально датируется 988 годомъ, и грамотность, принесенная въ формѣ славянскаго алфавита и первыхъ переводовъ священныхъ книгъ, были на Руси и до этого времени. Оставляя въ сторонѣ недостоверныя легенды о проповѣди ап. Андрея въ Кіевѣ и Новгородѣ и о крещеніи Новгородцевъ въ Сурожѣ, мы имѣемъ свидѣтельство о томъ, что уже въ составѣ дружинъ первыхъ русскихъ князей (б. м., Рюрика и Олега, гораздо вѣроятнѣе — Игоря) были христіане, принявшіе христіанство въ Константинополѣ; въ Кіевѣ для нихъ даже существовала церковь св. Іліи; в. кн. Ольга сама крестилась между 952—957 годами въ Константинополѣ, и, т. о., крещеніе Владиміра, символизирующее собою крещеніе всей Руси, было актомъ не столько новымъ, сколько важнымъ и торжественнымъ, закрѣпившимъ собою прежнія единичныя, хотя б. м. и нерѣдкія, соприкосновенія русскихъ людей съ христіанствомъ. Грамотность тоже, вѣроятно, существовала до изобрѣтенія азбуки Кирилломъ-философомъ, какъ видно изъ приведеннаго уже свидѣтельства Паннонскаго житія Кирилла, а также изъ знаменитаго сочиненія Черноризца Храбра „О писменехъ“, гдѣ онъ прямо говоритъ, что до изобрѣтенія славянской азбуки славяне въ языческое время „чертами и рѣзами

чътяху и гатааху“, а по принятіи христіанства употребляли греческій и латинскій алфавиты — хотя противъ того и другого свидѣтельства примѣнительно къ русскимъ славянамъ имѣются вѣскія возраженія со стороны ученой критики.

Не входя въ оцѣнку тѣхъ политическихъ и, весьма вѣроятно, небезкорыстныхъ мотивовъ, по которымъ Византія озаботилась спеціальной проповѣдью христіанства среди славянъ и рѣшила дать имъ возможность, поддержанную потомъ и главой западной церкви, читать на родномъ языкѣ Священное Писаніе и слушать церковную службу, самый фактъ христіанскаго просвѣщенія славянъ, и въ частности славянъ русскихъ, имѣлъ огромнѣйшее вліяніе на весь ходъ ихъ послѣдующей исторической жизни. Если принять во вниманіе, что язычество русскихъ славянъ того времени давало лишь самыя скудныя представленія о внѣшнемъ и внутреннемъ мірѣ человѣка, то внесеніе христіанства явилось для тогдашняго человѣка на Руси первой цѣльной космогоніей и вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ кодексомъ нравственности; оно окружило его красотой величественныхъ храмовъ, примѣрами религіознаго аскетизма, давало ему перспективы будущаго спасенія, наконецъ — оно предоставляло ему начатки книжнаго просвѣщенія. Для болѣе впечатлительныхъ и воспримчивыхъ людей христіанство было источникомъ полнаго духовнаго перерожденія, а для людей обыкновенныхъ — важной перемѣной, способной направить и дѣйствительно иногда направлявшей жизнь совершенно поновому. Конечно, такой переходъ отъ стараго къ новому въ массахъ народныхъ происходилъ чрезвычайно медленно. Первыми носителями христіанства, его вѣроученія, обрядности и нравственныхъ воззрѣній, явилась сравнительно небольшая группа греческихъ и южно-славянскихъ пришельцевъ-священнослужителей, принесшихъ съ собою священныя и богослужебныя книги, церковную утварь, приводившихъ мастеровъ для постройки храмовъ, списыванія книгъ и пр.; къ нимъ присоединилась извѣстная часть болѣе ревностныхъ и способныхъ адептовъ новой вѣры изъ русскихъ, но усилій этихъ людей по организаціи христіанства на Руси было недостаточно на всю массу невѣжественнаго, языческаго, разбросаннаго по лѣсамъ и степнымъ убѣжищамъ народа; поэтому, сколько-нибудь фактическіе успѣхи христіанства имѣли мѣсто лишь въ городахъ, среди высшаго класса княжескихъ дружинниковъ, купцовъ и т. д. При такомъ положеніи вещей, съ самаго же начала неизбежно было возникновеніе того „двоевѣрія“, которымъ учителя русской церкви именовали духовное состояніе русскаго народа въ первые вѣка христіанства; оно состояло въ томъ, что въ народномъ міровоззрѣніи и въ жизни одновременно существовали и дѣйствовали элементы стараго язычества, съ грубой жестокостью, звѣрскими инстинктами и темнымъ суевѣріемъ — съ одной стороны, и новаго христіанства съ его стройной догматикой, ученіемъ кротости и милосердія, мыслью о будущемъ спасеніи — съ другой. Русское духовенство съ церковной каведры и письменно всячески боролось съ этимъ явле-

леніем¹⁾, но сила привычки народной, недостатокъ организованныхъ средствъ просвѣщенія и вообще слишкомъ слабое духовное воздѣйствіе на народныя массы были причиною того, что „двоевѣріе“ проходитъ по всему періоду старой русской исторіи вплоть до реформы Петра Великаго и, въ качествѣ отдѣльныхъ явленій, существуетъ, какъ извѣстно, и въ настоящее время. Наблюденія надъ этимъ любопытнымъ явленіемъ народной жизни и обличенія его со стороны церковныхъ пастырей и даже свѣтской власти вошли въ составъ многихъ литературныхъ произведеній древняго періода нашей литературы: поученій, посланій, житій, легендарныхъ разсказовъ и апокрифическихъ сказаній. Что же касается возможности для славянъ, и въ томъ числѣ русскихъ, имѣть свое богослуженіе и книги на родномъ, понятномъ имъ языкѣ, данной имъ изобрѣтеніемъ славянскаго алфавита и переводомъ главныхъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, то этотъ міровой подвигъ Кирилла и Меѳодія имѣлъ неисчислимыя выгоды для всего послѣдующаго политическаго и культурнаго развитія славянства, въ его цѣломъ и отдѣльныхъ народностяхъ; въ этомъ подвигѣ великихъ славянскихъ первоучителей и ихъ сотрудниковъ славяне получили преимущества, которыми и до настоящаго времени не располагаютъ многіе народы романскаго запада, остающіеся въ лонѣ католической церкви.

Для характера русской литературы и отразившагося въ ней характера русской религіозной жизни въ древнюю пору не безразличенъ былъ и тотъ историческій моментъ, въ который Византія передала Руси христіанство. Между восточной и западной церковью уже издавна шли несогласія и споры по разнымъ вопросамъ вѣроученія и церковной практики, но подготовлявшійся разрывъ не осуществился еще ни въ эпоху дѣятельности Кирилла и Меѳодія, ни въ пору крещенія русской земли при Владимірѣ Святѣмъ, и только въ пол. XI вѣка, когда уже кievская митрополія окрѣпла до возможности имѣть владыку изъ своихъ русскихъ, было официально объявлено о раздѣленіи церквей. Конечно, восточная церковь вышла изъ этого спора съ полнымъ сознаніемъ своей правоты и не замедлила внушить это сознаніе подчиненной ей церкви русской. Еще раньше этого, а послѣ раздѣленія съ особенной силой, проводилась греческими церковными іерархами и писателями мысль о западной схизмѣ и еретическомъ характерѣ западныхъ церковныхъ уклоненій отъ единого и незыблемаго авторитета церкви восточной; т. о., въ глазахъ русскихъ возникла и укрѣпилась идея о „поганныхъ латынѣяхъ“, легко перешедшая въ ихъ сознаніи, руководимомъ греками, изъ специально религіозной сферы въ кругъ болѣе общихъ понятій: недовѣріе и отрицаніе, иногда въ самой рѣзкой формѣ, перешло на западныхъ людей вообще,

1) Обзорніе относящихся сюда фактовъ можно найти въ работѣ П. Азбукина: Очеркъ литературной борьбы представителей христіанства съ остатками язычества въ русскомъ народѣ (XI—XIV вв.) Р. Ф. В. 1892 № 3, 1896 № 2, 1897 № 1—2, 3—4, 1898 № 1—2.

ихъ жизнь, складъ понятій, науку, искусство, формы общежитія. Здѣсь именно кроется не только происхожденіе особаго отдѣла обличительной литературы противъ латинянъ, но и корень того непріязненнаго отдаленія отъ запада, который въ послѣдующіе вѣка русской жизни привелъ къ исключительной замкнутости на основѣ византійскихъ идеаловъ и глубокому отчужденію отъ западнаго, т. е. общеевропейскаго, движенія. Впрочемъ, такое міровозрѣніе достигло своего апогея лишь въ XVI вѣкѣ; при начаткахъ же русскаго христіанства и жизни на новыхъ основаніяхъ общеніе съ западомъ было настолько свободно, что оказывались возможными даже брачные союзы русскихъ князей съ иноземными королевскими и княжескими домами.

Т. о., древняя Русь, отмежеванная отъ востока непрестанной борьбой съ дикими кочевниками, охраняемая отъ запада ревнивой опекой греческой церкви, съ самаго же начала своего новаго существованія втягивалась въ сферу культурнаго и отчасти политическаго вліянія Византіи. Нельзя отрицать, что такія притязанія Византіи имѣли вполне реальную подкладку. Дряхлѣющій государственный организмъ Византіи все еще былъ могучимъ факторомъ міровой и, въ частности, европейской исторической жизни. Хотя наука и просвѣщеніе клонились къ упадку, все-же и въ этомъ отношеніи Византія обладала богатыми запасами прошлаго и извѣстной жизнеспособностью: въ XI—XIII вв. мы наблюдаемъ тамъ научно-философское движеніе — правда, главнымъ образомъ въ области церковной догматики (воззрѣнія І. Итала, Евстратія, Нила и др.) —, общее съ научнымъ теченіемъ философской мысли на западѣ¹⁾; во второй половинѣ XI в., какъ свидѣтельство извѣстнаго подъема научныхъ интересовъ, процвѣтаетъ Академія въ Константинополѣ, школы при патріархіи, монастыряхъ, въ областяхъ и въ столицѣ, гдѣ учатъ знаменитые для своего времени дидакалы²⁾. Нечего и говорить о прошломъ, когда Византія оказывала могучее вліяніе на западно-европейскую науку и питала нѣкоторыя отрасли ея литературы запасомъ легендъ и нравоучительныхъ сказаній, частію въ роли самостоятельнаго творческаго источника, частію какъ передаточное звѣно съ востока; наконецъ, роль Византіи по сохраненію древне-классическаго культурнаго наслѣдства и передачѣ его въ сокровищницу возрождавшейся старины въ Италіи и другихъ странахъ Европы слишкомъ извѣстна, чтобы имѣлась нужда въ особомъ указаніи на эту великую историческую ея заслугу.

Здѣсь не мѣсто говорить о вліяніи Византіи на политическую и общественную жизнь древней Руси, ея правовыя понятія и отношенія, искусство, промышленность или внѣшній укладъ жизни. Что касается книжнаго просвѣщенія и литературы, то въ этой области русскіе полу-

1) *Θ. Успенскій*. Богословское и философское движеніе въ Византіи XI и XII вѣковъ. Ж. М. Н. Пр. 1891 № 9, с. 139.

2) *Н. Скабалановичъ*. Византійская наука и школы въ XI вѣкѣ. Христ. Чтеніе 1884, I, с. 344—369. 730—770.

чили отъ Византіи изъ огромнаго ея запаса то, что могли воспринять въ качествѣ переводовъ съ греческаго частію собственными силами, но главнымъ образомъ при дѣятельной помощи южнаго славянства. Это были, прежде всего, книги Св. Писанія, толкованія ихъ отцами и учителями церкви (Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Кириллъ Іерусалимскій, Θεодоръ Студитъ, Аѳанасій, Ефремъ Сиринъ, Іоаннъ Дамаскинъ и др.), масса различныхъ „сборниковъ“, которыми особенно богата была византійская литература этой эпохи (Златоустъ, Маргаритъ, Златоструй, Андриатисъ, Измарагдъ, Златая Матица), Прологи, Патерики, Палея, Хроники и Хронографы, Христіанская топографія Козьмы Индикоплова, повѣсти (Александрія, Стефанитъ и Ихнилать, Девгеніево Дѣяніе, Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ), масса т. наз. апокрифическихъ сочиненій и другихъ продуктовъ литературнаго творчества, учености или начитанности, которыхъ здѣсь нѣтъ возможности перечислить сколько-нибудь подробно, и появленіе которыхъ на русской почвѣ распредѣляется на цѣлый рядъ вѣковъ въ послѣдовательномъ ходѣ русской литературы древняго періода. Этотъ огромный потокъ чуждыхъ литературныхъ произведеній подавлялъ русскаго читателя и книжника, едва справляшагося съ ними при самыхъ скудныхъ условіяхъ просвѣщенія, и только необычайной жизнеспособностью, живой впечатлительностью и вообще запасомъ природныхъ умственныхъ и душевныхъ ресурсовъ объясняется то, что наряду съ этой безконечной вереницей тяжелаго литературнаго багажа, мы можемъ наблюдать, въ качествѣ продуктовъ русской литературной мысли древняго періода, также и самостоятельныя произведенія, отвѣчавшія реальнымъ потребностямъ русской жизни и отражавшія собственное ея настроеніе, идеи, идеалы и самую дѣйствительность¹⁾.

Другимъ могущественнымъ литературнымъ вліяніемъ на древнюю

1) Къ сожалѣнію, мы до сихъ поръ не имѣемъ труда, который бы заключалъ въ себѣ по возможности исчерпывающій общій обзоръ всѣхъ фактовъ вліянія Византіи на ходъ русской литературы древняго періода, не смотря на наличность многихъ важныхъ монографическихъ изысканій въ этой области. Превосходная книга К. Крумбахера (*Geschichte der Byzantinischen Literatur*. 2. Aufl. München 1897) очень мало затрогиваетъ вопросъ о вліяніи византійской литературы на иносемныя [относительно русской литературы см. краткія замѣчанія на с. 34—36]. Полезныя указанія можно найти въ сочиненіяхъ: Нилъ Поповъ. О значеніи германскаго и византійскаго вліяній на русскую историческую жизнь въ первые два вѣка ея развитія. М. 1871, с. 46—55; В. С. Иконниковъ. Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи. К. 1869; Ф. Терновскій. Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси. I—II. К. 1875—1876; В. И. Ламанскій. Видные дѣятели у западныхъ славянъ въ XV, XVI и XVII ст. Введеніе. Славянскій Сборникъ, вып. I. Спб. 1875; А. Н. Пыпинъ. О сравнительно-историческомъ изученіи русской литературы. В. Евр. 1875 № 10. Древній періодъ русской литературы и образованности. В. Евр. 1875 №№ 11—12, 1876 № 9.

Русь было вліяніе западное. Оно пришло на смѣну воздѣйствію со стороны Византіи, и это было, по самому ходу русской культурной жизни, исторической необходимостью. Византійское вліяніе, въ его цѣломъ, не могло подавить естественныхъ стремленій молодого народа къ самостоятельному развитію. Территоріальная близость съ западомъ, и прежде всего нѣмецкимъ, повлекла за собою, уже въ первые вѣка русской исторической жизни, единичныя соприкосновенія съ западной жизнью, культурой, поэзіей и книжностью; послѣдовавшее затѣмъ усвоеніе византійско-церковной точки зрѣнія на западъ, который былъ сплошь латинскимъ, какъ на еретической, конечно затрудняло эти случаи общенія, но не устраняло ихъ. Отъ конца XII в. мы имѣемъ грамоты Новгородскихъ князей съ нѣмцами, и вообще Новгородъ, Смоленскъ и другіе города, лежавшіе въ сѣверо-западномъ углу русской государственной территоріи, являлись дѣятельными посредниками иностранныхъ вліяній съ запада; въ XIII в. замѣчаются слѣды вліянія западнаго искусства, черезъ посредство далматинскихъ славянъ, въ области Сѣверо-восточной Руси и т. д. Что касается собственно литературныхъ воздѣйствій, то, будучи въ начальныя вѣка русской письменности, лишь спорадическими, они принимаютъ съ XV вѣка довольно систематическій характеръ и даютъ на протяженіи XV—XVII вв. весьма значительное количество самыхъ разнообразныхъ переводовъ — преимущественно съ латинскаго и нѣмецкаго: тутъ имѣются историческія и географическія сочиненія, математическія, медицинскія, свѣтскія и духовныя повѣсти, лирика, дидактика и полемика ¹⁾. Начиная съ конца XVI вѣка и затѣмъ особенно въ XVII вѣкѣ переводы на русской языкъ западно-европейскихъ научныхъ и литературныхъ сочиненій, главнымъ образомъ черезъ посредство Польши, принимаютъ видъ общаго литературнаго движенія, приводя въ началѣ XVIII в., при Петрѣ Великомъ, къ полному перевороту въ литературныхъ вкусахъ, составѣ читателей и наличности книжнаго чтенія и подготавливая тѣмъ близкое наступленіе новаго литературнаго періода. Послѣднія три столѣтія старой литературной эпохи, съ пол. XV до пол. XVIII, являются временемъ все болѣе и болѣе усиливающагося западнаго литературнаго вліянія — сначала медленно, а затѣмъ необычайно быстро, между тѣмъ какъ византійское вліяніе постепенно замираетъ, и хотя въ XVI—XVII вѣкахъ русскіе книжники иногда и обращались къ греческимъ книгамъ для переводовъ, но эти обращенія имѣли уже специально-дѣловой характеръ и не могутъ служить указаніемъ на нѣкогда бывшее широкое вліяніе греческой литературы; знаніе греческаго языка въ эти годы также чрезвычайно упадаетъ ²⁾. Византійское вліяніе, неудержимо отходившее въ

1) А. Соболевскій. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. Спб. 1903, с. 38—259; Е. Пѣтуховъ. Слѣды непосредственнаго вліянія нѣмецкой литературы на древне-русскую. Ж. М. Н. Пр. 1897 № 7.

2) А. Соболевскій, назв. соч., с. 283—382.

прошлое, не могло быть спасено даже подъемом той византийской идеологии, которая была воскрешена политическими и культурными тенденциями московского самодержавия в XVI вѣкѣ¹⁾.

Оба указанныя вліянія, византийское и западное, простиравшіяся не на одну только литературу, но и на всю русскую жизнь, были показателями двухъ главнѣйшихъ и могущественныхъ теченій русской исторической жизни. По условіямъ своего географическаго положенія, по моменту выхода на историческую арену и по своему положенію среди событийъ всемірной исторіи, Русь, съ самаго же начала своего существованія, была обречена на иноземное вліяніе, которое, видоизмѣняясь, служило весьма важнымъ регулятивомъ ея исторіи. То или иное отношеніе къ византийскому и западному вліяніямъ какъ въ жизни, такъ и въ историческомъ пониманіи, издавна возбуждало споры о качествѣ этихъ вліяній порождало разнообразныя мнѣнія касательно ихъ оцѣнки, создавало до враждебной противоположности разныя міросозерцанія. Въ виду этого, и литературныя вліянія Византіи и Запада оцѣнивались у насъ различно. По отношенію къ византийскому вліянію издавна преобладало мнѣніе отрицательное. Въ концѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія Ѳ. И. Буслевъ говорилъ: „Въ настоящее время довольно распространено, между людьми, впрочемъ, образованными, мнѣніе, будто вліяніе византийское было вообще вредно для развитія и процвѣтанія нашей древней національной словесности; будто, кромѣ книжной схоластики, сковывающей всякое свободное движеніе мысли и чувства, литература византийская ничего не внесла въ нашу древнюю, собственно литературную дѣятельность; будто недостатокъ поэзіи въ древнихъ русскихъ письменныхъ памятникахъ преимущественно объясняется этимъ византийскимъ началомъ, враждебнымъ всему поэтическому, всему восторженному и воодушевляющему къ истинно-художественному творчеству“²⁾. Нѣсколько позднѣе К. Н. Бестужевъ-Рюминъ свидѣтельствовалъ почти о томъ же, указывая лишь иные мотивы: „У насъ въ обществѣ, а отчасти и въ наукѣ, преобладаетъ то мнѣніе, что византийское вліяніе было по преимуществу вредное, что къ намъ приходили произведенія по большей части риторовъ и позднѣйшихъ компиляторовъ, которые далеко были отъ научнаго развитія лучшей поры классической древности, и, слѣдственно, намъ открывался мутный, а не чистый источникъ знанія“³⁾. Однако оба на-

1) Изъ общихъ сочиненій, разсматривающихъ западное вліяніе въ русской литературѣ, кромѣ вышецитованныхъ, можно еще указать: Н. И. Петровъ. Вліяніе западно-европейской литературы на древне-русскую. Тр. Кіевск. Дух. Ак. 1872, №№ 4—8; Алексѣй Н. Веселовскій. Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. М. 1883, 4 изд. 1910 [здѣсь на с. 11—35 идетъ рѣчь о западномъ вліяніи на русскую литературу древняго періода].

2) „О народной поэзіи въ древней русской литературѣ“, въ сборникѣ: Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Спб. 1861, II, с. 53.

3) Русская Исторія. I. Спб. 1872, с. 141.

званные автора не раздѣляютъ этого взгляда, указывая на то, что византійское вліяніе внесло въ оборотъ русской литературной мысли множество дѣльных элементовъ нравственно-религіознаго и поэтическаго характера, обогатило ее массой произведеній выдающихся умовъ, вроде Василия Великаго или Іоанна Златоуста. Но вотъ сужденіе и другой стороны. „Культурное движеніе — говорить А. Н. Пыпинъ — имѣ [т. е. Царьградомъ] сообщаемое, столь ограниченное, что древняя Русь на много вѣковъ отстала въ этомъ отношеніи отъ Западной Европы, и въ томъ числѣ отъ своихъ западныхъ единоплеменниковъ . . . Византія не передала древней Руси своихъ научныхъ знаній, даже схоластическихъ; античныя преданія, которыя при посредствѣ греческихъ ученыхъ создали такое движеніе умовъ на западѣ въ періодъ „возрожденія“, у насъ были неизвѣстны или доходили отчасти въ скудномъ, отчасти просто въ каррикатурномъ видѣ. Взамѣнъ того, сообщены были и развились, во-первыхъ, слишкомъ вещественное пониманіе религіозныхъ предметовъ въ массѣ, во-вторыхъ крайняя нетерпимость, а вмѣстѣ съ ней и національная исключительность“¹⁾. Изъ видныхъ антагонистовъ византійскаго вліянія, въ его историческомъ пониманіи, можно бы еще назвать О. Э. Миллера, смотрѣвшаго однако же на многія явленія русскаго прошлаго совсѣмъ не съ той точки зрѣнія, какъ покойный А. Н. Пыпинъ. По отношенію къ западному вліянію, дѣло его исторической оцѣнки примѣнительно къ русской жизни и литературѣ становилось иногда еще рѣзче, причемъ, по противоположности этихъ двухъ вліяній, не всегда сторонники одного были и защитниками другого, ставя передъ собою идеаль самобытнаго развитія русской литературы. Намъ, въ данномъ случаѣ, нѣтъ никакой необходимости вдаваться въ вопросъ о томъ и другомъ вліяніи по существу или производить ихъ общую оцѣнку. Довольно отмѣтить здѣсь, что то и другое вліяніе было исторической необходимостью; съ обоими изъ нихъ надо считаться, какъ съ неизбѣжными фактами нашей литературной исторіи, и, оставляя въ сторонѣ задачи публицистики или общественной морали, отмѣчать и оцѣнивать эти вліянія лишь въ кругу самихъ фактовъ нашей литературы, подлежащихъ научному изученію.

Положеніе древней Руси относительно обоихъ источниковъ литературнаго вліянія — византійскаго и западнаго — было таково, что въ началѣ непосредственныя соприкосновенія съ ними были очень затруднительны. На помощь, въ качествѣ посредниковъ, пришли славяне: по отношенію къ византійскому источнику — болгары и сербы, по отношенію къ источнику западному — поляки и чехи; въ меньшей степени и болѣе или менѣе случайно участвовали въ этомъ посредничествѣ сербы Далматинскаго побережья.

Болгары были первыми вносителями къ намъ сокровищъ византій-

1) Древній періодъ русской литературы и образованности. В. Евр. 1875 № 12, с. 696—697.

ской литературы и образованности. Для кого бы ни были впервые сдѣланы Кирилломъ и Меѳодіемъ переводы богослужебныхъ книгъ — для мораванъ или, м. б., даже славянъ малоазійскихъ ¹⁾ — не подлежитъ сомнѣнію, что мы получили ихъ изъ болгарскаго источника. Въ самой Болгаріи, вскорѣ послѣ дѣятельности славянскихъ первоучителей, мы наблюдаемъ, при знаменитомъ царѣ Симеонѣ (893—927), необычайный расцвѣтъ болгарской литературы въ духѣ глубочайшаго византійскаго воздѣйствія и въ соотвѣтствіи съ разнообразными потребностями славянскаго народа, призваннаго путемъ обращенія въ христіанство къ новой жизни. Въ качествѣ переводчиковъ и самостоятельныхъ писателей являются тутъ чрезвычайно выдающіеся люди, какъ Іоаннъ Экзархъ Болгарскій, Климентъ, Константинъ и др., создавшіе своими трудами обширную литературу, которая имѣла потомъ на Руси огромное распространеніе ²⁾. Съ именемъ самого Симеона, не чуждаго литературнымъ занятіямъ и интересамъ, связано два замѣчательныхъ памятника древнѣйшей русской письменности — т. наз. Изборники вел. кн. Святослава 1073 и 1076 годовъ, способные дать превосходное понятіе о тогдашнихъ потребностяхъ русской литературы и объ источникахъ, изъ которыхъ она черпала свое содержаніе ³⁾. Многія болгарскія книги, содержащія въ себѣ переводныя съ греческаго или самостоятельныя, въ византійскомъ духѣ, произведенія, переносились на Русь и тамъ просто переписывались, иногда подновлялись, со внесеніемъ незначительныхъ измѣненій, сообразно требованіямъ русской фонетики и понемногу слагавшихся навыковъ русскаго правописанія. Это перенесеніе болгарскихъ литературныхъ памятниковъ на русскую литературную почву происходило въ теченіе XI—XIII в. и къ концу XIII вѣка затихло.

Со второй половины XIV вѣка въ роли посредницы между византійской и русской литературой выступаетъ Сербія: съ одной стороны, это были сербскія редакціи болгарскихъ переводныхъ и оригинальныхъ произведеній (Іоаннъ Златоустъ, Ефремъ Сиринъ, Григорій Двоесловъ, Пандекты инока Антіоха, Шестодневъ Іоанна Экзарха и др.), а съ другой —

1) Объ этомъ вопросѣ, далеко не одинаково разрѣшаемомъ въ наукѣ, см. интересный трудъ В. И. Ламанскаго: Славянское житіе Св. Кирилла, какъ религиозно-эпическое произведеніе и какъ историческій источникъ. Ж. М. Н. Пр. 1903 №№ 4. 5. 6. 12 и сужденіе Голубинскаго: И. Р. Ц. I. 2, 2 изд., с. 910—914.

2) Е. Пѣтуховъ. Болгарскіе литературные дѣятели древнѣйшей эпохи на русской почвѣ. Ж. М. Н. Пр. 1893 № 4, с. 298—322. Ср. П. Шафарикъ. Расцвѣтъ славянской письменности. Чт. Общ. Ист. и Др. 1848 № 7; С. Н. Палаузовъ. Вѣкъ Болгарскаго царя Симеона. Спб. 1852. В. Ягичъ. Исторія сербо-хорватской литературы. Казань 1871.

3) Первый изданъ фотолитографически О. Л. Д. П. въ Спб. 1880; второй В. Шимановскимъ въ 1887 году, въ приложеніи къ диссертацин „Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ“ и потомъ отдѣльно: Сборникъ Святослава 1076 года. Изд. 2, исправленное. Варшава 1894.

самостоятельные сербскіе переводы, совершенные частію въ самой Сербіи, но особенно на Аѳонѣ (Діонисій Ареопагитъ, Исаакъ Сиринъ, Шестодневъ Іоанна Златоуста), и оригинальные труды сербскихъ писателей — особенно житія — въ томъ же византійско-церковномъ направленіи ¹⁾. Въ XIV—XV вв. образуется даже особая полоса южно-славянскаго вліянія на русскую письменность, гдѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми новыми чертами самостоятельной, преимущественно сербской, литературной жизни, входятъ въ русскую литературу знакомые уже элементы стараго византійскаго вліянія ²⁾.

Роль польскаго и отчасти чешскаго посредничества въ передачѣ на русскую литературную почву продуктовъ западнаго литературнаго вліянія въ XVI—XVII вв. настолько очевидна, что едва ли является необходимость говорить здѣсь о немъ особо.

Судьба литературы всякаго народа неразрывно связана съ общимъ характеромъ его просвѣщенія. Если была литература на Руси, то было и просвѣщеніе, которое питалось литературой и само ее поддерживало, выдвигая изъ народной среды любителей и охотниковъ до литературныхъ занятій. Принявъ христіанство и пришедшія вмѣстѣ съ нимъ книги, русскіе восприняли вмѣстѣ съ тѣмъ и первые начатки просвѣщенія.

Вопросъ о русскомъ просвѣщеніи древняго періода, въ первые вѣка христіанства и литературы, есть вопросъ спорный. Старые историки, напр. Татищевъ и Карамзинъ, полагали, что въ древнюю пору мы обладали настоящимъ просвѣщеніемъ, въ видѣ правильно организованныхъ школъ, при чемъ имѣлось въ виду свидѣтельство лѣтописца, подъ 988 годомъ, о вел. кн. Владимірѣ: „нача поимати у нарочитые чади дѣти и даяти нача на ученье книжное“; этотъ взглядъ поддерживался и позднѣе — въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія С. П. Шевыревымъ и въ 50-хъ Н. А. Лавровскимъ ³⁾. Однако новѣйшая точка зрѣнія, въ лицѣ Е. Е. Голубинскаго, представляетъ дѣло такъ, что попытки Владиміра (978—1015) водворить на Руси просвѣщеніе касались только дѣтей духовенства и вышшаго, боярскаго, класса, не пошли въ глубь народныхъ массъ и потому не имѣли ни широкаго распространенія, ни серьезнаго вліянія на общественную жизнь; способъ распространенія введеннаго Владиміромъ просвѣщенія заимствованъ былъ изъ Византіи, гдѣ обычными органами начальнаго обученія были не государственныя школы, а частное групповое обученіе дѣтей особыми учителями, имѣвшими къ тому охоту или дѣлавшими себѣ изъ этого средство существованія. Послѣ Владиміра дѣло просвѣщенія отчасти было поддержано въ томъ же направленіи его сыномъ вел. кн. Ярославомъ (1019—1054), который „поставляя попы и дая имъ отъ имѣнія своего урокъ, веля имъ учити люди“ (подъ 1037 годомъ),

1) Н. Петровъ. Историческій взглядъ на взаимныя отношенія между сербами и русскими въ образованіи и литературѣ. К. 1876.

2) А. Соболевскій. Южно-славянское вліяніе на русскую письменность въ XIV—XV вѣкахъ: Переводная литература Московской Руси, с. 1—37.

3) Н. Лавровскій. О древне-русскихъ училищахъ. Харьковъ 1854.

но затѣмъ пришло въ упадокъ: вмѣсто просвѣщенія, не мыслимаго безъ правильно организованной школы, у насъ была въ теченіе ряда послѣдующихъ вѣковъ, вплоть до Петра Великаго, только простая грамотность, и высшимъ проявленіемъ послѣдней являлось начетничество, т. е. накопленіе книжныхъ познаній, вполне предоставленное случайности, личнымъ дарованіямъ отдѣльныхъ лицъ и такъ или иначе слагавшимся обстоятельствамъ; такое положеніе вещей дѣлало вполне возможнымъ появленіе людей замѣчательно образованныхъ и даровитыхъ, вродѣ митрополита Иларіона, выдвигавшихся нерѣдко на литературномъ или административномъ поприщѣ, но оставляло главную часть населенія безъ всякаго просвѣщенія и въ полномъ невѣжествѣ ¹⁾).

При этихъ условіяхъ, книги были у насъ въ древнюю пору единственнымъ источникомъ просвѣщенія; въ глазахъ человѣка „книжнаго“ онѣ составляли предметъ уваженія и даже религіознаго благоговѣнія. Въ разнообразныхъ памятникахъ древне-русской письменности во множествѣ разсѣяны указанія на великую пользу отъ чтенія книгъ, которыми пріобрѣтается не только знакомство съ различными предметами, но — что еще важнѣе — высокое нравственное и религіозное назиданіе, истинная „польза души“, пути къ покаянію и спасенію. „Книжное почитаніе“ нерѣдко прямо ставится непремѣннымъ условіемъ спасенія въ будущей жизни ²⁾).

При такомъ высококомъ уваженіи къ книгѣ очень естественно, что занятіе книжнымъ дѣломъ не только въ смыслѣ авторства — что на первыхъ порахъ было лишь въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ — но и простого списыванія считалось весьма важнымъ, почетнымъ, и писцы были въ обществѣ людьями очень замѣтными; дѣло это почиталось даже своего рода религіознымъ подвигомъ, за который ожидалось возмездіе въ будущей жизни. Объ этомъ свидѣлствуютъ многочисленныя приписки писцовъ на переписанныхъ ими экземплярахъ ³⁾. Съ другой стороны, сами переписчики, проникнутые важностью совершаемаго ими дѣла, смотрѣли на свое умѣнье списывать, т. е. нерѣдко простую грамотность, какъ на особый даръ, ниспосланный свыше, которымъ грѣшно было бы не пользоваться. Главнѣйшей цѣлью переписчика была вѣрность оригиналу, но нерѣдко, въ силу слабаго знакомства съ грамотой, въ копіи оказывались ошибки, иногда совершенно искажавшія смыслъ, и тутъ переписчикъ видѣлъ уже со своей стороны проступокъ, нуждающійся въ прощеніи и снисхожденіи читателя ⁴⁾. Записи въ книгахъ цѣлымъ рядомъ примѣровъ свидѣлствуютъ о томъ, какъ радовался писецъ, заканчивая свой нелегкій трудъ, который иногда продолжался нѣсколько

1) И. Р. Ц. I. 1, 2 изд., с. 701—727.

2) (Порфирьевъ, И.). Списываніе книгъ въ древнія времена Россіи. Правосл. Собесѣдникъ 1862, I, с. 140.

3) А. Востоковъ. Описаніе рукописей Румянцевскаго Музея, с. 172. 188—189.

4) Тамъ же, с. 692.

лѣтъ подь рядъ, при чемъ эти чувства облекались порой въ наивно-художественную форму. Писецъ знаменитаго Лаврентьевскаго списка Лѣтописи дѣлаеть слѣдующую отмѣтку, по окончаніи своего труда, подь 1377 годомъ: „Радуется купецъ прикупъ створивъ, и кормчій въ отишье приставъ, и странникъ въ отечество свое пришедъ; такоже радуется и книжный писатель, дошедъ конца книгама, такоже и азъ худый, недостойный и многогрѣшный рабъ Божій Лаврентей мнихъ“. День окончанія переписки рукописи, особенно если она была значительнаго объема, былъ днемъ замѣчательнымъ, заслуживавшимъ помѣты; такія хронологическія замѣтки, вытекавшія не столько изъ какихъ-либо историческихъ соображеній, сколько именно изъ указанныхъ психологическихъ оснований, дѣйствительно имѣются на многихъ рукописяхъ, при чемъ иногда отмѣчаются и нѣкоторыя современные обстоятельства и событія. Такова известная приписка на Апостолъ Моск. Синод. Б-ки 1307 года, напоминающая собою стиль Слова о П. И.: „Сій же апостолъ книги вда святому Пантелеймону Изосимъ игумень сего же монастыря. Сего же лѣта бысть бой на русской земли, Михаилъ съ Юрьемъ о княженъ Новгородское. При сихъ князехъ сѣяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша въ князехъ кѣторы, и вѣщи скоротихася челоувѣкомъ“¹⁾.

Кто были древне-русскіе переписчики книгъ?

Весьма вѣроятно, что еще въ очень древнюю пору дѣло это находилось въ рукахъ лицъ, болѣе или менѣе специально отдававшихъ ему свои силы. Главнымъ образомъ это были иноки или вообще лица духовныя, которымъ скорѣе и легче представлялся случай усвоить грамотность и получить доступъ къ книгама, хранившимся прежде всего въ монастыряхъ и при церквахъ. Однако перепиской книгъ занимались также и свѣтскія лица, работавшія по нравственно-религіознымъ побужденіямъ или для заработка, а иногда ради того и другого вмѣстѣ. Въ обществѣ прямо устанавливалось воззрѣніе, что обращеніе съ книгама есть дѣло по преимуществу иноческое, что, напр., видно изъ указанія Кирилла Туровскаго въ одномъ изъ его поученій: „Не глаголите: жену имамъ и дѣти кормлю и домъ строю, ли князю служу, ли власть держю, ли ремество; да не наше есть дѣло почитаніе книжное, но чернечьское“²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, монастыри являлись какъ бы центрами письменной дѣятельности въ древней Руси, и между ними одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ Печерскій монастырь. Изъ житія Θεодосія Печерскаго мы узнаемъ, что надъ изготовленіемъ книжныхъ экземпляровъ трудились выдающіеся члены этого общежитія: Иларіонъ писалъ книги, Θεодосій прялъ нить, а Никонъ переплеталъ. Позднѣ такими книжными центрами были монастыри Троице-Сергіевъ, Кирилло-Бѣлозерскій и другіе, при чемъ основатели ихъ были особенными любителями и усердными ревнителями

1) Горскій и Невоструевъ. Опис. рук. Синод. библ., I, 293.

2) Сухомлиновъ, М. Рукописи графа А. С. Уварова. II, 1, с. 71.

книжного дѣла. Книги писались русскими иноками и вообще духовными лицами не только въ Россіи, но и за ея предѣлами, напр. въ Константинополѣ и на Аѳонѣ. Переписываніемъ книгъ — уже изъ чистой любви къ дѣлу, а не ради заработка и не по долгу своего званія — занимались даже князья и епископы: въ XIII в. Іосифъ, епископъ Рязанскій, переписалъ Кормчую съ помощію пяти писцовъ, а о князѣ Владимірѣ Васильковичѣ Волынскомъ въ лѣтописи подъ 1288 годомъ отмѣчено, что онъ списалъ нѣсколько книгъ, въ томъ числѣ Апостолъ и Евангеліе, и былъ вообще необыкновеннымъ книголюбомъ. Есть извѣстіе, что списываніемъ книгъ въ XII в. занималась княжна Евфросинія Полоцкая, подобно тому, какъ гораздо позднѣе, въ XVII в., царица Татьяна Михайловна переписала своей рукою Евангеліе и Синодикъ ¹⁾.

Переписываемыя людьми сравнительно рѣдкими, съ большимъ трудомъ (въ первые вѣка уставомъ, требовавшимъ чрезвычайной медленности въ работѣ), на дорогомъ матеріалѣ (первоначально — кожѣ), книги имѣли въ древнюю пору и высокую матеріальную цѣнность. Князья и богатые люди разныхъ сословій дѣлали книгами, преимущественно богослужебными, вклады въ церкви и монастыри на память о себѣ и на поминъ души по смерти: такъ собирались значительныя бібліотеки при церквахъ и особенно монастыряхъ. Но бывали богатые книжныя собранія также и у отдѣльных лицъ: напр., лѣтопись передаетъ о ростовскомъ епископѣ Кириллѣ (XIII в.), что онъ былъ „богатъ зѣло кунами и селы и всѣмъ товаромъ и книгами“ ²⁾. Любителями книгъ, заботившимися о снабженіи ими церковей и монастырей, бывали и многіе князья — начиная съ Ярослава Мудраго, про котораго въ лѣтописи говорится: „книгамъ прилежа, и почитая е часто въ нощи и въ дне; и собра писцѣ многы, и прекладаше отъ Грекъ на Словѣнское писмо, и списаша книги многы и сниска, имиже поучашеся вѣрнии людье наслаждаются ученья божественнаго“ ³⁾.

Въ лицѣ древне-русскаго книжника, главнѣйшаго носителя тогдашняго просвѣщенія, не легко отдѣлать простаго переписчика отъ редактора и даже автора. Въ сознаніи русскаго книжника той поры всѣ эти три понятія сливались вмѣстѣ. Переписчикъ, бравшійся сначала за снятіе копій съ какого-либо произведенія учительнаго или историческаго характера, нерѣдко уклонялся отъ своего оригинала не только въ право-

1) Арх. Савва. Указатель для обзорѣнія Московской Патріаршей ризницы и бібліотеки. Изд. 3, с. 172; Арх. Амфилохій. Описаніе Воскресенской Новоіерусалимской бібліотеки. М. 1875, с. 116—124.

2) А. И. Соболевскій предполагаетъ остатки этой бібліотеки епископа Кирилла въ рукописяхъ Житія Нифонта 1219 года Тр.-Серг. Лавры № 35 и Толковаго Апостола 1220 года Московской Синодальной Библіотеки № 7: Матеріалы и изслѣдованія въ области славянскаго филологіи и археологіи. Спб. 1910, с. 205—207.

3) Лѣтопись по Лавр. списку, 3 изд., с. 148.

писаніи, оставляя на немъ слѣды той или другой степени своей грамотности или своего говора, но и въ содержаніи: онъ или сокращалъ оригиналь, или измѣнялъ, или пополнялъ его; только къ текстамъ Св. Писанія, богослужебнымъ и вообще церковнымъ книгамъ писецъ въ общемъ старался отнестись съ точки зрѣнія ихъ неприкосновенности, хотя это далеко не всегда ему удавалось по причинамъ, стоявшимъ внѣ его желанія. Писецъ смотрѣлъ на свой трудъ въ большинствѣ случаевъ не механически; онъ принималъ живое участіе въ его содержаніи. Понятіе литературной собственности въ его сознаніи не существовало ни въ юридическомъ, ни даже въ чисто литературномъ смыслѣ, и онъ очень легко переступалъ предѣлы этой собственности, видоизмѣняя, сокращая или дополняя, отъ себя или изъ другихъ авторовъ, переписываемое имъ произведеніе. Древне-русскій книжникъ, усвоивъ путемъ чтенія извѣстную сумму идей и знаній изъ области византійской письменности, считалъ уже это пріобрѣтеніе своей полной личной собственностью, не выдѣляя строго, какому именно автору что принадлежитъ; поэтому, многія — особенно мелкія — произведенія византійской письменности, носившія тамъ имена своихъ авторовъ, подъ перомъ древне-русскаго книжника нерѣдко утрачивали эти имена или являлись съ именами невѣрными. Для древне-русскаго книжника эти чисто литературныя данныя были не важны; на первомъ мѣстѣ для него стояло содержаніе. Выдѣлилось лишь нѣсколько самыхъ замѣчательныхъ авторскихъ именъ: Іоанна Златоуста, Василія Великаго, Григорія Богослова, Кирилла Александрійскаго и нѣк. др., получившихъ широкую извѣстность на родинѣ за правильность своихъ мнѣній и литературныя достоинства произведеній; и вотъ — этимъ и немногимъ другимъ знаменитымъ именамъ древне-русскій книжникъ охотно приписывалъ остальное, если по содержанію и по изложенію оно подходило къ общему высокому представленію о названныхъ великихъ писателяхъ. Конечно, въ виду недостаточной образованности нашихъ книжниковъ, такія пріуроченія и перенесенія именъ бывали часто наивны и ничѣмъ не обоснованы, но въ нихъ выражалось общее настроеніе этихъ дѣятелей нашего просвѣщенія. Въ этой обстановкѣ благочестивой мысли, литературной неосвѣдомленности и простодушія и возникли тѣ знаменитыя литературныя имена, тѣ „псевдонимы“, общее литературное и культурное значеніе которыхъ въ нашей древней письменности впервые было обстоятельно указано М. И. Сухомлиновымъ¹⁾. Подъ этими „псевдонимами“ скрывались нерѣдко не только произведенія византійской письменности, принадлежащія совсѣмъ другимъ авторамъ, но иногда и русскія оригинальныя произведенія: такъ, многія поученія Кирилла Туровскаго скрыты были въ рукописяхъ подъ собирательнымъ псевдонимомъ „Кирилла-философа“ (результатъ представленія

1) О псевдонимахъ въ древней русской словесности. Извѣстія II Отд. Ак. Н., IV. 1855.

литературной дѣятельности Кирилла-первоучителя, Кирилла Александрійскаго, Кирилла Іерусалимскаго и м. б. другихъ), а поученія Серапіона Владимірскаго въ нѣкоторыхъ спискахъ носятъ на себѣ лестный для этого автора, въ глазахъ древне-русскаго читателя, псевдонимъ Іоанна Златоуста.

Существованіе такого приема покрывать знаменитыми именами тѣ или другія произведенія византійской или русскаго письменности породило въ исторіи русскаго языка древняго періода цѣлый рядъ недоумѣній по части приуроченія тѣхъ или другихъ произведеній ихъ авторамъ; особенно это касается небольшихъ произведеній поучительнаго или агиографическаго характера, помѣщенныхъ въ „сборникахъ“, составъ которыхъ не носитъ на себѣ слѣдовъ какого-либо опредѣленнаго происхожденія. Какъ на типическій примѣръ въ этомъ смыслѣ, можно указать на многочисленныя сочиненія упомянутаго Кирилла Туровскаго, носящія въ разныхъ рукописяхъ надписанія то „Св. Кирилла“, то „Кирилла-философа“, то „Кирилла Александрійскаго“ и т. п. ¹⁾

Какъ ни скромно было литературное и авторское сознаніе нашихъ книжниковъ, бывшее причиною указаннаго отношенія ихъ къ переписываемымъ рукописямъ и отдѣльнымъ сочиненіямъ, однако нельзя согласиться съ тѣмъ воззрѣніемъ, будто наши древніе переписчики только лишь въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ обозначали свои имена на переписанныхъ ими экземплярахъ и что происходило это отъ чрезвычайнаго ихъ смиренія и скромности. Цѣнныя свѣдѣнія и наблюденія по этому вопросу имѣемъ мы въ статьѣ Н. В. Волкова: „Дѣйствительно ли безыменна была большая часть трудовъ древне-русскихъ переписчиковъ?“ ²⁾. Пересмотрѣвъ дошедшія до насъ рукописи XI—XIV вв. въ количествѣ 690 экземпляровъ, г. Волковъ нашелъ, что около 115 изъ нихъ имѣютъ на себѣ современныя написанію записи, въ которыя нерѣдко заносилось и имя писца. Это составляетъ приблизительно $\frac{1}{8}$ всего числа сохранившихся рукописей, но если принять во вниманіе, что изъ остальныхъ рукописей очень многія состоятъ изъ мелкихъ отрывковъ или не имѣютъ то начала, то конца — гдѣ обыкновенно и бывали записи переписчиковъ — то окажется, что число рукописей съ записями относительно числа рукописей безъ записей будетъ еще значительнѣе. Авторъ того мнѣнія, что среди древне-русскихъ переписчиковъ, напротивъ, преобладалъ обычай ставить свое имя, съ присоединеніемъ иногда хронологической даты или упоминанія о современныхъ обстоятельствахъ, на рукописяхъ, — и это совершенно естественно, если принять во вниманіе то редигозное и просвѣтительное значеніе, которое придавали переписчики своему труду и которое во всякомъ слу-

1) Е. Пѣтуховъ. Къ вопросу о Кириллахъ-авторахъ въ древней русскаго литературы. Сб. II Отд. Ак. Н., XLII. 1887.

2) Ж. М. Н. Пр. 1897 № 11.

чаѣ должно было перевѣсить предполагаемое ихъ смиреніе и скромность. Впрочемъ, это наблюденіе касается только приблизительно первыхъ трехъ вѣковъ нашей письменности. Съ теченіемъ времени, когда отношеніе писцовъ къ переписываемымъ рукописямъ стало постепенно утрачивать свой субъективный, религіозно-просвѣтительный характеръ и обратилось почти въ ремесло, когда переписка рукописей стала производиться по заказу, за извѣстную плату, а не была свободнымъ и личнымъ дѣломъ переписчика, тогда побужденіе оставлять свои имена на рукописяхъ у писцовъ должно было ослабѣть. Поэтому, дѣйствительно, въ рукописяхъ, начиная съ XIV вѣка, имена переписчиковъ, не смотря на сохранность многихъ рукописныхъ экземпляровъ, встрѣчаются гораздо рѣже. Около половины XIV вѣка образуются уже, особенно благодаря стараніямъ въ этомъ смыслѣ новгородскихъ архіепископовъ Моисея и Алексѣя и московскаго митрополита Кипріяна, въ Новгородѣ и въ Москвѣ цѣлыя штаты писцовъ-специалистовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ среды духовенства, иночества и свѣтскихъ людей, съ распространеніемъ грамотности и книжности, выдѣляются въ большемъ противъ прежняго количествѣ переписчики рукописей, и въ результатѣ получается чрезвычайно быстрый ростъ въ послѣдующіе вѣка нашей письменности, вплоть до конца „древняго періода“, книжнаго рукописнаго матеріала.

О количествѣ рукописей, оставшихся отъ древняго періода, мы не можемъ составить вполне точнаго представленія, такъ какъ многія рукописныя собранія не только подробно не описаны, но даже и въ общихъ чертахъ не приведены въ извѣстность, не говоря уже объ отдѣльныхъ экземплярахъ, разсыянныхъ по рукамъ частныхъ владѣльцевъ¹⁾. На помощь рукописному дѣлу со второй половины XVI вѣка приходитъ печатный станокъ; однако можно сказать, что вплоть до первыхъ десятилѣтій XVIII вѣка его роль въ интересахъ собственно литературныхъ была ничтожной, и старый рукописный способъ распространенія писательской мысли почти по прежнему удерживалъ все свое значеніе.

1) Опытъ обзорѣнія русскихъ рукописей, оставшихся отъ первыхъ четырехъ вѣковъ нашей письменности, имѣется въ трудѣ Н. В. Волкова: Статистическія свѣдѣнія о сохранившихся древне-русскихъ книгахъ XI—XIV вв. и ихъ указатель. Памятники древней письменности. СХХІІІ. 1897. — Любопытныя замѣчанія о ростѣ и характерѣ древне-русской книжности, примѣнительно къ вопросу объ ея историческомъ изученіи, до конца XVII в. см. въ сочиненіи Н. К. Никольскаго: Ближайшія задачи изученія древне-русской книжности, с. 8—23.

I. Древнѣйшая эпоха (XI—XII вв.).

1. Поученія.

Терминъ „поученія“. — Вопросъ о самостоятельности и историко-литературномъ значеніи древне-русскихъ поученій. — Господство схемы. — Лука Жидята. — Иларіонъ. — Феодосій Печерскій. — Кирилль Туровскій. — Другія поучительныя произведенія древнѣйшей эпохи.

Подъ поученіями, какъ извѣстнымъ родомъ литературныхъ произведеній, слѣдуетъ разумѣть не одни только церковныя поученія, произнесенныя или предназначенныя къ произнесенію лицами духовнаго званія въ церкви; сюда должны быть отнесены также разнаго рода назидательныя сочиненія, напоминающія по своей формѣ церковныя поученія и касающіяся вопросовъ жизни и христіанскаго благочестія. Первоначальное церковное происхожденіе такихъ произведеній не подлежитъ сомнѣнію; но потому они сочинялись и внѣ этого спеціальнаго назначенія, чтобы дать матеріалъ для назидательнаго чтенія дома. Самый терминъ „поученія“ въ древней нашей письменности не имѣетъ характера устойчивости. Съ одной стороны, „поученіями“ называются и такія произведенія, которыя, по своей опредѣленной формѣ обращенія отъ лица къ лицу, мы относимъ къ категоріи „посланий“, напр. Поученіе Владиміра Мономаха къ своимъ дѣтямъ или Поученіе черноризца Зарубекія пещеры Георгія къ какому-то чаду; съ другой же стороны, поученія въ рукописяхъ часто носятъ названіе „слова“, которое, въ свою очередь, также прилагается и къ другимъ произведеніямъ древней русской письменности, какъ Слово о Полку Игоревѣ или Слово Даніила Заточника.

Историкъ литературы, изучая „поученія“, ищетъ въ нихъ черты высшаго быта или особенности міросозерцанія и настроенія того времени, къ которому относится произведеніе. Но самый характеръ содержанія этихъ поученій, сосредоточеннаго на истинахъ вѣры и благочестія, въ значительной степени уменьшаетъ ихъ собственно литературную цѣну.

Древне-русскія поученія слагаются изъ данныхъ двоякаго рода. Съ одной стороны, это — произведенія, носящія на себѣ имя какого-либо русскаго автора, о которомъ мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія по дру-

гимъ источникамъ: въ такомъ случаѣ оцѣнка поученій въ историко-литературномъ отношеніи можетъ быть поставлена на твердую почву, если, конечно, предварительнымъ изслѣдованіемъ можетъ быть, съ большей или меньшей вѣроятностью, установлена принадлежность даннаго поученія тому или другому опредѣленному автору. Но огромная масса древне-русскихъ поученій не носить на себѣ никакого авторскаго имени, а лишь указаніе на содержаніе („о покаяніи“, „о молитвѣ“ и т. п.), или имя то слишкомъ общее (напр. „слово св. отецъ“), то невѣрное (одинъ изъ употребительныхъ „псевдонимовъ“ или вообще какое-либо другое имя). Въ такихъ случаяхъ историку литературы приходится искать косвенныхъ данныхъ изъ содержанія поученія, чтобы опредѣлить, русское оно или переводное, и нельзя сказать, чтобы разысканія эти всегда могли рассчитывать на успѣхъ: очень многія русскія поученія, будучи или компиляціями греческихъ источниковъ, или м. б. даже и оригинальными сочиненіями, очень походили на переводныя греческія или инославянскія поученія, и интересъ историка литературы въ такомъ случаѣ долженъ быть къ нимъ иной. Собственно-русскихъ поученій, оригинальное происхожденіе которыхъ могло бы быть доказано съ несомнѣнностью, весьма немного.

Но даже и въ несомнѣнно-русскихъ поученіяхъ первыхъ вѣковъ нашей письменности живыхъ чертъ современности очень мало. Это касается столько же міровоззрѣнія, сколько и ви́шнихъ особенностей быта и нравовъ. Если первое въ достаточной степени объясняется тѣмъ, что христіанское міровоззрѣніе нашихъ предковъ, почерпнутое изъ Византіи, въ основѣ своей традиціонное и не могло быть оригинальнымъ, особенно на первыхъ порахъ знакомства съ новымъ кодексомъ религіозно-нравственныхъ понятій, то второе, т. е. отсутствіе яркаго проявленія бытовыхъ чертъ въ поученіяхъ русскихъ авторовъ, можетъ вызвать съ перваго взгляда недоумѣніе. Въ этихъ поученіяхъ постоянно или очень часто присутствовалъ элементъ обличенія, и что было болѣе естественнаго, какъ не введеніе въ эти обличительныя части поученій указаній на живую порочную дѣйствительность, всѣми видимую и многимъ понятную? Конечно, такія указанія есть, напр. въ рядѣ большею частію безименныхъ поученій, направленныхъ противъ древне-русскаго язычества и разныхъ народныхъ суевѣрій¹⁾, но они положительно теряются въ общей массѣ такого поучительнаго матеріала, который не заключаетъ въ себѣ никакихъ чертъ живой дѣйствительности. Обстоятельство это находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что древне-русскіе проповѣдники и другіе авторы поученій въ узкомъ смыслѣ этого слова, слѣдуя своимъ византійскимъ образцамъ, избѣгали внесенія живого элѣмента въ свои работы. Надо имѣть въ виду, что приемы церковной проповѣди и учительства были усвоены нашими дѣятелями первыхъ вѣковъ письменности отъ своихъ византійскихъ учителей и изъ византійской литературы въ то время,

1) Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Подъ ред. А. И. Пономарева. Вып. 3. Спб. 1897, с. 193—250.

когда въ самой Византіи господствовалъ духъ компиляторства, схоластики и риторической сухости. Преданія блестящаго періода въ развитіи византійской проповѣди, когда на этомъ поприщѣ дѣйствовали такіе великіе дѣятели, какъ Іоаннъ Златоустъ или Василій Великій, уже отошли тогда въ самой Византіи въ далекое прошлое, и хотя имена эти, какъ мы видѣли, были весьма популярны въ нашей древней письменности, однако ихъ непосредственное и живое отношеніе къ современности не было у насъ усвоено, какъ оно не было усвоено и нашими византійскими учителями, т. е. представителями того самаго греческаго или болгарскаго духовенства, отъ котораго первые русскіе дѣятели должны были позаимствовать приемы и навыки церковнаго и книжнаго учительства. Нашими дѣятелями съ самаго же начала была принята та мысль, что не дѣло проповѣдника или книжнаго учителя вѣры слишкомъ близко подходить къ живой дѣйствительности и что цѣль можетъ быть скорѣе достигнута указаніемъ на традиціонныя правила христіанскаго благочестія и нравственности. Отъ этого проповѣдь получила однообразный, неоригинальный, маложизненный характеръ какъ въ самой византійской литературѣ VIII—X вв., такъ и у нашихъ проповѣдниковъ. Присутствіе живыхъ чертъ дѣйствительности являлось рѣдкимъ исключеніемъ, какъ результатъ особой талантливости писателя и его болѣе или менѣе независимаго взгляда на дѣло; большинство же слѣдовало обычаю, боясь или не умѣя отступитъ отъ него въ сторону.

При такомъ взглядѣ на задачу церковной проповѣди и учительства должна была еще издавна создаться и укрѣпиться въ Византіи и у насъ особая схема тѣхъ пороковъ и заблужденій, которыя могли находить себѣ мѣсто въ обличительной части этого рода произведеній. Происхождение этой схемы, вѣроятно, очень отдаленное. Въ разныхъ книгахъ апостольскихъ писаній (напр., въ Посланіи къ Галатамъ V. 19—21) мы встрѣчаемъ уже перечисленіе грѣховъ, вытекающихъ, по христіанскому міровоззрѣнію, изъ основныхъ свойствъ слабой человѣческой природы. Схемѣ считали нужнымъ подчиняться самые замѣчательные дѣятели въ области церковной проповѣди¹⁾, и даже сама паства, воспитанная такого рода приѣмами въ проповѣди, иногда неодобрительно относилась къ попыткамъ введенія въ нее болѣе жизненныхъ элементовъ²⁾. Одно изъ самыхъ полныхъ выраженій этой схемы находимъ мы въ извѣстномъ „Словѣ о мытарствахъ“, основное содержаніе котораго ведетъ свое начало отъ „видѣнія“ Θεодоры въ Житіи Василя Новаго, писанномъ Григоріемъ Мнихомъ въ X—XI в. „Слово о мытарствахъ“ встрѣчается въ древней русской письменности въ самыхъ разнообразныхъ редакціяхъ и приписывается то „Кириллу-Философу“, то митрополиту кievскому Кириллу Туровскому, то Авраамію Смоленскому, но во всѣхъ случаяхъ лишь предположительно.

1) Историческій обзоръ проповѣдничества. Т. I. Спб. 1878, с. 11—12. 16. 32—33. 60. 62—63. 67.

2) Тамъ же, с. 152—153.

Оно заключаетъ въ себѣ перечисленіе 20 мытарствъ, которыя должна проходить душа послѣ своего исхожденія изъ тѣла, и каждое мытарство соотвѣтствуетъ грѣху или группѣ однородныхъ грѣховъ, которые она творила на землѣ. Вотъ эти грѣхи: 1. обогнаніе, 2. оклеветаніе, 3. зависть, 4. гнѣвъ, 5. ярость съ гнѣвомъ, 6. гордость, 7. бусловіе и срамословіе и безстыдныя словеса и плясанія въ пиру, 8. рѣзномство и грабленіе, насильство и мздоиманіе, 9. тщеславіе, 10. златолюбіе и сребролюбіе, 11. пьянство и запойство, 12. злопомненіе, 13. волхвованіе и потворы, наузы, 14. обьяденіе, 15. волхвованіе и вѣра въ встрѣчу, въ чохъ и въ полазъ и птичій грай и въ баснотвореніе и содомское блуженіе, 16. прелюбодѣяніе незаконное, 17. убійство и всякія раны, 18. татьба и всякое краденіе, 19. всякій блудъ, 20. немилосердіе и скупость. Эту схему, обыкновенно въ столь же безсистемной формулировкѣ, находимъ мы и въ анонимныхъ поученіяхъ разныхъ сборниковъ (Прологи, Златоусты, Измарагды), и въ отдѣльныхъ поучительныхъ сочиненіяхъ¹⁾. Западная католическая проповѣдь была гораздо независимѣе отъ этой схемы, и потому въ проповѣдническихъ произведеніяхъ того же времени мы встрѣчаемъ тамъ гораздо болѣе указаній на живую дѣйствительность, что придаетъ этимъ произведеніямъ нерѣдко большую яркость и дѣлаетъ ихъ немаловажнымъ источникомъ для знакомства съ бытомъ и нравами даннаго народа и времени. Прекраснымъ примѣромъ такого отношенія къ своимъ проповѣдническимъ задачамъ могутъ служить произведенія извѣстнаго францисканца XIII в. Бертольда Регенсбургскаго²⁾.

Самыми замѣчательными дѣятелями въ области поученія въ XI—XII вв. являются: Лука Жидята, Иларіонъ, Θεодосій Печерскій и Кириллъ Туровскій. Не смотря на длинный рядъ изысканій о названныхъ писателяхъ, въ ученой литературѣ нѣтъ совершенно опредѣленныхъ и неоспоримыхъ указаній на точный объемъ и подлинность ихъ писательской дѣятельности. Причиной этого является крайне неустойчивый характеръ рукописнаго преданія объ авторствѣ названныхъ писателей, и, при обилии списковъ ихъ произведеній (въ рукописяхъ сравнительно позднихъ, не ранѣе конца XIII вѣка, а болѣею частію XIV—XVI вв.), очень часто безъ обозначенія имени автора или съ обозначеніемъ слишкомъ общимъ и неточнымъ, неизбежно получается множество затрудненій для болѣе или менѣе точныхъ выводовъ. Историческія извѣстія объ этихъ авторахъ также очень скудны, за исключеніемъ Θεодосія Печерскаго, и мало помогаютъ уясненію темныхъ вопросовъ касательно ихъ литературной дѣятельности. Въ результатъ такого состоянія источниковъ получается то, что, не смотря на всѣ усилія бібліографовъ и историковъ литературы, мы и теперь еще стоимъ въ области поучительной литературы кievскаго періода передъ рядомъ вопросовъ, на вполне удовлетворительное разрѣшеніе которыхъ едва ли вообще можно надѣяться.

1) Е. Пѣтуховъ. Серапіонъ Владимірскій, с. 49—50.
2) Тамъ же, с. 50—51.

Лука Жидята. Обыкновенно это имя стоит въ главѣ русскихъ писателей древнѣйшей поры нашей письменности; однако мы не можемъ сказать, чтобы имѣли передъ собою въ данномъ случаѣ совершенно неоспоримый литературный фактъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ, начиная съ XIV—XV в., помѣщается то съ именемъ автора („архіепископа Луки“) то безъ всякаго имени „поученіе къ братіи“, краткое и весьма элементарное по содержанию (наставленія вѣровать въ Бога, ходить въ церковь, не ссориться, быть кроткимъ, почитать старшихъ и т. п.). Если имя „архіепископа Луки“ имѣетъ подъ собою заслуживающее довѣрія преданіе, то весьма вѣроятно, что этотъ Лука былъ тотъ епископъ Новгородскій Лука, о которомъ извѣстно изъ Лѣтописи, что онъ былъ поставленъ на епископскую кафедру около 1036 года, а умеръ 15 октября 1059 года. Литература объ этомъ авторѣ и приписываемомъ ему поученіи довольно обширна¹⁾. обстоятельное и осторожное изложеніе вопроса о личности предполагаемаго автора, о приписываемомъ ему поученіи, а равно и самое это поученіе, съ необходимыми поясненіями текста, имѣются въ трудѣ И. Е. Евсеѣва въ „Памятникахъ древне-русской церковно-учительной литературы“, подъ ред. проф. А. И. Пономарева, вып. I, с. 8—24.

Митрополитъ Иларіонъ. Это — личность уже гораздо болѣе извѣстная, чѣмъ Лука Жидята, и безусловно очень замѣчательная. Согласно лѣтописнымъ извѣстіямъ, Иларіонъ былъ священникомъ при церкви Св. Апостоловъ въ селѣ Берестовѣ, загородной резиденціи в. кн. Ярослава; прославился здѣсь строгимъ подвижничествомъ, „книжностью“ и высокими нравственными качествами, что, вѣроятно, и повело за собою избраніе и назначеніе его въ 1051 году кievскимъ митрополитомъ, безъ участія Константинопольскаго патріарха. О дѣятельности Иларіона въ санѣ митрополита почти ничего не извѣстно, да и былъ онъ въ этомъ званіи очень не долго: въ 1055 году упоминается уже другой митрополитъ въ Кіевѣ, Ефремъ; когда умеръ Иларіонъ, мы также не знаемъ. Большой извѣстностью пользовалось приписываемое ему по нѣкоторымъ косвеннымъ указаніямъ т. наз. „Слово о законѣ и благодати“, знаменитый памятникъ древне-русской учительной литературы, хотя прямого указанія рукописей (списки его идутъ отъ XIV—XV в.) на принадлежность этого произведенія именно митрополиту Иларіону до сихъ поръ не найдено. „Слово“ Иларіона посвящено изображенію высоты христіанской вѣры, этого недавняго тогда пріобрѣтенія русскаго народа; авторъ выясняетъ свою мысль путемъ сравненія ветхаго „закона“ и новой „благодати“, при чемъ, не ограничиваясь общимъ разсужденіемъ по этому вопросу, примѣняетъ его въ частности къ принятію христіанства на Руси; „слово“ переходитъ затѣмъ въ хвалебный гимнъ Богу за его милости къ русскому народу и заканчивается похвалою вел. кн. Владиміру, какъ главному виновнику

1) Она указана у Н. К. Никольскаго: Матеріалы для повременнаго списка русскихъ писателей и ихъ сочиненій (X—XI вв.). Спб. 1906, с. 144—145.

христіанскаго просвѣщенія на Руси. На протяженіи цѣлаго ряда вѣковъ „Слово о законѣ и благодати“ претерпѣло немало измѣненій въ своемъ составѣ и въ текстѣ, при чемъ обнаружилось четыре его редакціи ¹⁾. „Слово“ произнесено было, повидимому, между 1037 и 1050 годами, т. е. еще до назначенія Иларіона митрополитомъ въ Кіевѣ. Литература объ этомъ памятникѣ указана у Н. К. Никольскаго ²⁾. Лучшими изданіями „Слова“ являются: (А. В. Горскаго). Памятники времени вел. кн. Ярослава I. М. 1844, и Ѳ. Г. Калугина въ его трудѣ: Иларіонъ митрополитъ Кіевскій и его церковно-учительныя произведенія, въ „Памятникахъ“ проф. Пономарева, вып. I, с. 48—85.

Произведеніе это пользовалось въ нашей древней письменности большимъ авторитетомъ: ему подражалъ, напр., въ концѣ XIII в. волинскій лѣтописецъ, прославляя память князя Владиміра Васильковича; передѣлки его встрѣчаются въ рукописяхъ XVI и XVII вв. Извѣстность „Слова“ простиралась, повидимому, и за предѣлы Россіи, такъ какъ слѣды пользованія имъ имѣются въ житіи великаго жупана Неманя, писанномъ въ XIII в. сербскимъ писателемъ Доментіаномъ ³⁾. Высокую оцѣнку „Слова“ съ исторической точки зрѣнія сдѣлала Голубинскій, вообще очень сдержанно относящійся къ памятникамъ нашей старой письменности, однако назвавшій его „прекраснымъ и истинно замѣчательнымъ ораторскимъ произведеніемъ“ ⁴⁾. О другихъ произведеніяхъ Иларіона говорить хотя бы съ нѣкоторой увѣренностью не имѣется оснований ⁵⁾.

Ѳеодосій Печерскій — также одинъ изъ самыхъ крупныхъ представителей церковно-общественной жизни древней Руси второй половины XI вѣка. Личность Ѳеодосія обратила на себя вниманіе преп. Нестора, одного изъ замѣчательныхъ историческихъ писателей кіевского періода и бывшаго частію современникомъ и ревностнымъ почитателемъ памяти Ѳеодосія; послѣдній скончался въ 1074 году. Жизнеописаніе Ѳеодосія, написанное Несторомъ, относится къ послѣднимъ десятилѣтіямъ XI вѣка. Каковы бы ни были чисто-литературныя условности этого жизнеописанія, вытекавшія изъ знакомства автора съ византійской агиографической литера-

1) Н. К. Никольскій. Матеріалы. 1906, с. 78—82; см. того же автора: Матеріалы для исторіи древне-русской духовной письменности. Спб. 1907, с. 25—27. 28—55.

2) Матеріалы. 1906, с. 75. Къ этимъ указаніямъ слѣдуетъ прибавить статью И. Н. Жданова, представляющую одно изъ раннихъ его сочиненій и писанную въ 1872 году: Сочиненія И. Н. Жданова. Т. I. Спб. 1904, с. 1—80.

3) Подробному анализу отношенія труда Доментіана къ труду Иларіона посвящена работа М. П. П-аго, гдѣ данъ также и обстоятельный обзоръ всего вопроса объ Иларіонѣ въ русской научной литературѣ: Иларіонъ, митрополитъ Кіевскій, и Доментіанъ, іеромонахъ Хиландарскій. Изв. II Отд. А. Н. XIII. 1908, кн. 4, с. 81—133.

4) Исторія русской церкви. I, перв. полов., 2 изд., с. 844—845.

5) Н. К. Никольскій. Матеріалы. 1906, с. 86—122.

турой и, как полагают, изъ прямого подражанія кое къ чему извѣстному житію Саввы Освященнаго, написанному Кирилломъ Скиеопольскимъ, однако въ общемъ это произведеніе, основанное на живыхъ наблюденіяхъ, разсказахъ очевидцевъ и на самомъ свѣжемъ преданіи, изображаетъ намъ жизнь Θεодосія Печерскаго весьма близко къ дѣйствительности. Жизнь эта была далеко не заурядной и полна глубокой поучительности для благочестивыхъ читателей изъ современниковъ и потомства. Но Θεодосій былъ не только подвижникомъ и выдающимся дѣятелемъ Кіево-Печерской обители; онъ былъ еще, въ качествѣ игумена монастыря, и проповѣдникомъ. Рукописное преданіе, хотя и съ большими разногласіями, приписываетъ ему рядъ литературныхъ произведеній, о степени подлинности и принадлежности которыхъ Θεодосію Печерскому имѣется уже обширная ученая литература въ трудахъ митрополита Макарія, преосв. Антонія, Шахматова, Н. И. Петрова, Ляценка, Чаговца, Бѣльченка и др. ¹⁾

Митр. Макарій, положившій первое начало широкой постановкѣ вопроса о литературной дѣятельности Θεодосія, находилъ возможнымъ приписывать ему слѣдующія произведенія: 1) Поученіе о казняхъ божіихъ, 2) Поученіе о тропарныхъ чашахъ (противъ пьянства), 3) Четыре отрывка изъ поученій къ инокамъ (передъ началомъ великаго поста; о смиреніи; о нестяжательности; о подвигахъ монашескихъ вообще), 4) Пять поученій къ братіи, сохранившихся въ полномъ видѣ (два поученія о терпѣнн и любви; о терпѣнн и милостынѣ; о терпѣнн и смиреніи; о хожденіи къ церкви и молитвѣ), 5) Два посланія къ вел. кн. Изяславу (о постѣ въ среду и пятницу; о латинской вѣрѣ), 6) Двѣ молитвы ²⁾.

Въ результатѣ послѣдующихъ работъ, основанныхъ, по необходимости, не столько на положительныхъ указаніяхъ рукописей, сколько на текстуальныхъ сравненіяхъ, сопоставленіяхъ и догадкахъ, получается все-таки весьма неопредѣленное представленіе о содержаніи и объемѣ литературной производительности Θεодосія Печерскаго. Чаговецъ, которому принадлежитъ самое обширное специальное сочиненіе о Θεодосіи и лучшее изданіе какъ принадлежащихъ Θεодосію, такъ и приписываемыхъ ему сочиненій ³⁾, дѣлитъ сочиненія на четыре группы: 1) поученіе о казняхъ божіихъ и поученіе о тропарныхъ чашахъ; 2) семь поученій къ инокамъ, изъ которыхъ два носятъ на себѣ имя Θεодора Студита, четыре отрывка и поученіе къ келарю; 3) два посланія къ вел. кн. Изяславу о вѣрѣ латинской и о постѣ въ среду и пятокъ; 4) молитвы.

1) Н. К. Никольскій. Матеріалы. 1906, с. 157—158.

2) Преподобный Θεодосій Печерскій, какъ писатель. Извѣстія II Отд. Акад. Наукъ. Т. IV. 1855, с. 273—293. Эти произведенія и изданы были митр. Макаріемъ въ Ученыхъ Запискахъ II Отд. Ак. Наукъ. Кн. II. 2 (1856), с. 193—224.

3) Чаговецъ, В. А. Преподобный Θεодосій Печерскій. Его жизнь и сочиненія. Историко-литературный очеркъ. Кіевъ, 1901. Пять наиболее вѣроятно принадлежащихъ Ѳ. поученій напечатаны также въ „Памятникахъ“ А. И. Пономарева, I. 1894.

Эти выводы подвергнуты были обстоятельной критикѣ со стороны г. Бѣльченка¹⁾, который, въ свою очередь, находитъ, что изъ всего этого литературнаго багажа автора-игумена можно съ несомнѣнностію признать за нимъ лишь пять поученій къ инокамъ, одно къ келарю и двѣ молитвы; остальное же остается или подъ сомнѣніемъ, или внѣ всякой вѣроятности относительно авторства Θεодосія Печерскаго. Наконецъ, Н. К. Никольскій склоняется, подвидимому — да и то не безъ оговорокъ — признать за подлинныя сочиненія Θεодосія лишь пять его поученій къ инокамъ, противъ которыхъ вообще не высказывалось подозрѣній относительно ихъ принадлежности Печерскому игумену²⁾. Т. о., Θεодосій является, по наиболее вѣроятнымъ даннымъ, авторомъ лишь небольшого числа поученій, обращенныхъ къ монастырской братіи и касающихся вопросовъ несложной, сосредоточенной на религиозныхъ подвигахъ, но и не чуждой мірскихъ интересовъ монастырской жизни; въ нихъ рѣчь идетъ о терпѣнн и любви, о смиреніи, милостынѣ и молитвѣ. Поученія отличаются элементарной простотой содержанія по вопросамъ жизни и поведенія инока, какъ тѣмъ же качествомъ характеризуется и поученіе, приписываемое Лукѣ Жидятѣ и обращенное къ мірянамъ; въ этомъ смыслѣ полную противоположность обоимъ авторамъ составляетъ митрополитъ Иларіонъ со своимъ „Словомъ о законѣ и благодати“, написанномъ въ высококомъ стилѣ и на тему, гораздо болѣе сложную и отвлеченную.

Конечно, признаваемые подлинными поученія Θεодосія не представляютъ въ историко-литературномъ отношеніи чего-либо особенно замѣчательнаго, но ихъ важность получаетъ себѣ поддержку въ историческомъ значеніи самой личности ихъ автора. Нельзя не согласиться съ В. М. Истринымъ, что принадлежность Θεодосію Печерскому посланія къ князю Изяславу о латинской вѣрѣ и постѣ въ среду и пятокъ представляла бы для историка литературы гораздо болѣе интересъ, чѣмъ принадлежность ему монастырскихъ поученій³⁾, однако на это не имѣется вполне достаточныхъ основаній, и тутъ приходится примкнуть къ весьма вѣроятному мнѣнію А. А. Шахматова о томъ, что посланія эти принадлежать писателю XII вѣка Θεодосію Греку, монаху Кіево-Печерскаго монастыря⁴⁾.

Кирилль Туровскій. Свѣдѣнія о жизни этого знаменитаго писателя-проповѣдника XII вѣка, заключающіяся въ Прологѣ подъ 28 апрѣля⁵⁾, поскольку имъ можно довѣрять, изображаютъ этого человѣка какъ весьма даровитую, незаурядную и дѣятельную личность своего времени, отли-

1) Лѣтопись Историко-филологическаго Общества при Новороссійскомъ университетѣ. Т. X. Одесса, 1902.

2) Матеріалы. 1906, с. 160—166.

3) Ж. М. Н. Пр. 1902 № 8, с. 430—431.

4) Изв. II Отд. Ак. Н. 1897, кн. 3, с. 827—833.

5) По древнѣйшему списку XIV—XV в. опубликованы Н. К. Никольскимъ: Матеріалы. 1907, с. 63—64.

чавшуюся высокимъ религіознымъ настроеніемъ, образованіемъ и любовью къ литературному труду. Уроженецъ города Турова, находившагося въ эту пору подъ культурнымъ и политическимъ вліяніемъ Кіева, Кирилль первую половину свой жизни посвятилъ аскетическимъ подвигамъ („вошелъ въ столпъ“) и изученію „божественныхъ книгъ“, а вторую, въ качествѣ Туровскаго епископа, церковно-административной дѣятельности и писательству. Вопросъ о его литературныхъ трудахъ — одинъ изъ самыхъ запутанныхъ въ древней русской письменности: неопредѣленные указанія рукописей (имя К. Т. встрѣчается на рукописяхъ съ XIII вѣка) осложняются весьма часто встрѣчающимся древне-русскимъ соименнымъ нашему автору литературнымъ „псевдонимомъ“. Со времени перваго, значительнаго по полнотѣ, изданія сочиненій, связанныхъ съ именемъ Кирилла Туровскаго, К. Ѳ. Калайдовича¹⁾, и до послѣдняго времени въ ученой литературѣ были высказываемы далеко не согласныя между собою мнѣнія о томъ, что именно должно быть приписано Кириллу Туровскому, какъ автору. Митрополитъ Макарій, въ специальномъ изслѣдованіи, посвященномъ Кириллу Туровскому²⁾, находитъ возможнымъ признать за несомнѣнно принадлежащія Кириллу девять поученій: 1) Въ недѣлю Ваий, 2) На Пасху, 3) Въ недѣлю Ѳомину, 4) Въ недѣлю о мироносицахъ, 5) Въ недѣлю о расслабленномъ, 6) Въ недѣлю о слѣпомъ, 7) На Вознесеніе Господне, 8) На соборъ 318 св. отецъ, 9) Слово, не приспособленное ни къ какому опредѣленному церковному дню и изложенное въ видѣ „притчи о слѣпцѣ и хромцѣ“; затѣмъ, его посланія: „Сказаніе о черноризцѣмъ чину отъ ветхаго закона и новаго“, Притча о бѣлоризцѣ чловецѣ (посланіе къ Печерскому игумену Василію), другое посланіе къ игумену Василію; наконецъ, нѣсколько молитвъ (22) и канонъ молебный. Кромѣ того, митр. Макарій отмѣчаетъ „потерянные“ сочиненія Кирилла Туровскаго: Обличеніе на ересь Ростовскаго епископа Теодорца, „многія посланія“ къ Андрею Боголюбскому, похвальныя слова „многимъ святымъ“, разныя „душеполезныя слова на праздники Господскіе“ и „покаянный канонъ“. Къ „сомнительнымъ“ произведеніямъ К. Т. авторъ относитъ: Поученіе въ недѣлю пятую по Пасхѣ, Поученіе на Пятидесятницу, Слово о премудрости и Слово о мытарствахъ.

Голубинскій принимаетъ точку зрѣнія Макарія относительно подлинно принадлежащихъ Кириллу Т. поученій и, умалчивая совершенно объ остальныхъ, только на основаніи девяти произведеній опредѣляетъ литературный образъ этого писателя такими чертами: это былъ чловецъ, получившій „настоящее образованіе“ и среди писателей своего времени составляющій въ этомъ смыслѣ исключеніе; его поученія „представляютъ собою совершенно такія же ораторскія произведенія, какъ

1) Памятники російской словесности XII вѣка. М. 1821.

2) Макарій. Св. Кирилль, епископъ Туровскій, какъ писатель. Извѣстія II Отд. А. Н. Т. V. 1856, с. 225—263.

и слова современныхъ намъ ученыхъ проповѣдниковъ“; по отношенію къ слушателямъ они являлись „безплоднымъ краснорѣчіемъ“, такъ какъ нравственное назиданіе въ нихъ вполне отсутствуетъ¹⁾. Къ этой вѣрной характеристикѣ надо прибавить, что, составляя полную противоположность простотѣ Луки Жидята и Θεодосія Печерскаго, Кирилль Туровскій, какъ авторъ, имѣетъ лишь специально-литературный интересъ, являя собою примѣръ усвоенія на русской почвѣ утонченной манеры византійскихъ проповѣдниковъ позднѣйшей эпохи. Любимыми средствами его краснорѣчія являются сравненія, уподобленія и противоположенія; часто прибѣгаетъ онъ къ аллегорическому толкованію Св. Писанія, вводитъ „притчи“ и охотно пользуется вопросом-отвѣтной формой изложенія. Такія качества не могли обезпечить поученіямъ Кирилля Туровскаго доступъ къ широкому кругу слушателей.

Послѣ упомянутаго изданія Калайдовича, изъ изданій сочиненій Кирилля Туровскаго или ему приписываемыхъ долженъ быть отмѣченъ трудъ М. И. Сухомлинова: Рукописи графа А. С. Уварова. Т. II, вып. 1. Спб. 1858, съ обширнымъ историко-литературнымъ введеніемъ, представляющимъ собою основательное изслѣдованіе о Кириллѣ Туровскомъ, какъ писателѣ; отрицательной стороной изданія является отсутствіе критики въ вопросѣ о подлинности сочиненій Кирилля Т. Весьма полезной для ознакомленія съ состояніемъ вопроса о Кириллѣ Туровскомъ является также работа проф. Пономарева²⁾, представляющая собою какъ изданіе несомнѣнно принадлежащихъ и отчасти приписываемыхъ Кириллу Т. произведеній, такъ и изслѣдованіе о его жизни и сочиненіяхъ, въ которомъ приняты во вниманіе научныя работы о Кириллѣ послѣдняго времени, съ критической постановкой вопроса о подлинности его литературныхъ трудовъ³⁾.

Какъ можно видѣть изъ краткихъ указаній на происхождение и мѣсто дѣятельности названныхъ четырехъ авторовъ, они могутъ быть объединены названіемъ „кіевского“ періода нашей письменности лишь болѣе или менѣе условно. Въ тѣсномъ смыслѣ кіевскими дѣятелями можно признать изъ нихъ только Иларіона и Θεодосія; изъ остальныхъ же двухъ Лука Жидята примыкаетъ къ Новгороду, а Кирилль — къ Турову. Однако преобладающее вліяніе Кіева, какъ просвѣтительнаго центра той эпохи, было настолько велико, и, съ другой стороны, мѣстныя особенности двухъ названныхъ послѣднихъ городовъ въ томъ же отношеніи были въ это время еще столь незамѣтны, что говорить о какомъ-либо мѣстномъ колоритѣ въ произведеніяхъ этихъ авторовъ сравнительно съ

1) И. Р. Ц., I, перв. пол., 2 изд., с. 797—798.

2) Памятники, вып. I, с. 88—198.

3) Новѣйшимъ матеріаломъ по вопросу о литературной дѣятельности К. Т. являются данныя, опубликованныя у Н. К. Никольскаго: Матеріалы. 1907, с. 65—94

двумя первыми нѣтъ основаній. Правда, Туровъ былъ территоріально очень близокъ къ Кіеву и находился отъ него въ извѣстной политической зависимости, такъ что, б. м., и не имѣлъ возможности проявить какое-либо вліяніе на содержаніе проповѣдей своего епископа; правда, Новгородъ, духовный владыка котораго находился въ зависимости отъ Кіевского митрополита, также не могъ наложить какихъ-либо специальныхъ особенностей на въ высшей степени элементарное содержаніе поученія своего архіепископа въ ту пору, когда религіозно-нравственныя понятія на Руси только что складывались и были, естественно, одинаковы и на сѣверѣ и на югѣ; но все же этихъ общихъ и предположительныхъ указаній недостаточно, чтобы ими одними объяснить почти полное отсутствіе отраженія мѣстной жизни въ учительныхъ произведеніяхъ названныхъ авторовъ. Тутъ приходится вспомнить именно о существованіи въ учительско-проповѣднической практикѣ древняго времени той схемы, которая, идя изъ весьма отдаленнаго источника, связывала авторскую самостоятельность даже у наиболѣе даровитыхъ нашихъ писателей-проповѣдниковъ. Въ виду этого, писатели-кіевляне, какъ и не-кіевляне, затрудненные указанной схемой, являются въ данной литературной области весьма похожими другъ на друга въ общемъ содержаніи своихъ произведеній.

Сочиненіями названныхъ писателей, конечно, не исчерпывалась вся сумма церковно-учительной литературы кіевского періода. Объ учительныхъ произведеніяхъ нѣкоторыхъ авторовъ до насъ дошли лишь отдаленныя или весьма сомнительныя и неопредѣленныя свѣдѣнія: таковъ знаменитый основатель Кіево-Печерскаго монастыря Антоній ¹⁾, а съ другой стороны — какой-то „Петръ русскій“, которому, б. м., принадлежитъ очень древнее поученіе „о постѣ и молитвѣ“ ²⁾. Но главная масса этого матеріала находится въ разнаго рода рукописныхъ сборникахъ, заключающихъ въ себѣ немало безыменныхъ поученій, русское происхожденіе и принадлежность къ древнѣйшей порѣ нашей письменности которыхъ можно предполагать съ большою вѣроятностью. Таковы поученія, находящіяся въ составѣ Пролога ³⁾, „Златоуста“ ⁴⁾, „Златой Цѣпи“, „Паисиевскаго Сборника“ ⁵⁾; таковы поученія противъ язычества и народныхъ

1) Н. К. Никольскій. Матеріалы. 1906, с. 149—151.

2) Е. Пѣтуховъ. Матеріалы и замѣтки изъ исторіи древней русской письменности. Вып. II, с. 9—13. Впрочемъ, А. И. Соболевскій склоненъ видѣть въ авторѣ этого поученія болгарскаго царя Петра: Изв. II Отд. А. Н. 1908, кн. 3, с. 317—318.

3) Е. Пѣтуховъ. Матеріалы и замѣтки. Вып. I, с. 3—31.

4) Е. Пѣтуховъ. Древнія поученія на воскресные дни великаго поста. Сб. II Отд. А. Н., XL. 1886, и въ „Памятникахъ“ А. И. Пономарева, вып. III, с. 153—192.

5) Въ большомъ количествѣ напечатаны проф. А. И. Пономаревымъ: Памятники, вып. III, с. 1—149.

судебной¹⁾, по поводу некоторых отдельных случаев из церковной или общественной жизни²⁾ и т. п. — Общей, но далеко не полный, обзор этих произведений сдѣланъ проф. Владиміровымъ³⁾; въ большей своей части этотъ матеріалъ однако же до сихъ поръ остается не изслѣдованнымъ съ той обстоятельностью, какая была бы въ данномъ случаѣ желательна:

1) Напечатаны проф. П. В. Владиміровымъ въ „Памятникахъ“ А. И. Пономарева, вып. III, с. 195—250, и еще ранѣе нѣкоторыя изъ нихъ Н. С. Тихоновымъ: Лѣтописи р. литер. и древности. IV. 1862.

2) См., напр., И. Шляпкинъ. Русское поученіе XI вѣка о перенесеніи мощей Николая Чудотворца. Спб. 1881; Хр. Лопаревъ. Слово похвальное на перенесеніе мощей Св. Бориса и Глѣба. Неизданный памятникъ литературы XII вѣка. Спб. 1894.

3) Древняя русская литература кievскаго періода, с. 129—134. 167—178.

2. Послания.

Значение термина „послание“. — Поучение Владимира Мономаха; вопросы об его объеме и о времени написания; идеальный образ князя-автора; его литературные приемы.— Популярность этой литературной формы в древней письменности.

Эта литературная форма, подобно поучениямъ, также не можетъ быть очерчена съ вѣшной стороны вполне опредѣленно. Главнѣйшей ея особенностью является письменное обращеніе отъ лица къ лицу или къ цѣлой извѣстной группѣ лицъ, напр. отца къ сыну или епископа къ своей паствѣ. Въ рукописяхъ такія „послания“ носятъ еще названія „слова“, „поученія“ и т. п. По содержанию они находятся въ тѣсной связи съ церковными или иными поучениями, включая въ себя близкій къ нимъ по духу поучительный элементъ и имѣя ту же общую цѣль назиданія. Подобно поучениямъ, большинство посланій или обращеній анонимно; таково, напр., одно изъ древнѣйшихъ въ этомъ родѣ „Слово нѣкоего отца къ сыну своему“, помѣщенное въ Святославовомъ Изборникѣ 1076 года; впрочемъ, не смотря на высказанныя мнѣнія ученыхъ, русское происхожденіе этого произведенія сомнительно: по крайней мѣрѣ, оно ничѣмъ положительнымъ не можетъ быть доказано¹⁾. Сюда должны быть отнесены также разныя посланія церковныхъ иерарховъ къ князьямъ по вопросамъ вѣры и благочестія, напр. посланія митрополита Никифора (1104—1121) къ вел. кн. Владимиру Мономаху и къ муромскому князю Ярославу Святославичу и т. п.

Поученіе Владимира Мономаха своимъ дѣтямъ. Самымъ выдающимся произведеніемъ этого рода въ разсматриваемую эпоху является Поученіе Владимира Мономаха своимъ дѣтямъ, извѣстное въ составѣ Суздальской Лѣтописи по Лаврентьевскому списку подъ 1096 годомъ.

Относительно этого произведенія еще и теперь многое не выяснено окончательно. Не опредѣленъ точно самый объемъ поученія въ смыслѣ текста. Въ Лѣтописи велѣдъ за „Поученіемъ“ помѣщено посланіе Владимира Мономаха къ князю Олегу Святославичу, написанное по поводу смерти сына Мономаха, Изяслава, и такъ какъ въ лѣтописномъ текстѣ оба эти произведенія не разграничены²⁾, то ученые расходятся въ рѣ-

1) Н. К. Никольскій. Матеріалы. 1906, с. 203—205.

2) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Изд. 3, Спб. 1897, с. 232—246.

шеніи вопроса о томъ, гдѣ именно кончается одно произведеніе и гдѣ начинается другое: таковы различные взгляды на это М. П. Погодина, А. Ѳ. Бычкова и новѣйшихъ изслѣдователей гг. Ивакина и Шлякова. Вопросъ о времени написанія „поученія“ также не имѣетъ вполнѣ определеннаго рѣшенія. Въ старое время Карамзинъ и Шевыревъ полагали, что это произведеніе написано Мономахомъ (ум. 1125) въ глубокой старости, ссылаясь на метафорическое толкованіе выраженія автора „сѣдя на санехъ“ въ смыслѣ „на одрѣ смерти“. Погодинъ, напротивъ, полагалъ, что „поученіе“ написано въ 1099 году, во время путешествія Мономаха по Волгѣ въ Ростовъ, и къ этому мнѣнію примкнулъ Протопоповъ¹⁾. Шляковъ²⁾ считаетъ, что „поученіе“ написано 8—10 февраля 1106 года на погостѣ Волгѣ, недалеко отъ Ростова, а Ивакинъ³⁾ — въ промежутокъ времени 1118—1125 годовъ.

Поученіе Владиміра Мономаха — памятникъ весьма замѣчательный и по имени знаменитаго автора-князя, и по содержанию, и по своему основному духу и цѣли. Въ основѣ своей назидательное, это произведеніе заключаетъ въ себѣ рядъ интересныхъ фактическихъ указаній автора о себѣ самомъ, составляющихъ какъ бы часть его автобіографіи. Эти указанія имѣютъ цѣлью подтвердить наставленія Мономаха своимъ дѣтямъ, а также и „иному кому“, кто пожелаетъ прочесть при случаѣ его „грамотицу“. Въ этихъ наставленіяхъ вырисовывается со стороны благочестиваго князя бодрый и дѣятельный взглядъ его на то, какъ надо жить, причемъ общія назиданія переплетаются съ частными, имѣющими въ виду специальныя условія жизни князя-правителя. Въ послѣднемъ отношеніи особенно рельефно выдѣляется его возвышенный, умиротворяющій идеалъ жизни, направленный по адресу постоянныхъ княжескихъ междоусобій удѣльнаго строя той эпохи; авторъ старается поставить надъ эгоистическими стремленіями князей христіанскій завѣтъ прощенія, смиренія и мысли о дѣйствительномъ благѣ родины.

Мономахъ пользуется формой обращенія къ своимъ дѣтямъ, какъ очень популярной и въ византійской и въ древне-русской письменности⁴⁾. Читеніе „Поученія“ Мономаха едва ли можетъ оставить сомнѣніе въ томъ, что авторъ былъ знакомъ съ литературными приѣмами своего времени, имѣлъ навыкъ въ литературномъ изложеніи своихъ мыслей и былъ человекъ, въ книжномъ смыслѣ, очень образованный и начитанный. „Поученіе“ его носить на себѣ нѣкоторые слѣды определеннаго плана⁵⁾, но устѣдить этотъ планъ во всѣхъ его частяхъ весьма трудно, и причину

1) Поученіе Владиміра Мономаха, какъ памятникъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній и жизни на Руси въ дотатарскую эпоху. Ж. М. Н. Пр. 1874, № 2.

2) О поученіи Владиміра Мономаха. Спб. 1900.

3) Князь Владиміръ Мономахъ и его Поученіе. Ч. I. Поученіе къ дѣтямъ. Письмо къ Олегу и отрывки. М. 1901.

4) Е. Пѣтуховъ. Матеріалы и замѣтки. В. II, с. 16—17.

5) Шляковъ, назв. соч., с. 110.

этого обстоятельства можно относить отчасти къ неисправному состоянію дошедшаго до насъ текста „Поученія“ въ составъ Лѣтописи; въ отдѣльныхъ спискахъ этотъ текстъ въ старину, повидимому, совсѣмъ не имѣлъ распространенія ¹⁾, хотя въ научномъ изданіи онъ явился впервые, будучи извлечень гр. А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ изъ Лѣтописи, именно какъ памятникъ совершенно отдѣльный ²⁾.

ЛѢТОПИСЬ ПИИЖ

ЛѢТОПИСЬ ПИИЖ

ЛѢТОПИСЬ ПИИЖ

1) Отрывокъ, напечатанный во II приложеніи къ 3 изд. Лѣтописи по Лаврентьевскому списку (с. 41) по рукописи Археографической Комиссіи XV вѣка, не разрѣшаетъ этого вопроса ни въ ту, ни въ другую сторону, хотя и заключаетъ весьма интересный матеріалъ для изученія этого замѣчательнаго литературнаго произведенія: ср. статью Е. Будде о 3-мъ изд. Лаврентьевской Лѣтописи, въ Р. Ф. В. 1898 № 1—2, с. 235—245.

2) Духовная великаго князя Владиміра Всеволодовича Мономаха дѣтямъ своимъ Лѣтописи, названная въ Суздальской „Поученіе“. Спб. 1793.

3. Житія святыхъ.

Условия возникновенія житій въ первые вѣка русской письменности. — Вопросъ объ *Иаковѣ-мнихѣ*. — Агиографическіе труды Нестора: „Житіе Бориса и Глѣба“ и „Житіе Θεодосія“; приемы идеализаціи и реализма въ послѣднемъ произведеніи.

Житія святыхъ, называемыя иногда „сказаніями“, были одной изъ самыхъ любимыхъ и распространенныхъ формъ литературной производительности на Руси какъ древнѣйшей эпохи, такъ въ особенности послѣдующихъ столѣтій. Эта форма наилучшимъ образомъ удовлетворяла и потребностямъ христіанскаго благочестія, въ смыслѣ назиданія, и простой нуждѣ въ чтеніи; повѣствовательный характеръ житій дѣлалъ ихъ содержаніе доступнымъ самому неподготовленному читателю и легко укладывался въ памяти. Но съ другой стороны, для созданія русскихъ, не переводныхъ житій требовалась своя историческая подкладка, которую могло подготовить только время; надо было признаніе того или другого лица или подвижника святымъ — и только тогда могло имѣть смыслъ составленіе его „житія“¹⁾. Это обстоятельство является главной причиной того, почему, несмотря на чрезвычайную приспособленность къ уровню тогдашняго читателя житійной формы, въ первые два вѣка нашей письменности такихъ произведеній имѣется весьма немного, и въ сущности безспорнымъ можетъ быть признано тутъ только одно имя — преп. Нестора, автора двухъ замѣчательныхъ жизнеописаній съ сюжетами изъ русской жизни.

Вопросъ объ *Иаковѣ-мнихѣ*. Въ научной литературѣ давно уже была сдѣлана попытка поставить во главѣ русскихъ агиографовъ *Иакова-мниха* или *черноризца*, относительно котораго, изъ сообщенія *Лѣтописи* подъ 1074 годомъ, извѣстно только то, что онъ былъ первоначально предназначенъ *Θеодосіемъ Печерскимъ* въ качествѣ преемника его по игуменству въ *Кіево-Печерскомъ монастырѣ*; впрочемъ, *Θеодосій*, склонившись на просьбу братіи, назначилъ въ игумены послѣ себя другое лицо. Объ авторствѣ *Иакова* тутъ не говорится ни слова, но надъ однимъ произведеніемъ старой письменности, „Память и похвала князю русскому *Володимиру*“

1) Соображенія объ условіяхъ возникновенія житій въ древнемъ періодѣ и общій, типическій, ихъ характеръ изложены у В. О. Ключевскаго: *Курсъ русской исторіи*, ч. II, 1906, с. 319—323.

меру“, имѣется въ нѣкоторыхъ спискахъ надпись „списано Іаковымъ-мнихомъ“, причемъ нѣкоторыми изслѣдователями, напр. митр. Макаріемъ, была установлена предположительная связь между этой надписью и личностью Іакова, современника Θεодосія ¹⁾. Однако, при дальнѣйшемъ изученіи вопроса для такого отождествленія не оказалось положительныхъ данныхъ ни въ указаніяхъ рукописей, ни въ прямыхъ свидѣтельствахъ объ Іаковѣ-мнихѣ со стороны другихъ памятниковъ; нѣкоторые изслѣдователи склонны были не отрицать правильность надписанія „памяти и похвалы“, т. е. собственно житія Владиміра Святого, именемъ „Іакова-мниха“, но, не отождествляя этого послѣдняго съ современникомъ Θεодосія, переносили его жизнь и сочиненіе упомянутаго житія въ слѣдующее, XII столѣтіе. Еще менѣе достовѣрнымъ представляется приписаніе тому же Іакову-мниху другого житійнаго труда, „Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ“, древнѣйшій списокъ котораго имѣется въ извѣстномъ Сборникѣ Московскаго Успенскаго Собора XII—XIII вв. ²⁾; тутъ уже мы не располагаемъ даже и надписью о какомъ бы то ни было авторѣ этого произведенія. Т. о., приходится признать, руководясь лишь несомнѣнными данными, что говорить объ Іаковѣ-мнихѣ, какъ первомъ нашемъ агіографѣ и въ частности какъ объ авторѣ произведеній конца XI вѣка, Житія Владиміра Святого и Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, невозможно; но, съ другой стороны, нельзя и отрицать ни того, что названныя произведенія могли быть написаны въ XI или XII вѣкѣ, ни того, что въ числѣ писателей древнѣйшаго періода былъ какой-то Іаковъ-мнихъ, о жизни и трудахъ котораго мы однако же ничего положительнаго сказать не можемъ; едва ли даже и самое тщательное сравнительное изученіе всѣхъ относящихся сюда текстовъ ³⁾, безъ случайныхъ рукописныхъ находокъ съ болѣе точными указаніями, можетъ привести къ полному разрѣшенію этого вопроса ⁴⁾.

Агіографическіе труды преп. Нестора. Въ противоположность Іакову-мниху, авторство Нестора, черноризца Кіево-Печерскаго монастыря и современника Θεодосія Печерскаго, не вызываетъ никакихъ сомнѣній. Время его жизни — вторая половина XI вѣка. Ему принадлежатъ: „Чтеніе о житіи и о погубленіи блаженную страсотерпцу Бориса и Глѣба“ и „Житіе Θεодосія“. На обоихъ памятникахъ стоитъ имя автора, и достовѣрность этого показанія подтверждается содержаніемъ самыхъ произведеній, а равно и заключающихся въ нихъ ссылокъ частнаго характера. Кромѣ того, на основаніи сравнительнаго изученія обоихъ памятниковъ можно видѣть,

1) Н. К. Никольскій. Матеріалы. 1906, с. 225—227, пр. 1; 229—233.

2) Тамъ же, с. 253—255.

3) Ср. тамъ же, с. 257. 289—301; Н. Серебрянскій. Замѣтки и тексты изъ псковскихъ памятниковъ. I—V. М. 1910, с. 51—67.

4) Новѣйшее мнѣніе по этому вопросу высказано акад. А. А. Шахматовымъ: Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ. Спб. 1908, с. 34—40.

что Несторъ написалъ сначала „Чтеніе о житіи и о погубленіи Бориса и Глѣба“, а потомъ уже житіе Феодосія, относящееся, вѣроятно, къ послѣднимъ годамъ XI вѣка.

Житіе Бориса и Глѣба, написанное на ту же тему, что и упомянутое предполагаемое произведеніе Іакова-мниха, было въ нашей древней письменности, судя по количеству сохранившихся списковъ, менѣе популярно, нежели это послѣднее. Оно ¹⁾ состоитъ изъ двухъ частей: повѣствованія собственно о жизни и убіеніи Бориса и Глѣба и разказа объ ихъ чудесахъ. Если сопоставить первую часть этого произведенія съ упомянутымъ сочиненіемъ на ту же тему, приписываемымъ Іакову-мниху, то большого сходства, которое указывало бы на прямую связь обоихъ произведеній въ смыслѣ заимствованія, между ними нѣтъ или оно имѣетъ слишкомъ общій характеръ; что же касается второй части, то она представляется у Нестора болѣе схожей съ аналогичными мѣстами въ житіи, приписываемомъ Іакову-мниху, что можетъ быть объясняемо какъ общностью темы, какъ и общими приемами обоихъ авторовъ, весьма естественными въ ту эпоху и при тогдашней зависимости отъ византійскихъ образцовъ; б. м. даже, оба автора пользовались однимъ источникомъ, до насъ не дошедшимъ ²⁾. Интереснымъ представляется самый фактъ возникновенія въ довольно раннюю пору нашей письменности двухъ произведеній отдѣльныхъ авторовъ на одну и ту же тему; кромѣ того, были еще и другія произведенія на тему о Борисѣ и Глѣбѣ ³⁾. Это обстоятельство находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что самый сюжетъ о двухъ братьяхъ-мученикахъ, дававшій возможность распространяться объ идеальной братской любви, въ виду возможности его живого примѣненія къ тогдашнимъ родственнымъ междукняжескимъ усобицамъ, былъ весьма популяренъ и привлекателенъ.

Гораздо выше „Житія Бориса и Глѣба“ стоитъ въ литературномъ отношеніи „Житіе Феодосія“. Талантъ инока-повѣствователя тутъ значительно окрѣпъ послѣ его, повидимому, перваго литературнаго опыта; кромѣ того, самый сюжетъ былъ ему ближе и, безъ сомнѣнія, матеріаль обильнѣе и свѣжѣе своей непосредственностью: Несторъ если, б. м., самъ и не зналъ Феодосія и не жилъ въ монастырѣ подъ его руководствомъ, однако во время писанія своего труда окруженъ былъ многими живыми свидѣтелями дѣятельности знаменитаго игумена. Когда именно написано Житіе Феодосія, опредѣляется, по предположенію, различно: Срезневскій — не позже 1113 года, Погодинъ — послѣ 1108 года, Голубинскій — до 1090 года, Чаговецъ — между 1088 и 1091, Шахматовъ и Бѣльченко — между 1079 и 1088; къ послѣднему мнѣнію примыкаетъ и Никольскій ⁴⁾.

1) Издано И. И. Срезневскимъ въ книгѣ: Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Сильвестровскій списокъ XIV вѣка. Спб. 1860. О другихъ изданіяхъ см. у Н. К. Никольскаго: Матеріалы. 1906, с. 399.

2) Макарій. Исторія русской церкви. Т. II. 1868, с. 159—162.

3) Н. К. Никольскій. Матеріалы. 1906, с. 271—289.

4) Матеріалы. 1906, с. 403.

Текстъ этого памятника сохранился въ Сборникѣ Московскаго Успенскаго Собора XII в. и по этому списку изданъ былъ два раза: сначала Бодяекимы въ 1858 году, а потомъ Шахматовымъ и Лавровымъ въ Чт. Общ. Ист. и Др. 1899. II¹⁾. Число позднѣйшихъ списковъ какъ въ отдѣльномъ видѣ, такъ и въ составѣ Печерскаго Патерика очень велико²⁾, что указываетъ на чрезвычайную популярность этого произведенія въ древнерусской читающей средѣ. Выше уже было указано (с. 7) на предполагаемую³⁾ литературную зависимость Житія Θεодосія отъ Житія Саввы Освященнаго, написаннаго Кирилломъ Скиеопольскимъ. Специальное изученіе Житія Θεодосія съ этой стороны показываетъ многія черты совпаденія у Нестора еще съ цѣлымъ рядомъ другихъ греческихъ произведеній житійнаго характера — въ трудахъ Палладія, Аванасія Александрійскаго, Василия Амасійскаго, Іоанна Мосха и др.⁴⁾; однако эти факты совпаденія нисколько не нарушаютъ общаго впечатлѣнія большой самостоятельности труда Нестора и оригинальности его выполненія; первое происходило изъ характера источниковъ, которыми пользовался авторъ, второе — изъ его литературнаго дарованія. Авторъ дорожитъ фактомъ; онъ является передъ нами именно какъ реалистъ-повѣствователь, особенно по сравненію съ агиографическими трудами болѣе поздняго времени, когда главное вниманіе обращалось на восхваленіе святого и этой идеей нерѣдко приносились въ жертву или игнорировались факты. Однако, съ другой стороны, было бы заблужденіемъ думать, что сочиненіе Нестора о Θεодосіи совершенно чуждо идеализаціи; эта идеализація иногда проглядываетъ въ противорѣчіяхъ, которыя допускаетъ авторъ. Для примѣра можно указать на свѣдѣнія, сообщаемыя Несторомъ о происхожденіи Θεодосія: съ одной стороны, Θεодосій происходитъ отъ простыхъ родителей — это для того, чтобы подготовить читателя къ описанію будущихъ подвиговъ и заслугъ святого, которыми онъ сталъ въ число знаменитѣйшихъ людей своей родины, а съ другой — нѣсколько далѣе — сообщается противорѣчащее этому извѣстіе о родовитой гордости и спѣси матери Θεодосія, даже о томъ, что у нея были, повидимому, рабы, — и все это съ цѣлю выставить на видъ, что, не смотря на знатность рода и богатство, Θεодосій, увлекаемый высшими идеалами и будущими подвигами пустынножительства, предпочелъ всѣмъ благамъ этого міра скромную жизнь простого монаха⁵⁾.

1) Тамъ же, с. 403—404.

2) Тамъ же, с. 404—410.

3) Шахматовъ. Нѣсколько словъ о Несторовомъ Житіи Θεодосія. Изв. II Отд. Ак. Н. Т. I. 1896, кн. 1, с. 46—65; Д. И. Абрамовичъ. Къ вопросу объ источникахъ Несторова Житія Θεодосія Печерскаго: тамъ же, Т. III. 1898, кн. 1, с. 243—246.

4) Д. И. Абрамовичъ. Изслѣдованіе о Кіево-Печерскомъ Патерикѣ, какъ историко-литературномъ памятникѣ. Спб. 1902, с. 142—175.

5) Сборникъ XII вѣка Московскаго Успенскаго Собора. Выпускъ первый. Изд. подъ наблюденіемъ А. А. Шахматова и П. А. Лаврова. М. 1899, с. 42—44.

Произведение Нестора о Θεодосіи, насквозь проникнутое благоговѣйнымъ отношеніемъ къ святому, не заключаетъ въ себѣ однако же особой, т. е. формальной „похвалы“ съ лирическимъ характеромъ содержанія и изложенія; отсутствіе здѣсь такой „похвалы“, составлявшей позднѣе неотъемлемую часть житійнаго повѣствованія, указываетъ на реальный и чрезвычайно цѣнный для насъ характеръ труда Нестора; здѣсь кстати упомянуть впрочемъ, что эта сторона дѣла была восполнена трудомъ другого, неизвѣстнаго автора, написавшаго „Похвалу Св. Θεодосію“, которую предположительно относятъ къ 1093—1096 годамъ ¹⁾.

1) Н. К. Никольскій. Матеріалы. 1906, с. 435—438.

4. Лѣтопись.

Многосторонняя важность и интересъ этого памятника. — Происхожденіе лѣтописи; лѣтописные своды. — Составъ Начальной Лѣтописи: погодныя записи; иноземные и туземные письменные источники; народныя преданія. — Литературные элементы, принадлежащіе лѣтописцу: предметы его вниманія и хронологическій способъ изложенія; религиозное міровоззрѣніе; искренность и спокойный тонъ.

Древняя русская лѣтопись представляетъ собою одно изъ самыхъ замѣчательныхъ проявленій литературной жизни на Руси въ старую эпоху. Хотя важнѣйшая цѣнность лѣтописей должна быть отнесена на долю собственно гражданской и церковной исторіи, однако и историкъ литературы найдетъ для себя въ этомъ памятникѣ крайне интересный, богатый и до сихъ поръ еще не вполне изученный матеріалъ. Наша древняя лѣтопись далеко не исчерпывается погодной записью событій или попытками установленія между ними извѣстной связи и причинности; она, кромѣ того, включаетъ въ себя еще и элементъ поучительный, что роднитъ ее по духу съ разсмотрѣнными ранѣе произведеніями древне-русской письменности, и элементъ поэтической — цѣлый рядъ историческихъ сказаній и преданій, почерпнутыхъ какъ изъ письменныхъ источниковъ, такъ и изъ народныхъ устъ. Высокое не только историческое, но и литературное значеніе древней лѣтописи было впервые съ надлежащей выразительностью отмѣчено еще въ самомъ началѣ XIX вѣка Шлецеромъ, и съ тѣхъ поръ оно нашло себѣ подтвержденіе и богатую научную разработку въ цѣломъ рядѣ изслѣдованій, въ трудахъ Строева, Срезневскаго, Сухомлинова, Костомарова, Бестужева-Рюмина и др., а въ послѣднее время въ особенности въ выдающихся работахъ акад. А. А. Шахматова.

Происхожденіе Лѣтописи. Говоря о лѣтописи въ числѣ литературныхъ произведеній первыхъ двухъ столѣтій нашей письменности, мы имѣемъ въ виду памятникъ, который условимся называть Древнѣйшей или Начальной Лѣтописью (сводомъ) и который излагаетъ событія кончая 1110 годомъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что вообще древне-русское лѣтописание, поскольку оно намъ извѣстно, велось путемъ наслоенія на повѣствованіе болѣе ранняго времени позднѣйшихъ сообщеній и сведения болѣе или менѣе элементарныхъ рассказовъ въ форму общаго повѣствованія, захватывающаго все болѣе и болѣе широкіе хронологическіе и тер-

риториальные предѣлы. Т. о., даже въ самомъ древнемъ своемъ видѣ, по рукописямъ XIII—XV вв., наши лѣтописи представляются сводами; эта мысль впервые въ нашей наукѣ высказана была въ 1820 году П. М. Строевымъ при изданіи имъ т. наз. „Софійскаго Временника“. Съ того времени усилія изслѣдователей направлены были главнымъ образомъ къ тому, чтобы путемъ научнаго анализа вскрыть эти наслоенія, опредѣлить степень и характеръ зависимости однихъ лѣтописныхъ сводовъ отъ другихъ и выяснить исторію развитія нашей лѣтописи по возможности съ самыхъ первыхъ шаговъ ея существованія. Насколько теперь можно судить по состоянію этого вопроса въ наукѣ, отъ насъ навсегда утрачены первичные элементы лѣтописнаго дѣла въ Россіи, и самые древніе лѣтописные тексты представляютъ собою все-таки своды, предполагающіе болѣе элементарныя части, которыя нѣкогда существовали самостоятельно.

Стремясь опредѣлить основные моменты возникновенія Лѣтописи въ древнѣйшую эпоху, Шахматовъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ относительно главнѣйшихъ изъ наслоеній лѣтописнаго текста. Первые слѣды русскаго лѣтописанія слѣдуетъ искать въ Новгородѣ, гдѣ въ 1017 году новгородскія власти, во главѣ съ посадникомъ и епископомъ, вписали новгородскую Правду въ лѣтопись; послѣдняя заключала въ себѣ первоначально самыя краткія свѣдѣнія и въ видѣ свода можетъ быть отнесена лишь къ 1050 году, когда, въ ознаменованіе построенія новаго храма св. Софіи, новгородскій владыка Лука и князь Владиміръ положили основаніе лѣтописному своду. Между тѣмъ въ Кіевѣ сводъ появился еще въ 1039—1040 году, одновременно съ учрежденіемъ митрополии и построеніемъ Софійскаго храма; кіевскій лѣтописный сводъ вкорѣ же оказалъ свое вліяніе и на характеръ дальнѣйшаго развитія лѣтописнаго свода въ Новгородѣ. Центральное политическое и культурное положеніе Кіева отдало въ его руки судьбу русскаго лѣтописнаго дѣла: въ серединѣ XI вѣка возникаетъ въ Кіевѣ „Древнѣйшій лѣтописный сводъ“ (по терминологіи Шахматова), отличавшійся отъ послѣдующихъ сводовъ, между прочимъ, отсутствіемъ какихъ бы то ни было хронологическихъ опредѣленій, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшей своей части. Далѣе, около 1095 года былъ составленъ въ Печерскомъ монастырѣ, отчасти въ связи съ новыми лѣтописными работами въ Новгородѣ, другой лѣтописный сводъ, который Шахматовъ называетъ „Начальнымъ Кіевскимъ сводомъ“ и въ основаніе котораго положенъ былъ предшествующій лѣтописный сводъ, дополненный вставками, между прочимъ, хронографическихъ статей и хронологическихъ опредѣленій. Этотъ Начальный Кіевскій сводъ и послужилъ основой для „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, текстъ которой мы уже знаемъ не предположительно, а въ цѣломъ рядѣ дошедшихъ до насъ списковъ¹⁾. Эти домыслы Шахматова являются результатомъ произведеннаго имъ анализа нѣкоторыхъ изъ существующихъ лѣтописныхъ текстовъ путемъ выдѣленія изъ нихъ позд-

1) Разысканія, с. 11—12. 97—99. 107—108. 181—182. 416. 418—419. 508—516.

нѣйшихъ наслоеній, при чемъ изслѣдователь шелъ въ своей работѣ по направленію въ глубину вѣковъ¹⁾. Слѣдя за этими соображеніями изслѣдователя, мы находимся пока только въ области весьма остроумныхъ и правдоподобныхъ, но все-таки теоретическихъ построеній, и впервые становимся на прочную почву интересныхъ для историка литературы фактовъ лишь въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, являющейся непосредственнымъ результатомъ „Начальнаго Кіевскаго свода.“

Когда же „Повѣсть“ была составлена и что она собою представляетъ?

Такъ какъ непосредственный ея источникъ, Начальный кіевскій сводъ, составленъ въ концѣ XI вѣка, а „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ мы знаемъ лишь въ спискахъ не ранѣе XIV вѣка, то естественно предположить, что мы не имѣемъ передъ собой этого памятника въ его первоначальномъ видѣ, а лишь съ позднѣйшими наслоеніями. Анализируя эти наслоенія по разнымъ спискамъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, Шахматовъ находитъ возможнымъ установить двѣ редакціи этого памятника, появившіяся на разстояніи короткаго промежутка времени; указаніе на первую изъ этихъ редакцій, доведенную до 1110 года, имѣется въ спискахъ Лаврентьевскомъ, Радзивиловскомъ и Московско-Академическомъ; указаніе на вторую редакцію можно видѣть въ Ипатскомъ и Хлѣбниковскомъ спискахъ: она оканчивается въ изложеніи событій 1117 годомъ. Дошедшіе до насъ списки „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ не представляютъ въ чистомъ видѣ ни одну изъ этихъ редакцій, а даютъ только извѣстный матеріалъ для ихъ опредѣленія, представляя собою компилятивную сводку обѣихъ редакцій этого памятника. Первая редакція была составлена, по мнѣнію Шахматова, Выдубицкимъ игуменомъ Сильвестромъ, какъ это можно заключать изъ его извѣстной записи подъ 1116 годомъ. Въ дальнѣйшемъ, обѣ редакціи „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ вошли въ основаніе нѣсколькихъ болѣе позднихъ сводовъ, составленныхъ въ разныхъ городахъ: Кіевѣ, Новгородѣ, Черниговѣ, Владимірѣ, Ростовѣ и др., и есть основаніе думать, что въ началѣ XIV вѣка при дворѣ Московскаго митрополита Петра возникла мысль составить мѣстные русскіе лѣтописные своды, чтобы создать изъ нихъ сводъ общерусскій, и отраженіемъ именно этого общерусскаго свода, хотя не полнымъ и не точнымъ, можно признать Лаврентьевскій списокъ, оканчивающійся 1305 годомъ, т. е. годомъ смерти предшественника Петра, митрополита Максима²⁾.

Какъ можно видѣть изъ представленнаго Шахматовымъ обзора основныхъ моментовъ въ исторіи нашего древняго лѣтописанія съ первыхъ его начатковъ въ половинѣ XI вѣка и до появленія „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ въ рукописяхъ XIV—XV вв., автору этого построенія приходилось наряду съ фактами нѣрѣдко довольствоваться „указаніями“ и „отраженіями“ ихъ

1) Ср. его первоначальныя изслѣдованія, получившія потомъ значительное видоизмѣненіе, въ трудѣ: Сказаніе о призваніи враговъ. Спб. 1904, с. 11—27.

2) Тамъ же, с. 28—31. 32.

въ длинной вереницѣ изслѣдованныхъ имъ лѣтописныхъ текстовъ. Конечно, для общаго историка Россіи такіе дефекты гораздо менѣе чувствительны, чѣмъ для историка литературы, котораго какъ разъ интересуютъ самыя тексты, нѣкогда закрѣпившіе эти моменты въ развитіи нашей лѣтописи и нынѣ, вѣроятно, навсегда утраченные. Поэтому, принимая въ соображеніе указанные выводы изъ изслѣдованій Шахматова, приходится однако же стоять на почвѣ лишь „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ и только на этой фактической основѣ наблюдать составъ нашей старой лѣтописи, несомнѣнно претерпѣвшей измѣненія отъ цѣлага ряда наслоеній и переработокъ позднѣйшаго времени на протяженіи не менѣе трехъ столѣтій.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ Лаврентьевскій списокъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, писанный въ предѣлахъ Суздальской земли въ 1377 году, какъ древнѣйшій представитель первой изъ намѣченныхъ Шахматовымъ редакцій этого памятника. Основываясь на записи этого списка подъ 1110 годомъ („Игумень Сильвестръ святаго Михаила написахъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Киевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у святаго Михаила въ 6624, индикта 9 лѣта“), нѣкоторые изслѣдователи, и въ томъ числѣ Шахматовъ, считаютъ авторомъ-редакторомъ Начальнаго Кіевскаго свода этого самаго игумена (Выдубицкаго Михайловскаго монастыря, въ Кіевѣ) Сильвестра, между тѣмъ какъ въ другомъ, болѣе позднемъ, списокѣ (т. наз. Хлѣбниковскомъ, XVI вѣка) въ заголовкѣ „Повѣсти“ поставлено имя „Нестора-черноризца“, и это указаніе — въ связи съ нѣкоторыми другими данными ¹⁾ — давно уже было поводомъ къ признанію права на авторство Начальной Лѣтописи за Несторомъ, авторомъ агиографическихъ трудовъ о Феодосіи и о Борисѣ и Глѣбѣ: отсюда и традиціонное, теперь уже въ значительной степени отжившее, но находящее себѣ въ самое послѣднее время новыхъ сторонниковъ названіе „Несторовой Лѣтописи“ и „Нестора-лѣтописца“. Конечно, въ вопросѣ о составѣ Начальной Лѣтописи едва ли имѣетъ большое значеніе то, кто именно долженъ быть признанъ однимъ изъ ея редакторовъ-составителей.

Что касается состава „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, то онъ представляетъ собою рассказъ о событіяхъ сначала библейскихъ — очень кратко, потомъ о расселеніи славянъ вообще и въ частности славянъ русскихъ, об образованіи у нихъ государства и о событіяхъ въ его жизни до 1110 года включительно. Событія вложены въ опредѣленную хронологическую сѣть. Основной особенностью этой лѣтописи является ея общерусскій характеръ, но когда наложенъ былъ этотъ характеръ на „Повѣсть“ — въ началѣ ли XIV вѣка, при митрополитѣ Петрѣ, или же онъ отличалъ нашу лѣтопись уже въ болѣе отдаленную фазу ея существованія, на это трудно теперь дать сколько-нибудь опредѣленный отвѣтъ по выше указаннымъ причинамъ относительно состоянія нашихъ источниковъ.

1) А. Архангельскій. Первые труды по изученіи Начальной русской лѣтописи. Казань 1886, с. 49—62; А. Маркевичъ. О лѣтописяхъ. Вып. I, с. 179—185.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ пользоваться названіями „древнѣйшей“ или „начальной“ лѣтописи (свода), имѣя въ виду этотъ памятникъ, какъ несомнѣнно существовавшій въ ту эпоху русской литературы XI—XII вв., о которой теперь идетъ рѣчь, но въ смыслѣ текста подъ этими именами вездѣ, конечно, должна быть подразумѣваема „Повѣсть временныхъ лѣтъ“: къ этой неточности вынуждаетъ самое положеніе вопроса объ историческомъ развитіи нашего лѣтописанія.

При такомъ положеніи дѣла, когда мы не имѣемъ возможности сколько-нибудь вѣрными шагами подойти къ самому источнику, къ дѣйствительному началу лѣтописанія въ древней Руси, мало имѣютъ значенія и гаданія о томъ, какими именно техническими особенностями обставлено было возникновеніе русской Лѣтописи: было ли тутъ подражаніе греческимъ (т. е. византійскимъ) образцамъ или средневѣковымъ западно-европейскимъ (напр., англо-саксонскимъ), служили ли въ этомъ дѣлѣ „пасхальныя таблицы“, описанныя и разработанныя въ свое время М. И. Сухомлиновымъ (О древней русской лѣтописи, какъ памятникъ литературномъ, 1856) — это въ сущности для изученія вопроса о русской Лѣтописи въ историко-литературномъ отношеніи почти безразлично. Интереснѣе было бы разрѣшеніе вопроса о томъ, гдѣ собственно велась первоначальная работа надъ лѣтописями на Руси, въ городахъ или въ монастыряхъ, въ свѣтской средѣ или въ духовной, но и тутъ мы имѣемъ только одни предположенія и разногласія въ высказанныхъ мнѣніяхъ¹⁾. Гораздо болѣе положительныхъ результатовъ можетъ обѣщать разсмотрѣніе вопроса о составѣ нашего Начального свода въ томъ видѣ, въ какомъ мы его фактически имѣемъ, т. е. опредѣленіе тѣхъ источниковъ, которыми пользовался нашъ лѣтописецъ. По этому вопросу наибольшее значеніе изъ старыхъ трудовъ имѣетъ упомянутое изслѣдованіе Сухомлинова, а изъ новыхъ — изысканія акад. А. А. Шахматова.

Составъ Начальной Лѣтописи. Вопросъ о составѣ Начальной Лѣтописи сводится къ опредѣленію слѣдующихъ ея элементовъ. Во-первыхъ, погодныя записки съ разнаго рода свѣдѣніями изъ русской исторіи. Во-вторыхъ, заимствованія изъ письменныхъ источниковъ, въ видѣ внесенія въ текстъ лѣтописи небольшихъ замѣтокъ или цѣлыхъ рассказовъ, поученій и разсужденій. Эти письменные источники были съ одной стороны иноземными, а съ другой — своими, туземными. Въ-третьихъ, народныя преданія, взятая изъ устнаго источника. Въ-четвертыхъ, собственно исходящій отъ составителя свода литературный элементъ въ видѣ связи между отдѣльными частями повѣствованія, иногда разсужденій и соображеній, хронологіи и пр.

1. Что касается погодныхъ записей со свѣдѣніями о событіяхъ русской жизни, то этотъ основной элементъ Лѣтописи есть результатъ посте-

1) С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Изд. „Общ. Пользы“. Кн. I. 771—773; И. Е. Забѣлинъ. Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. I. М. 1876, с. 480—498.

пеннаго наслоенія лѣтописныхъ сообщеній ранѣе составленія Начальнаго Свода, опредѣлить которыя съ желаемой точностью, какъ уже сказано, въ настоящее время не представляется пока возможнымъ; тутъ остается мѣсто лишь для однихъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній.

2. Въ гораздо болѣе благоприятныхъ условіяхъ находится опредѣленіе второго отмѣченнаго элемента — заимствованій изъ письменныхъ источниковъ.

Сухомлиновъ, въ III гл. своего изслѣдованія (с. 51—116), далъ слѣдующій перечень и объясненіе заимствованій изъ письменныхъ источниковъ: иноземные — книги св. Писанія; Палея; Исповѣданіе вѣры, сходное съ находящимся у Михаила-Синкелла; Паннонскія Житія св. Кирилла и Мееодія; Договоры русскихъ князей съ греками; Хроника Георгія Амартола; Сочиненіе Мееодія Патарскаго, и туземные — Житіе св. Владиміра; Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ; Поученія Θεодосія; Разсказы Василія.

Въ настоящее время въ этотъ перечень можно внести кое-какія исправленія на основаніи изысканій по этому вопросу въ трудахъ послѣдующихъ ученыхъ.

Что касается книгъ св. Писанія, то цитаты изъ нихъ у составителя Начальной Лѣтописи едва ли могутъ быть отнесены къ числу собственно заимствованій изъ письменнаго иноземнаго источника; съ одной стороны, онѣ входятъ въ составъ болѣе обширныхъ заимствованій изъ другихъ источниковъ, и, т. о., ихъ выборки принадлежать уже авторамъ этихъ послѣднихъ, а не нашему лѣтописцу; съ другой же стороны, нашъ лѣтописецъ пользуется краткими изрѣченіями изъ св. Писанія по памяти, и потому такія мѣста, служа для характеристики литературныхъ пріемовъ и міровоззрѣнія лѣтописца, скорѣе должны быть отнесены къ четвертому изъ перечисленныхъ выше элементовъ. Шахматовъ указываетъ нѣсколько заимствованій текстовъ Св. Писанія черезъ посредство Паремійника¹⁾.

Далѣе идетъ Палея. Въ то время, когда Сухомлиновъ писалъ свое изслѣдованіе о Лѣтописи, вопросъ о Палеѣ еще совсѣмъ не былъ разработанъ. Первая научная постановка вопроса объ этомъ важномъ памятникѣ принадлежитъ Н. С. Тихонравову, работавшему надъ нимъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, но результаты его изслѣдованій своевременно не были въ полномъ видѣ опубликованы; они находили себѣ мѣсто лишь въ лекціяхъ покойнаго профессора, въ его устныхъ рефератахъ и косвенно въ печатныхъ работахъ по другимъ вопросамъ; цѣликомъ выводы Тихонравова были опубликованы лишь послѣ его смерти²⁾. Затѣмъ, эти работы нашли себѣ продолжателей въ лицѣ В. Успенскаго, И. Н. Жданова, Истрина, Шахматова и др. Въ конечномъ результатѣ этихъ изслѣдованій получается по вопросу объ отношеніи Палеи къ Начальной

1) Разысканія, с. 164—167.

2) Сочиненія Н. С. Тихонравова. Т. I. 1898, с. 156—170, примѣч. с. 13—14. 110—122.

Лѣтописи два совершенно противоположныхъ мнѣнія, изъ которыхъ представителемъ одного является А. А. Шахматовъ, другого — В. М. Истринь. Шахматовъ въ общемъ поддерживаетъ традицію, идущую отъ Сухомлинова, т. е. признаетъ возможнымъ заимствование Начальной Лѣтописи изъ Палеи (т. наз. Толковой Палеи, въ отличіе отъ Исторической), но степень этого заимствования, а равно и исторію возникновенія этой Толковой Палеи, которую онъ считаетъ памятникомъ древне-болгарской литературы, Шахматовъ представляетъ совершенно иначе¹⁾, чѣмъ Сухомлиновъ. Истринь, напротивъ, держится²⁾ того мнѣнія, что Толковая Палея есть памятникъ русскаго происхожденія, возникшій въ XIII в. на сѣверо-востокъ Россіи, изъ чего, конечно, сама собою вытекаетъ невозможность заимствования изъ нея Древнѣйшей Лѣтописью какихъ-либо свѣдѣній и необходимость предполагать другой источникъ. П. А. Заболотскій, пользуясь отчасти новыми изслѣдованіями въ этой области и условно становясь на точку зрѣнія Сухомлиновской традиціи по данному вопросу, сводитъ возможность предположенія о заимствованіи изъ Толковой Палеи въ Лѣтопись къ слѣдующему перечню отдѣльныхъ мѣстъ послѣдней: 1) Сказаніе о столпотвореніи, 2) О вѣрѣ Бохмитской, 3) О твореніи міра и паденіи Сатанаила, 4) Объ убіеніи Авеля и погребеніи его, 5) Объ Авраамѣ и Аронѣ, 6) О Моисеѣ, 7) О вселенскихъ соборахъ и 8) О Петрѣ Гугнивомѣ³⁾. Сдѣлавъ сопоставленіе этихъ мѣстъ съ соответствующими мѣстами въ Толковой Палеѣ (изданной по Коломенскому списку 1406 года учениками Тихонравова: М. 1892), авторъ приходитъ къ такимъ выводамъ: „ни одно изъ разсмотрѣнныхъ лѣтописныхъ сказаній не заставляетъ съ логической необходимостью выводить его непременно изъ Палеи; цѣлый рядъ лѣтописныхъ сказаній, признаваемыхъ обыкновенно за заимствования изъ Палеи, отнюдь не допускаетъ такого заключенія при болѣе основательномъ сличеніи параллельныхъ свидѣтельствъ Лѣтописи и Палеи; значительная часть разсмотрѣнныхъ сказаній заставляетъ заключать объ общемъ или общихъ для Лѣтописи и Палеи, но неизвѣстныхъ еще источникахъ“, при чемъ „въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно опредѣленіе характера этихъ неизвѣстныхъ источниковъ“ въ видѣ легендарно-апокрифическихъ или полемическихъ произведеній⁴⁾. Такимъ образомъ, при новыхъ изслѣдованіяхъ какъ надъ Толковой Палеей, такъ и надъ Начальной Лѣтописью, оказывается, что и эта часть Сухомлиновской традиціи утрачиваетъ подъ собою твердую почву — даже въ той въ высшей степени осторожной формулировкѣ, въ какой она была первоначально

1) Толковая Палея и русская Лѣтопись. Спб. 1904.

2) Замѣчанія о составѣ Толковой Палеи. Вып. I—II. Спб. 1897—98. Изслѣдованія въ области древне-русской литературы. Спб. 1906.

3) Къ вопросу объ иноземныхъ письменныхъ источникахъ Начальной Лѣтописи. Варшава, 1901, с. 8.

4) Стр. 18.

выражена; окончательнаго разрѣшенія этого вопроса, поскольку оно окажется вообще возможнымъ, приходится ожидать отъ дальнѣйшихъ разысканій въ этой области.

По вопросу о Символѣ вѣры, преподанномъ в. кн. Владиміру при крещеніи (въ Лѣтописи подъ 988 годомъ), Сухомлиновъ выразился совершенно опредѣленно въ смыслѣ сокращеннаго заимствованія его изъ „Исповѣданія вѣры“ Михаила-Синкелла (этотъ Михаилъ былъ „синкелломъ“, т. е. состоялъ въ одной изъ церковныхъ должностей при Іерусалимскомъ патріархѣ Ѳомѣ), при чемъ въ качествѣ посредника этого заимствованія указалъ на славянскій текстъ Исповѣданія въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 года. Это положеніе въ общемъ остается пріемлемымъ и въ настоящее время — съ той поправкой, что, въ виду имѣющихся разногласій между лѣтописнымъ текстомъ Символа вѣры и Исповѣданіемъ Михаила-Синкелла въ Святославовомъ Сборникѣ, приходится предполагать пользованіе со стороны лѣтописца другимъ какимъ-либо текстомъ, намъ пока неизвѣстнымъ ¹⁾.

Въ достаточной степени устойчивымъ оказывается и указаніе Сухомлинова на Хронику Георгія Амартола (IX в.), какъ на источникъ свѣдѣній лѣтописца относительно событій изъ всеобщей исторіи (на начальныхъ страницахъ Лѣтописи, затѣмъ подъ 912 годомъ), причемъ самъ лѣтописецъ однажды ссылается: „глаголетъ Георгій въ лѣтописаньи“ ²⁾. Вопросъ о самой хроникѣ Георгія Амартола, этомъ чрезвычайно важномъ историческомъ памятникѣ славянской переводной литературы, представляется въ настоящее время мало выясненнымъ, и, несмотря на цѣнныя указанія В. М. Истрина ³⁾, мы очень мало знаемъ какъ разъ о той стадіи въ исторіи этого памятника на славянской почвѣ, когда имъ могъ пользоваться нашъ лѣтописецъ.

На Мееодію Патарскаго, какъ на литературный источникъ, мы имѣемъ также ссылку со стороны самого лѣтописца подъ 1096 годомъ, гдѣ онъ рассказываетъ о „безбожныхъ сынахъ Измаиловыхъ“ и о томъ, что ихъ потомки, будучи „заклѣплены въ горѣ“ Александромъ Македонскимъ, выйдутъ оттуда „къ кончинѣ вѣка“. Дѣйствительно, въ числѣ произведеній, приписываемыхъ византійскому писателю III—IV в. Мееодію Патарскому, есть одно, называемое въ славянскихъ переводахъ „Слово о царствіи

1) Заболотскій, с. 25—30. П. Г. Потаповъ, держащійся въ деталяхъ нѣсколько иного взгляда на отношеніе и литературное происхожденіе текстовъ Символа вѣры въ Исповѣданіи, Святославовомъ Сборникѣ и Лѣтописи, высказываетъ предположеніе, что переводчикомъ Исповѣданія въ той его части, которая вошла въ Лѣтопись, могъ быть самъ авторъ лѣтописной компіляціи о крещеніи Владиміра: Къ вопросу о литературномъ составѣ Лѣтописи. Р. Ф. В. 1910, № 1, с. 13.

2) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, с. 13.

3) Ж. М. Н. Пр. 1902, № 8, с. 404—407; Изв. II Отд. А. Н., XV. 1910, кн. 2, с. 239—240.

языкъ послѣднихъ временъ“; „Указаніе истое о царехъ и о послѣднихъ лѣтѣхъ“ или просто извѣстное подъ именемъ „Откровенія“. Этому памятнику, имѣвшему весьма широкое распространеніе какъ въ греческомъ подлинникѣ и его передѣлкахъ, такъ въ латинскихъ и славянскихъ переводахъ разныхъ редакцій, посвящено специальное изслѣдованіе В. М. Истрина¹⁾. По мнѣнію этого автора, переводъ „Откровенія“ перенесенъ былъ на Русь „во всякомъ случаѣ до XII вѣка“²⁾, т. е., надо полагать, въ XI вѣкѣ. Уже Сухомлиновъ отмѣтилъ два „разряда списковъ“ славянскаго перевода „Откровенія“ — одинъ болѣе близкій къ греческому подлиннику и другой болѣе отъ него отдаленный, причѣмъ лѣтописный текстъ онъ поставилъ въ связь именно съ первымъ „разрядомъ списковъ“, между тѣмъ какъ послѣдующія изслѣдованія указываютъ на заимствованіе Начальной Лѣтописью изъ „Откровенія“ скорѣе по второй, нежели по первой редакціи³⁾, или же предполагаютъ существованіе особаго перевода, находившагося въ пользованіи лѣтописца⁴⁾.

Т. наз. „паннонскія житія“ Кирилла и Меѳодія, указанные Сухомлиновымъ въ качествѣ источника для начальнаго лѣтописца, послужили послѣднему для разсказа, подъ 898 годомъ, объ изобрѣтеніи Кирилломъ и Меѳодіемъ славянской азбуки и о совершенномъ ими переводѣ священныхъ книгъ на славянскій языкъ; при этомъ, самъ Сухомлиновъ прибавлялъ, что сходство лѣтописнаго повѣствованія съ житіями можетъ быть установлено лишь „въ общихъ чертахъ“, что „даетъ поводъ думать объ участіи другого какого-либо источника, доступнаго лѣтописцу“⁵⁾. Дѣйствительно, въ лѣтописномъ разсказѣ есть такіа отличія и прибавки (напр., въ разсказѣ о бесѣдѣ византійскаго императора съ однимъ изъ братьевъ-первоучителей; въ болѣе подробномъ, сравнительно съ житіями, перечнѣ переведенныхъ на славянскій языкъ книгъ), которыя заставили въ свое время Н. И. Костомарова признать, что разсказъ лѣтописца лишь „принадлежитъ къ паннонскому циклу“, заключаая въ себѣ „отличительныя подробности“, не вполне объясняемыя одними житіями; эту послѣднюю точку зрѣнія усваиваетъ и новѣйшая критика по данному вопросу⁶⁾. Въ результатъ — вопросъ остается не совсѣмъ выясненнымъ, однако же въ основной своей части прочно стоящимъ на точкѣ зрѣнія, установленной Сухомлиновымъ и другими изслѣдователями, напр. А. В. Горскимъ. Данное г. Потаповымъ объясненіе этого различія между лѣтописнымъ текстомъ и текстомъ паннонскихъ житій въ томъ смыслѣ, что „источникомъ для лѣтописнаго изложенія о дѣятельности Кирилла

1) Откровеніе Меѳодія Патарскаго и апокрифическія видѣнія Давида въ византійской и славяно-русской литературахъ. М. 1897.

2) Стр. 238—239.

3) Заболотскій, с. 19—21.

4) П. Потаповъ, назв. соч., Р. Ф. В. 1911, № 1, с. 81—110.

5) О древней русской лѣтописи, какъ памятникъ литературномъ, с. 72.

6) Заболотскій, с. 23.

и Меодія послужила извѣстная намъ редакція паннонскихъ житій, только не въ полномъ видѣ¹⁾, страдаетъ неопредѣленностью.

Наконецъ, неизбежнымъ остается и фактъ заимствования лѣтописцемъ свѣдѣній, помѣщенныхъ подъ 907, 912, 945 и 971 годами о договорахъ русскихъ князей Олега, Игоря и Святослава съ греками, на что еще ранѣе Сухомлинова было указано Н. А. Лавровскимъ (1853); но опредѣлить съ документальной точностью этотъ источникъ въ настоящее время не представляется пока возможнымъ, такъ какъ самыя тексты этихъ договоровъ остаются неотысканными.

Переходя къ вопросу о туземныхъ письменныхъ источникахъ, которыми пользовался начальный лѣтописецъ, внося ихъ въ составъ своего свода, мы вступаемъ на почву, представляющую также немало трудностей. Подъ этими туземными письменными источниками слѣдуетъ понимать отдѣльныя литературныя произведенія, возникшія ранѣе работы лѣтописца надъ даннымъ сводомъ и независимо отъ нея: таковы — сказанія или повѣсти²⁾, житія, поученія. Можно заранѣе сказать, что для разсматриваемаго времени количество ихъ не могло быть особенно велико, когда и вообще произведений письменности было немного. Одни изъ этихъ произведений извѣстны въ отдѣльномъ отъ лѣтописи видѣ, относительно другихъ этого сказать пока нельзя, и въ первомъ случаѣ, смотря по состоянію рукописнаго матеріала, можетъ быть сомнѣніе въ томъ, кто отъ кого заимствовалъ — лѣтописецъ отъ автора житія, сказанія и т. п. или наоборотъ, а во второмъ случаѣ и вообще, въ самомъ своемъ основаніи, вопросъ лишается необходимыхъ документальныхъ данныхъ для своего разрѣшенія; иногда представляется весьма труднымъ выдѣлить изъ состава лѣтописи такое произведение, отдѣльное существованіе котораго можно предположить, и которое однако же не представлено въ отдѣльномъ видѣ ни однимъ спискомъ.

Въ Сухомлиновскомъ перечнѣ туземныхъ источниковъ значатся четыре, какъ было выше указано: Житіе Владиміра, Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, Поученія Θεодосія и рассказъ Василия. Первые два — и есть тѣ

1) Назв. соч., Р. Ф. В. 1910, № 1, с. 18.

2) И. П. Хрущовъ въ своемъ сочиненіи „О древне-русскихъ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ XI—XII ст.“ (Кіевъ, 1878) пытается точно опредѣлить термины „сказанія“ и „повѣсти“: „Сказаніе отличается отъ повѣсти прежде всего правдивостью, близостью автора къ событію и отсутствіемъ того вдохновенія, которое необходимо для повѣсти . . . Мы усвоимъ произведеніямъ близкимъ по времени къ описываемымъ въ нихъ событіямъ названіе сказаній; названіемъ же повѣстей обозначимъ произведенія, писанныя съ цѣлю воскресить или прославить давно минувшее событіе“ (с. 10. 11). Мы, со своей стороны, считаемъ совершенно невыполнимымъ провести такую разницу на дѣлѣ, потому что относительно многихъ произведений этого рода весьма трудно было бы опредѣлить не только цѣль ихъ написанія и степень близости автора къ описываемому событію, но и мѣру его вдохновенія, не говоря уже объ условности этихъ признаковъ въ приложеніи къ данному вопросу.

произведенія, которыя связаны съ предположительнымъ авторствомъ Іакова-мниха; вопросъ о заимствованіи лѣтописцемъ изъ этихъ произведеній рѣшается въ настоящее время отрицательно и даже въ томъ смыслѣ, что, наоборотъ, самыя произведенія эти основаны на данныхъ лѣтописи и, б. м., другихъ источниковъ¹⁾; о далеко не полномъ совпаденіи лѣтописнаго текста съ текстомъ названныхъ произведеній уже отмѣчено было и Сухомлиновымъ²⁾. Что касается поученій Θεодосія, то въ Лѣтописи помѣщены (подъ 1068 и 1074 годами) отрывки изъ тѣхъ именно поученій игумена Θεодосія („о казняхъ божіихъ“ и др.), принадлежность которыхъ этому автору ставится новѣйшей критикой под сомнѣніемъ.

Разсказъ нѣкоего Василя, о которомъ имѣется догадка Шахматова, что онъ былъ монахъ Выдубицкаго монастыря, редактировавшій Начальный Кіевскій Сводъ³⁾, объ ослѣпленіи Теревольскаго князя Василя Ростиславича, помѣщенный въ Лѣтописи подъ 1097 годомъ (по Ипатскому списку, изд. 1871 года, с. 167—174), относится уже къ числу тѣхъ отдѣльныхъ и внесенныхъ въ лѣтопись сказаній свѣтскаго характера, число которыхъ въ настоящее время, послѣ Сухомлиновскаго перечня, можно значительно пополнить. Таковы: рядъ сказаній (подъ 1068, 1093 и 1096 годами) о нападеніи половцевъ на русскую землю, причемъ именно къ первому изъ нихъ и присоединено то приписываемое Θεодосію поученіе „о казняхъ божіихъ“, о которомъ было упомянуто выше; рядъ разсказовъ, подъ 1071 годомъ, о появленіи волхвовъ въ Кіевѣ, въ Ростовской землѣ и въ Чудской области; разсказъ новгородца Гюряты Роговича о Югрѣ (подъ 1096 годомъ) и др. Отношеніе этихъ сказаній къ Лѣтописи не всегда можетъ быть съ точностію опредѣлено: съ одной стороны, можетъ возникать сомнѣніе о томъ, не заимствовалъ ли составитель отдѣльнаго сказанія свой сюжетъ у болѣе ранняго составителя Лѣтописи, и, т. о., позднѣйшій лѣтописецъ могъ внести въ свой сводъ такую новую редакцію разсказа, которой первоначальный виль трудно и даже невозможно услѣдить по недостатку документальныхъ данныхъ, какъ это, быть можетъ, и имѣетъ мѣсто относительно разсказа Василя⁴⁾; съ другой стороны, нѣкоторые разсказы могли быть взяты лѣтописцемъ не изъ письменнаго источника, а изъ народныхъ устъ, какъ то, напр., можно думать относительно разсказовъ о волхвахъ.

На основаніи изслѣдованій Шахматова, въ число письменныхъ источниковъ Древнѣйшей Лѣтописи должны быть внесены и разсказы о крещеніи и кончинѣ Ольги⁵⁾, о походахъ Святослава⁶⁾, извѣстный разсказъ

1) А. А. Шахматовъ. Разысканія, с. 13—41.

2) Стр. 75—78.

3) Корсунская легенда о крещеніи Владиміра. Спб. 1906, с. 104.

4) Сухомлиновъ, назв. соч., с. 84.

5) Разысканія, с. 116—117.

6) Тамъ же, с. 120—124, при чемъ авторъ склоненъ видѣть тутъ литературные слѣды греческаго или болгарскаго происхожденія.

о крещеніи Владиміра (подъ 986—988 годами), который прежніе изслѣдователи, напр. Костомаровъ, склонны были выводить изъ области устнаго народнаго преданія. Шахматовъ выдѣляетъ изъ этого обширнаго повѣствованія лѣтописца двѣ части или два отдѣльныхъ разсказа: одинъ — о проповѣди греческаго миссіонера и объ испытаніи Владиміромъ разныхъ вѣръ, а другой — объ окончательной его рѣшимости креститься и о крещеніи въ Корсуни. Источникомъ перваго разсказа Шахматовъ считаетъ предполагаемое болгарское сказаніе о крещеніи болгарскаго царя Бориса-Михаила¹⁾; другой же разсказъ выводитъ изъ т. наз. житія Владиміра особаго состава, при чемъ оба эти источника должны были, въ рядѣ наслоеній лѣтописнаго текста, подвергнуться значительной переработкѣ. Если даже предполагаемые Шахматовымъ источники лѣтописнаго разсказа и не имѣютъ всей силы достовѣрности²⁾, однако, на основаніи представленнаго имъ анализа этого разсказа, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что источникъ его былъ именно письменный, а не устный.

О внесеніи въ Лѣтопись подъ 1096 годомъ „Поученія“ Владиміра Мономаха къ своимъ дѣтямъ и его посланія къ кн. Олегу Святославичу (Лаврентьевскій списокъ, с. 232—246) было уже говорено въ своемъ мѣстѣ (с. 13—14).

Наконецъ, къ числу письменныхъ источниковъ Древнѣйшей Лѣтописи могутъ быть отнесены и мѣстныя лѣтописи, возникавшія въ разныхъ мѣстныхъ центрахъ, имѣвшія небольшой объемъ и касавшіяся какой-либо специальной группы интересовъ. Такова была, напр., Печерская Лѣтопись, появившаяся въ нѣдрахъ Печерскаго монастыря и передававшая о событіяхъ начальной исторіи этой обители. Весьма вѣроятными остатками или частями этой лѣтописи, внесенными въ Древнѣйшую Лѣтопись слѣдуетъ признать свѣдѣнія о началѣ Печерскаго монастыря (подъ 1051 годомъ) и о перенесеніи мощей Θεодосія, съ приложеніемъ „похвалы“ лѣтописца этому святому (подъ 1091 годомъ). Отдѣльно отъ Начальнаго Свода эта лѣтопись до насъ не дошла, какъ не дошло, напр., и несомнѣнно существовавшее древнее житіе Антонія, основателя Кіево-Печерскаго монастыря, и потому мы не имѣемъ возможности точно судить о ея составѣ. Весьма правдоподобныя догадки по этому вопросу дѣлаетъ А. А. Шахматовъ³⁾, для котораго нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что упомянутые остатки Печерской лѣтописи, помѣщенные въ Начальномъ Сводѣ подъ 1051 и 1091 годами, принадлежатъ перу Нестора, автора „Житія“ Θεодосія Печерскаго и „Чтенія о Борисѣ и Глѣбѣ“⁴⁾, и весьма вѣроятнымъ

1) Одинъ изъ источниковъ лѣтописнаго сказанія о крещеніи Владиміра, въ „Сборникѣ въ честь М. С. Дринова“ (Харьковъ, 1904), с. 63—74.

2) Въ окончательномъ видѣ, съ нѣкоторыми частичными уклоненіями отъ ранѣе высказанныхъ предположеній, мнѣніе это изложено авторомъ въ „Разысканія“, с. 133—161.

3) Житіе Антонія и Печерская Лѣтопись. Ж. М. Н. Пр. 1898 № 3, с. 115—117.

4) Кіево-Печерскій Патерикъ и Печерская Лѣтопись. Изв. II Отд. Акад. Наукъ. П. 1897, кн. 3, с. 824—826.

представляется старое мнѣніе Костомарова о томъ, что и вообще авторомъ Печерской лѣтописи былъ никто иной, какъ Несторъ. Быть можетъ, именно этимъ отношеніемъ Нестора къ Печерской лѣтописи опредѣляется и традиціонное обозначеніе Повѣсти временныхъ лѣтъ „Несторовой лѣтописью“, тогда какъ дѣйствительнымъ составителемъ этого свода скорѣе всего могъ быть игумень Сильвестръ¹⁾. Разсматривая этотъ вопросъ изъ исторіи нашей Начальной Лѣтописи, Шахматовъ приходитъ къ такимъ заключеніямъ: „Въ послѣдней четверти XI столѣтія было составлено обширное Житіе Антонія, гдѣ рассказывалось о первыхъ подвижникахъ печерскихъ, объ устроении Антоніемъ Печерскаго монастыря и объ основаніи церкви Святой Богородицы. Въ концѣ XI ст. Несторъ, авторъ Житія Θεодосія, составилъ двѣ статьи, относящіяся до исторіи Печерскаго монастыря: „Сказаніе, что ради прозвася Печерскій монастырь“ и рассказъ о перенесеніи мошей Θεодосія, къ которому онъ присоединилъ краткую похвалу святому подвижнику. Въ началѣ XII ст. неизвѣстный намъ по имени монахъ собралъ письменныя свидѣтельства и устныя преданія, относящіяся до Печерскаго монастыря, и, помѣстивъ ихъ въ задуманную имъ монастырскую лѣтопись, продолжилъ ее цѣлымъ рядомъ погодныхъ записей; послѣдняя запись была сдѣлана въ 1110 году; между прочимъ, въ Печерскую Лѣтопись вошли названныя сочиненія Нестора и многія заимствованія изъ Житія Антонія; нерѣдкое упоминаніе имени Нестора, какъ автора, на страницахъ Печерской Лѣтописи, легло въ основаніе преданія о томъ, что вся Лѣтопись написана Несторомъ. . . . Игумень Михайловскаго монастыря Сильвестръ пользовался этою Лѣтописью въ числѣ другихъ письменныхъ источниковъ, которыми онъ продолжилъ и дополнилъ лѣтописный сводъ, составленный еще до него въ послѣдней четверти XI столѣтія“²⁾.

3. Переходя теперь къ вопросу о народныхъ преданіяхъ Древнѣйшей Лѣтописи, включенныхъ въ нее изъ устнаго источника, мы вступаемъ въ область, еще мало разработанную ученой критикой. Кромѣ того, самъ по себѣ вопросъ этотъ представляетъ большія трудности. Въ самомъ дѣлѣ, какой критерій имѣемъ мы для того, чтобы съ большей или меньшей увѣренностью выдѣлить изъ лѣтописнаго текста подлинный элементъ т. наз. „народнаго преданія“? Когда рѣчь идетъ о выдѣленіи изъ состава лѣтописи письменныхъ источниковъ — иноземнаго или русскаго происхожденія, — то вопросъ для изслѣдователя сводится къ тому, чтобы или отыскать документальное доказательство независимаго отъ лѣтописи существованія того или другого памятника, внесеннаго въ лѣтопись, или — если это оказывается невозможнымъ по наличности имѣющихся данныхъ — привести теоретическіе доводы въ пользу того, что извѣстныя мѣста лѣтописнаго повѣствованія не могли быть продуктомъ самостоя-

1) Ср. у Шахматова: Ж. М. Н. Пр. 1898 № 3, с. 145.

2) Тамъ же, с. 148.

тельного авторскаго творчества лѣтописца; при этомъ еще нерѣдко могло возникать сомнѣніе въ томъ, не составляетъ ли предполагаемое заимствованное мѣсто результатъ знакомства лѣтописца съ какой-либо народной легендой, заимствованной имъ путемъ устной передачи. Это послѣднее затрудненіе цѣликомъ переходитъ и въ поставленный теперь общій вопросъ о заимствованіяхъ въ лѣтописи изъ народнаго преданія. Затѣмъ: что собственно нужно разумѣть подъ народнымъ преданіемъ, какъ особымъ литературнымъ элементомъ, въ отличіе отъ источника письменнаго? Фантастичность содержанія? Но этой особенностью, съ одной стороны, могло отличаться и всякое произведеніе, дошедшее до насъ въ письменномъ видѣ, а съ другой — и подлинное народное преданіе могло включать въ себя реальныя и историческія черты. Поэтичность формы и языкъ, близкій къ живому, народному употребленію? Однако и тутъ остается мѣсто для самыхъ произвольныхъ предположеній и заключеній. Отрицательный признакъ, т. е. отсутствіе письменной записи, также не можетъ имѣть большого значенія: если мы не имѣемъ записи, т. е. отдѣльнаго текста извѣстнаго произведенія, это еще не значитъ, что ея вообще не было. Наконецъ, развѣ подлинное народное преданіе, будучи облечено кѣмъ-либо въ литературную форму и затѣмъ внесенное въ лѣтопись (конечно, эти случаи могли быть въ старину очень рѣдки), перестаетъ отъ этого оставаться тѣмъ же народнымъ преданіемъ, т. е. непосредственнымъ продуктомъ народной фантазіи, и переходить уже въ область письменныхъ источниковъ, наряду съ житіями, поученіями, посланіями и т. п.? Могутъ сказать: народное преданіе лѣтописи — это то, что недостоверно выдуманно, не составляетъ историческаго факта. Но, какъ извѣстно, въ лѣтописи очень многое не можетъ быть подтверждено другими самостоятельными источниками или отвергнуто такими теоретическими соображеніями, которыя бы не оставляли послѣ себя никакого сомнѣнія.

Итакъ, мы должны признать, что въ этомъ вопросѣ мы стоимъ на весьма шаткой почвѣ и нерѣдко вынуждены довольствоваться одними предположеніями и догадками.

Сухомлиновъ, въ своемъ упомянутомъ уже не разъ трудѣ о Лѣтописи (1856), совсѣмъ обошелъ вопросъ о народныхъ преданіяхъ. Когда ему сдѣланы были съ разныхъ сторонъ упреки по поводу этого упущенія (напр., Буслевымъ въ ст. „О народности въ древне-русской литературѣ и въ искусствѣ“, въ Русскомъ Вѣстникѣ 1857, № 15), то онъ отвѣтилъ на это дополнительной къ своему изслѣдованію статьей „О преданіяхъ въ древней русской лѣтописи“, напечатанной въ „Основѣ“ 1861 № 6. Но болѣе цѣльное обозрѣніе этого матеріала дано было Н. И. Костомаровымъ въ его работѣ „Преданія первоначальной русской лѣтописи въ соображеніи съ русскими народными преданіями въ пѣсняхъ, сказкахъ и обычаяхъ“, въ Вѣстникѣ Европы 1873, №№ 1—3 (перепечатано потомъ въ XIII томѣ его „Монографій“). Тутъ авторъ указываетъ, въ длинномъ перечнѣ, огромную массу народно-легендарнаго

матеріала, внесеннаго лѣтописцемъ въ свой трудъ, по мнѣнію историка, изъ устнаго источника. Въ настоящее время ученая критика внесла уже кое-какія исправленія въ этотъ перечень, указавши относительно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ преданій (напр. о призваніи варяговъ, объ Олегѣ, о крещеніи Владиміра и пр.) наличность или значительную вѣроятность существованія письменныхъ источниковъ, которыми могъ пользоваться лѣтописецъ.

Остановимся на нѣкоторыхъ изъ этихъ преданій.

На первыхъ страницахъ Лѣтописи, еще до введенія событій въ хронологическія рамки (по Лаврентьевскому списку, с. 7—8), помѣщенъ рассказъ о посѣщеніи Руси апостоломъ Андреемъ. Ап. Андрей, проповѣдывавшій евангеліе по берегамъ Чернаго моря, пришелъ однажды изъ Синопа въ Корсунъ и здѣсь узналъ, что недалеко находится устье Днѣпра. Эту дорогу по Днѣпру избралъ онъ для своего путешествія въ Римъ. Поднявшись по Днѣпру нѣсколько вверхъ, апостоль однажды остановился для ночлега у берега подъ горами: это были тѣ самыя горы, на которыхъ потомъ былъ построенъ Кіевъ. Утромъ апостоль показалъ ученикамъ на эти горы и высказалъ пророчество, что на нихъ нѣкогда будетъ построенъ великій городъ и многія церкви; затѣмъ онъ благословилъ эти горы и поставилъ на нихъ крестъ. Идя далѣе, ап. Андрей пришелъ въ Новгородъ, гдѣ увидалъ странный обычай жителей — мыться и париться въ баняхъ. Затѣмъ онъ пошелъ къ варягамъ и, наконецъ, прибылъ въ Римъ, гдѣ, между прочимъ, рассказывалъ о видѣнномъ имъ въ Новгородѣ, въ землѣ славянской, и римляне, слушая этотъ рассказъ, дивились, а апостоль, побывъ въ Римѣ, снова вернулся въ Синопъ. — Народнымъ преданіемъ въ этомъ рассказѣ отзываются не только крайне случайныя географическія представленія, въ силу которыхъ ап. Андрею приходится идти отъ Чернаго моря въ Римъ черезъ Новгородъ, но въ особенности тотъ шуточный и даже сатирический характеръ повѣствованія, въ духѣ котораго ап. Андрей рассказываетъ въ Римѣ о новгородскихъ баняхъ. Эти легендарныя подробности отражаютъ собою соперническія отношенія между областями, которыя, подобно нашему времени, существовали и въ древности и заставляли жителей одной области подсмѣиваться надъ обычаями другой. Конечно, редакція этого рассказа, помѣщенная въ Лѣтописи, имѣетъ южно-русское, кіевское происхожденіе; сѣверно-русскій Новгородъ подвергнуть въ ней осмѣянію; но въ позднѣйшее время, выходящее уже за предѣлы работъ надъ Начальной Лѣтописью, возникла и новгородская версія этого сказанія, въ которой умалчивается о баняхъ, вызвавшихъ насмѣшливое удивленіе римскихъ собесѣдниковъ ап. Андрея, и сообщается о томъ, что этотъ апостоль проповѣдывалъ въ Новгородской области слово Божіе и оставилъ тамъ на благословеніе свой жезлъ. Въ той и другой редакціи, конечно, совершенно ясна тенденція возвеличить то Кіевъ, то Новгородъ внесеніемъ въ ихъ древнѣйшую исторію имени апостола Андрея. Голубинскій полагаетъ, что нѣкоторымъ поводомъ къ возникновенію легенды могли служить греческія сказанія объ апостолѣ Андрѣѣ, что ему

досталось въ удѣлѣ проповѣдывать христіанство въ Скиѣи, территорія которой совпадала съ мѣстомъ значительной части славянскихъ поселеній въ древности ¹⁾. Интересно отмѣтить, что разсказъ этотъ удерживалъ свой авторитетъ достовѣрности въ глазахъ гораздо болѣе позднихъ поколѣній; именно, царь Иванъ Грозный, въ своей бесѣдѣ съ извѣстнымъ Антоніемъ Поссевиномъ въ XVI в., а затѣмъ Арсеній Сухановъ въ бесѣдахъ съ греками въ XVII в. указывали на преданіе объ Андрѣ, какъ на доказательство, что русскіе приняли христіанство не отъ грековъ, а изъ гораздо болѣе отдаленнаго и авторитетнаго источника. Что касается самаго разсказа, внесеннаго въ Начальную Лѣтопись, то Голубинскій, считая болѣе вѣроятнымъ этотъ разсказъ за „произведеніе общенароднаго творчества“, не отвергаетъ также возможности и книжнаго его происхожденія ²⁾.

Послѣ разсказа объ апостолѣ Андрѣ, въ Лѣтописи помѣщенъ (по Лавр. сп., с. 8—9) разсказъ о трехъ братьяхъ Кій, Щекѣ и Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбеди. Каждый братъ жилъ на особой горѣ; всѣ они вмѣстѣ основали городъ, которому, въ честь старшаго брата, дали имя Кіевъ. Далѣе, лѣтописецъ входитъ въ критику одной подробности слышаннаго имъ преданія: „ини же, не свѣдуше, рекоша, яко Кій есть перевозникъ былъ“; на это лѣтописецъ возражаетъ: „аще бо бы перевозникъ Кій, то не бы ходилъ Царюгороду, но се Кій княжаше въ родѣ своемъ“, и затѣмъ, въ подтвержденіе царскаго сана Кія, лѣтописецъ передаетъ, что Кій былъ у византійскаго императора, принялъ отъ него „велику честь“ и на возвратномъ пути хотѣлъ основать городокъ при Дунаѣ, чтобы тутъ „сѣсти съ родомъ своимъ“, но это не дали ему исполнить „близъ живущи“; тогда онъ вернулся въ свой родной Кіевъ, гдѣ и скончался; тамъ же скончались его сестра и братья. — Это сказаніе о трехъ братьяхъ-родоначальникахъ носитъ на себѣ типическія черты народной легенды. Относительно такихъ родоначальниковъ имѣются свѣдѣнія и у другихъ славянскихъ народовъ: сербовъ, чеховъ, поляковъ; они возникаютъ и въ болѣе позднее время, напр., городъ Харьковъ будто бы получилъ свое названіе отъ нѣкоего казака Харько, перваго его основателя. Насколько въ преданіи о трехъ братьяхъ и сестрѣ ихъ есть элементъ историческій, сказать трудно; Костомаровъ допускалъ, что Кій былъ лицо дѣйствительно существовавшее, а его братья и сестра являются лишь плодомъ народной фантазіи ³⁾. Въ народномъ эпосѣ отъ всѣхъ этихъ лицъ осталось лишь имя сестры Лыбеди, въ поэтическомъ образѣ „бѣлой лебеди“ ⁴⁾.

Подъ 862 годомъ помѣщенъ разсказъ о призваніи варяговъ, составляющей отправную точку нашей гражданской исторіи. Подобно повѣсти объ апостолѣ Андрѣ, составляющей, т. ск., начало нашей церковной исто-

1) Исторія русской церкви. Т. I, перв. пол., 2 изд., с. 21—22.

2) Тамъ же, с. 19.

3) Историческія монографіи, XIII, с. 40.

4) М. Халанскій. Къ исторіи поэтическихъ сказаній объ Олгѣ Вѣщемъ. Ж. М. Н. Пр. 1902 № 8, с. 295.

ри, рассказъ этотъ носитъ на себѣ несомнѣнныя черты легенды — если не въ цѣломъ, то въ частностяхъ. Это сказаніе подѣ перомъ лѣтописцевъ-редакторовъ потерпѣло рядъ измѣненій, и Шахматовъ, которому принадлежитъ специальное изслѣдованіе этого вопроса, устанавливаетъ три версіи сказанія. Первая имѣла мѣсто въ Начальномъ Сводѣ; она возникла въ Новгородѣ и рассказываетъ о томъ, какъ новгородскіе Словѣне, Кривичи и Меря, платившіе варягамъ дань, сбросили это иго общими силами, но когда стали жить самостоятельно, то перессорились между собою и рѣшили снова обратиться къ варягамъ, чтобы просить ихъ придти и править ими; тогда къ нимъ явились три варяжскихъ брата-князя, съ родственниками и дружиной, и разсѣлись Рюрикъ въ Новгородѣ, Синѣусъ на Бѣлоозерѣ, а Труворъ въ Изборскѣ; по смерти двухъ послѣднихъ, Рюрикъ сдѣлался единственнымъ правителемъ. Вторая версія сказанія, помѣщенная въ первой редакціи „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, отличается отъ первой главнымъ образомъ тѣмъ, что тутъ варяги отождествлены съ Русью; въ этомъ, по мнѣнію Шахматова, сказалось южное происхожденіе второй версіи: „составитель южной версіи руководствовался при этомъ, конечно, мѣстнымъ народнымъ преданіемъ, которое помнило не только объ иноземномъ варяжскомъ происхожденіи княжескаго дома и княжескихъ дружинниковъ, но также объ иноземномъ, варяжскомъ происхожденіи самаго имени Русь“. Третья версія занесена во вторую редакцію „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ и имѣетъ ту особенность, что по ней князья-братья прежде всего строятъ вмѣстѣ Ладогу, въ которой поселяется старшій братъ Рюрикъ; по смерти своихъ братьевъ онъ отправляется къ озеру Ильмену и адѣсь, надъ Волховомъ, основываетъ Новгородъ. Такъ какъ вторая редакція „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ составлена также на югѣ, то новую версію въ ней сказанія о призваніи князей Шахматовъ объясняетъ тѣмъ, что составитель этой редакціи „въ 1114 году посѣтилъ Новгородскій сѣверъ и былъ даже въ Ладогѣ, гдѣ слышалъ изъ устъ посадника Павла и другихъ ладожанъ рядъ интересныхъ рассказовъ; среди нихъ могли быть и историческія преданія объ основаніи Ладоги и народныя сказанія, противопоставившія древность забытой Ладоги славѣ Великаго Новгорода“¹⁾. Шахматовъ признаетъ во всѣхъ этихъ версіяхъ также участіе и домысла „позднѣйшихъ книжниковъ“, имѣвшихъ на то свои опредѣленныя цѣли, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ дальнѣйшихъ версіяхъ сказанія, послѣ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, продолжало жить и развиваться вокругъ того же сюжета и народное преданіе²⁾, несомнѣнно составляющее главную основу всего сказанія.

На дальнѣйшихъ народныхъ преданіяхъ, внесенныхъ въ Лѣтопись мы останавливаться не станемъ, ограничиваясь простымъ перечнемъ главнѣйшихъ изъ нихъ. Подѣ 882—885, 907 и 912 годами помѣщена группа

1) Сказаніе о призваніи варяговъ, с. 50—52.

2) Тамъ же. с. 53.

преданій объ „Олегѣ-вѣщемъ“: подчиненіе Олегу славяно-русскихъ племенъ (кривичей, древлянъ, сѣверянъ, радимичей), походъ на Византію и смерть Олега. Подъ 941 и 944 годами — о двухъ походахъ Игоря противъ грековъ. Подъ 945 и 946 годами — о смерти Игоря и о мести за эту смерть со стороны Ольги. Подъ 955 годомъ — о путешествіи Ольги въ Царьградъ. Подъ 968, 971 и 972 годами имѣется группа рассказовъ о Святославѣ: несчастіе съ Киевомъ въ его отсутствіе, походъ Святослава на грековъ и смерть Святослава. Подъ 985, 992 и 997 годами — о вел. кн. Владимірѣ: походъ на болгаръ, война съ печенѣгами и осада печенѣгами Бѣлгорода въ отсутствіе князя Владиміра. Конечно, нельзя утверждать съ полной увѣренностью, чтобы подъ нѣкоторыми изъ этихъ рассказовъ или отдѣльными частями ихъ не могли лежать какіе-либо письменные источники, въ той или иной формѣ сдѣлавшіеся доступными лѣтописцу, но общій характеръ этихъ рассказовъ и нѣкоторыя параллели къ нимъ изъ области народнаго творчества ¹⁾ говорятъ также и за народно-легендарное ихъ происхожденіе.

Характерныя черты лѣтописца и его изложенія. Наконецъ, мы должны теперь нѣсколько остановиться на тѣхъ литературныхъ элементахъ, которые въ большей или меньшей степени принадлежать самому составителю Начальной Лѣтописи и могутъ служить для характеристики его писательской индивидуальности или вообще его литературныхъ приемовъ. Въ данномъ случаѣ мы будемъ имѣть въ виду опять-таки „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ по Лаврентьевскому списку и не должны упускать изъ виду, что характеристика лѣтописца на основаніи этого матеріала по необходимости должна быть въ извѣстномъ смыслѣ условной, такъ какъ является совершенно неосуществимымъ желательное для нашей цѣли выдѣленіе изъ „Повѣсти“ самага текста, т. е. литературной формы, Начальной Лѣтописи.

Главнѣйшій предметъ вниманія лѣтописца составляетъ русская земля. Правда, на первыхъ страницахъ „Повѣсти“ имѣются общія свѣдѣнія о размещеніи племенъ, начиная съ потомковъ Ноя, и затѣмъ переданы нѣкоторыя событія изъ византійской исторіи, но это является лишь подражаніемъ приемамъ византійской хронографіи, и въ дальнѣйшемъ изложеніи лѣтописца ссылка даже на отдѣльныя событія иноземной исторіи является рѣдкимъ исключеніемъ. Сосредоточившись на событіяхъ русской исторіи, лѣтописецъ всего болѣе упоминаетъ о событіяхъ т. ск. внѣшняго характера — государственныхъ, общественныхъ, административныхъ; онъ рассказываетъ о походахъ князей въ чужія земли, объ ихъ междоусобныхъ войнахъ, о нашествіяхъ на русскую землю иноземцевъ — по преимуществу печенѣговъ и половцевъ; затѣмъ, онъ немало вниманія удѣляетъ построенію церквей и монастырей, рассказываетъ о поставленіи митрополитовъ, епископовъ, игуменовъ; упоминаетъ о стараніяхъ духовной и свѣтской власти насадить просвѣщеніе, умножить количество книгъ.

1) Костомаровъ. Историческія монографіи, XIII, с. 66—207.

О жизни внутренней, о нравах и обычаях лѣтописецъ говоритъ гораздо рѣже, хотя и тутъ у него встрѣчаются весьма цѣнныя указанія, напр. о появленіи волхвовъ въ разныхъ мѣстахъ, о совершеніи браковъ у древлянъ, полянъ, сѣверянъ. Далѣе, есть упоминанія о явленіяхъ природы, но природа интересуетъ лѣтописца не съ эстетической и даже не съ экономической стороны, а лишь съ нравственно-религіозной: онъ ставитъ ее въ связь съ духовнымъ міромъ человѣка и видитъ въ ней орудіе пророческихъ указаній высшей силы. Внутренній міръ человѣка интересуетъ лѣтописца не столько отвлеченно, сколько для характеристики или опредѣленія понятій и взглядовъ отдѣльныхъ личностей, цѣлыхъ группъ, сословій; основа этихъ воззрѣній лѣтописца зиждется на его христіанскихъ вѣрованіяхъ, съ точки зрѣнія которыхъ онъ нерѣдко говоритъ о слабости народной массы къ суевѣріямъ, хотя въ то же время и самъ онъ, очевидно, не свободенъ отъ подобныхъ суевѣрій.

Лѣтописецъ ведетъ свой рассказъ въ хронологической послѣдовательности происходившихъ событій: онъ излагаетъ событія по годамъ, а имѣвшія мѣсто въ одинъ годъ — по мѣсяцамъ; если событіе продолжалось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, то рассказъ о немъ нерѣдко разрывается на части, которыя и помѣщаются подъ соответствующими годами. Однако у лѣтописца есть стремленіе къ установленію нѣкоторой связи событій, и потому, сознавая неудобства хронологическаго изложенія, онъ старается восполнить въ извѣстныхъ случаяхъ нарушеніе такой связи стилистическими вставками внѣшняго характера: онъ соединяетъ посторонній эпизодъ съ продолжающимся, на время прерваннымъ повѣствованіемъ такими словами: „но мы на предняя возвратимся, яко же бяхомъ прежде глаголали“, „мы же на подлежащее возвратимся“, „скажемъ же“, „и се да скажемъ“, „се же хочу сказати“ и т. п.

Но, при всемъ преобладаніи хронологическаго порядка, лѣтопись наша вовсе не можетъ быть почтена произведеніемъ исключительно формальнымъ, сухимъ, лишеннымъ живости и извѣстнаго настроенія. Конечно, у лѣтописца нѣтъ сколько-нибудь широкихъ обобщеній или указаній на внутреннюю причинную связь событій, но онъ не упускаетъ случаевъ высказывать свое мнѣніе объ отдѣльныхъ событіяхъ, свою оцѣнку извѣстныхъ лицъ или свои чувства по тому или иному поводу. Онъ, напр., не разъ высказываетъ мысль о томъ, что походы, предпринимаемые князьями за предѣлы русской земли или въ ея предѣлахъ, достойны порицанія, такъ какъ въ основѣ ихъ часто лежитъ властолюбіе или чрезмѣрная жажда добычи. По взгляду лѣтописца, Богъ является высшей и первоначальной причиной всѣхъ человѣческихъ дѣйствій. Онъ влагаетъ въ умы князей „мысль добру“ на совершеніе доблестныхъ дѣлъ — защиту родины, поставленіе достойнаго іерарха; онъ поражаетъ страхомъ сердца „невѣрныхъ“, враждующихъ съ русскими, и содѣйствуетъ т. о. ихъ пораженію; онъ же, желая отворотить христіанъ отъ злыхъ дѣлъ и направить ихъ къ спасительному покаянію, посылаетъ на русскую землю различныя бѣдствія.

Съ другой стороны, всё дурные помыслы являются по навѣту дьявола, который завидуетъ благополучію добраго христіанина и является постояннымъ врагомъ его будущаго спасенія; но вліяніе дьявола простирается на человѣка лишь постольку, поскольку онъ обнаруживаетъ шаткость въ вѣрѣ, и на людей твердо вѣрующихъ дьяволъ подѣйствовать не можетъ. Какъ внушенія Бога являются черезъ посредство добрыхъ людей съ ихъ хорошими совѣтами, такъ козни дьявола находятъ себѣ путь въ формѣ совѣтовъ людей злыхъ. Однако, при всемъ своемъ вліяніи на людей, дьяволъ не знаетъ человѣческихъ помышлений, которыя извѣстны одному Богу. Ближайшее участіе божественнаго Промысла лѣтописецъ не ограничиваетъ сферою человѣческихъ дѣйствій, но простираетъ его и на явленія природы: тамъ также нѣтъ случайностей, какъ нѣтъ ихъ и въ дѣлахъ людскихъ. Поэтому, разныя необыкновенныя явленія природы — солнечное и лунное затмѣнія, появленіе кометъ, чрезмѣрно обильные дожди или засухи и т. д. — получаютъ въ глазахъ лѣтописца особый пророческій смыслъ, являются знаменіями: „знаменья бо бывають ова на зло, ова ли на добро“ (по Лавр. сп., с. 266). Иногда рядомъ съ предсказаніемъ помѣщается и фактъ самаго его исполненія; такъ, подъ 1063 годомъ читаемъ: „в се же лѣто Новѣгородѣ иде Волховъ вспять дний 5, се же знаменье не добро бысть, на 4-е бо лѣто пожже Всеславъ градъ“ (с. 159). Такого рода взглядъ на явленія природы раздѣляли въ то время люди всѣхъ сословій и разныхъ степеней образованія. Однако не всѣмъ формамъ суевѣрій касательно природы давалъ лѣтописецъ цѣну истины или достовѣрности: напр., подъ 1064 годомъ онъ сообщаетъ, что народъ объяснялъ солнечныя затмѣнія тѣмъ, будто солнце съѣдено, но лѣтописецъ отвергаетъ такую выдумку, называя повторяющихъ ее „невѣгласи“ (с. 160). Въ общемъ же, знаменія природы являются, по представленію лѣтописца, скорѣе на зло, нежели на добро. Эта вѣра въ знаменія и пророчества, вытекавшая изъ желанія найти смыслъ и усмотрѣть цѣлесообразность въ отношеніяхъ физическаго и духовнаго міра, иногда заставляла лѣтописца придавать вѣру даже предсказаніямъ волхвовъ: по крайней мѣрѣ, онъ съ удивленіемъ признаетъ дѣйствительность чародѣйства по поводу предсказанія волхва о смерти Олега, и въ доказательство этой дѣйствительности чародѣяній приводитъ изъ Георгія Амартола свѣдѣнія о волхвѣ Аполлоніи Тіанскомъ (подъ 912 годомъ, с. 38—40). Въ разсказѣ о волхвахъ подъ 1071 годомъ, приведя разговоръ новгородца съ кудесникомъ объ ихъ богахъ, лѣтописецъ замѣчаетъ, что — такова бѣсовская сила: ею прельщаются некрѣпкіе въ вѣрѣ, а въ особенности падки на волхвованіе женщины, такъ какъ издавна бѣсъ прельстилъ жену, а она мужа (с. 175). Пытливая любознательность лѣтописца, сказавшаяся въ подобнаго рода объясненіяхъ, составляетъ вообще одну изъ характерныхъ его особенностей; онъ старается по возможности все уяснить и привести къ пониманію. Таковы, напр., его объясненія названій славянскихъ племенъ, расселившихся по восточно-европейской равнинѣ: Бужане названы такъ

„зане сѣдоша по Бугу“; Древляне — „зане сѣдоша въ лѣсѣхъ“; Поляне — „зане же въ полѣ сѣдаху“; другіе, какъ Радимичи и Вятичи, назвались такъ по имени своихъ родоначальниковъ Радима и Вятко; городъ Переяславль названъ такъ потому, что на мѣстѣ его нѣкогда русскій силачъ „перее славу“ у печенѣжскаго исполина въ единоборствѣ (с. 121). Одной изъ замѣчательныхъ общихъ идей, вложенныхъ лѣтописцемъ въ свое повѣствованіе, является идея о славянскомъ единствѣ, — тѣмъ болѣе достойная вниманія для начала XII вѣка, что именно въ это время современное политическое положеніе славянства, находившагося въ разбродѣ и поработеніи, далеко ея не поддерживало: это совершенно справедливо отмѣчаетъ В. О. Ключевскій).

Вмѣстѣ съ сужденіями лѣтописца, являющимися плодомъ его мысли, мы встрѣчаемся въ Лѣтописи и съ выраженными имъ чувствами — радостными и печальными, сообразно поводамъ, по которымъ они высказаны. Такъ, онъ высказываетъ чувство участія и душевнаго умиленія по отношенію къ княгинѣ Ольгѣ, которая, сдѣлавшись христіанкой, первая изъ русскихъ вошла въ царствіе Божіе: „Си бысть предътекущая крестьянстѣи земли аки деньница предъ солнцемъ и аки зоря предъ свѣтомъ, си бо съяше аки луна въ нощи, тако и си въ невѣрныхъ челоуѣцѣхъ свѣтящеса аки бисеръ въ калѣ . . . Си первое вниде въ царство небесное отъ Руси“ (подъ 909 годомъ, с. 66—67). Какъ Владиміръ вызываетъ сочувствіе лѣтописца за просвѣщеніе русскихъ Христовой вѣрой, такъ подобное же отношеніе обнаруживаетъ онъ и къ Ярославу за его заботы о школахъ, явившихся необходимымъ продолженіемъ дѣла его предшественника: по поводу попеченія Ярослава о книжномъ просвѣщеніи, лѣтописецъ высказываетъ свои мысли и чувства о пользѣ „книжныхъ словесъ“. Лѣтописца радуетъ миръ и братская любовь между князьями; высшей похвалы съ его стороны заслуживаетъ тотъ, кто „положи главу свою за брата своего“; наоборотъ, онъ выражаетъ чувство печали по поводу междоусобій въ княжеской семьѣ, когда братья или родственники враждовали другъ съ другомъ, „хотя власти о въ сея, овъ же другое“. Чувство горечи овладѣваетъ лѣтописцемъ и по поводу внѣшнихъ нападеній на русскую землю, которыя, по его убѣжденію, посылаются христіанамъ за грѣхи и должны вызвать ихъ къ покаянію.

Замѣчательной чертой, проникающей лѣтописца, является его глубокая искренность; его трудно поймать на какой-либо задней мысли или на стороннихъ побужденіяхъ. Отсюда истекаетъ его объективность, которая не исключаетъ глубокой любви къ русской землѣ, но обезпечиваетъ лишь правдивость повѣствованія и независимость сужденій. Лѣтописецъ не замалчиваетъ въ своемъ разсказѣ отрицательныхъ фактовъ въ русской жизни, упоминаетъ о дурныхъ поступкахъ князей, равно какъ отдаетъ

1) Курсъ русской исторіи. I. 1904, с. 105—106.

справедливость и врагамъ, напр. польскому королю Болеславу, о побѣдѣ котораго надъ Ярославомъ разсказывается подъ 1018 годомъ (с. 139—140).

Манера изложенія лѣтописца отличается спокойствіемъ и ровностью. Его описанія кратки, повѣствованія образны и выразительны; у него нѣтъ лишнихъ подробностей и искусственныхъ украшеній рѣчи, которой, напротивъ, свойственны простота, ясность и точность. На стиль лѣтописца замѣтны черты народно-поэтическаго склада въ меньшей мѣрѣ, какъ и языка книгъ Св. Писанія. Лѣтописецъ внесъ въ свое повѣствованіе не только народныя преданія, но и нѣкоторыя пословицы, поговорки и другія формы народно-поэтическаго выраженія: напр. „аще ся въвадитъ волкъ въ овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьютъ его“ (подъ 945 годомъ, с. 53), „толи не будетъ межю нами мира, оли камень начнетъ плавати, а хмѣль почнетъ тонуть“ (подъ 985 годомъ, с. 82), „еетъ притча въ Руси и до сего дне: погибоши аки Обрѣ“ (с. 11) и пр. Русскій языкъ лѣтописца заключаетъ въ себѣ значительную примѣсь церковно-славянскаго элемента и образуетъ этой смѣсью одинъ изъ самыхъ характерныхъ образцовъ тогдашней книжной рѣчи ¹⁾.

1) Болѣе подробную характеристику лѣтописца, его мировоззрѣнія, способа изложенія, языка и пр. см. у Сухомлинова: О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ, с. 147—222.

5. Историческая повѣсть: Слово о Полку Игоревѣ.

Открытие Слова и его научная разработка. — Содержаніе памятника. — Происхождение Слова. — Историческое и литературное значеніе Слова; его основная идея.

При разсмотрѣніи вопроса о составѣ Начальной Лѣтописи было указано на наличность такого рода повѣстей и сказаній историческаго содержания, которыя были вносимы въ лѣтописные своды и, не будучи извѣстны въ особомъ видѣ, продолжали тамъ свое дальнѣйшее существованіе. Нѣкоторые изъ такихъ историческихъ сюжетовъ своими отдѣльными элементами могли входить въ составъ народно-поэтическаго творчества той эпохи, но слѣды этого рода созданій народной фантазіи до насъ не дошли или растворились въ неуловимомъ для историка дальнѣйшемъ процессѣ ея дѣятельности. Единственнымъ средствомъ сохраненія этихъ поэтическихъ сказаній для будущаго могло быть закрѣпленіе ихъ на письмѣ, но, вслѣдствіе малаго количества литературныхъ силъ, слабаго развитія литературнаго сознанія и преобладанія церковно-религіознаго настроенія письменности, случаи такого закрѣпленія въ кievскій періодъ нашей литературы могли быть лишь крайне рѣдки. Мы располагаемъ для даннаго времени однимъ такимъ произведеніемъ, представляющимъ поэтическую обработку историческаго сюжета: это — Слово о Полку Игоревѣ, замѣчательнѣйшій памятникъ личнаго поэтическаго творчества конца XII вѣка на русской почвѣ, интереснаго не только своей рѣдкостью, но и высокими поэтическими достоинствами.

Мы не имѣемъ здѣсь въ виду подробнаго разбора С. о П. И. въ историко-литературномъ отношеніи, а остановимся лишь — съ одной стороны на изложеніи главнѣйшихъ фактовъ исторіи разработки этого памятника въ научной литературѣ, а съ другой — на формулировкѣ важнѣйшихъ выводовъ общаго характера относительно С. о П. И., явившихся результатомъ упомянутой разработки.

Открытие Слова и его научная разработка. Научная разработка С. о П. И., имѣющая уже болѣе чѣмъ столѣтнюю исторію, представляетъ, независимо отъ своего спеціальнаго значенія, также и немалый общій интересъ, такъ какъ отражаетъ собою въ главныхъ чертахъ ходъ раз-

витія самой науки исторіи русской литературы и рядъ смѣнявшихся одинъ за другимъ методовъ ея изученія ¹⁾.

Первое извѣстіе о С. о П. И. было сообщено въ печати Н. М. Карамзинымъ въ 1797 году въ гамбургскомъ журналѣ „Spectateur du Nord“, но честь открытія памятника принадлежитъ графу А. И. Мусину-Пушкину, извѣстному любителю и собирателю русскихъ древностей въ концѣ XVIII и нач. XIX ст. Мусинъ-Пушкинъ владѣлъ богатымъ собраніемъ старинныхъ рукописей, монетъ и прочихъ рѣдкостей, цѣнныхъ въ историческомъ отношеніи. Ему достались многія книги и бумаги Димитрія Ростовскаго, Татищева, Болтина, Елагина и др.; императрица Екатерина II передала ему много интересныхъ матеріаловъ касательно русской исторіи и для изданія важнѣйшихъ изъ нихъ предоставила въ его распоряженіе одну изъ казенныхъ типографій; со своей стороны, и Мусинъ-Пушкинъ имѣлъ отъ императрицы порученіе доставлять ей выписки и разнаго рода матеріалы для ея „Записокъ касательно російской исторіи“. Назначенный въ 1791 году на должность оберъ-прокурора Св. Синода и принявъ, т. о., въ свое вѣдѣніе церковныя и монастырскія книгохранилища, Мусинъ-Пушкинъ получилъ еще болѣе широкую возможность къ отысканію памятниковъ русской старины. Въ 1795 году одинъ изъ комиссіонеровъ Мусина-Пушкина купилъ у архимандрита Спасо-Ярославскаго монастыря Іоилы, вмѣстѣ съ другими рукописями, сборникъ, подъ названіемъ Хронографъ, заключавшій между другими памятниками письменности и Слово о Полку Игоревѣ. Какъ въ послѣдствіи сообщалъ самъ Мусинъ-Пушкинъ, въ письмѣ отъ 31 дек. 1813 года къ К. Ѡ. Калайдовичу, рукопись Слова писана была „на лошеной бумагѣ довольно чистымъ письмомъ“; онъ полагалъ, что „по почерку письма и по бумагѣ должно отнести оную переписку къ концу XIV или къ началу XV вѣка“; далѣе Мусинъ-Пушкинъ сообщаетъ, что въ рукописи „не было правописанія, ни строчныхъ знаковь, ни раздѣленія словъ, въ числѣ коихъ множество находилось неизвѣстныхъ и вышедшихъ изъ употребленія“. Эти сообщенія сдѣланы были уже послѣ гибели рукописи и послужили для позднѣйшихъ ученыхъ основаніемъ для важныхъ заключеній о времени ея написанія и отчасти о самой подлинности найденнаго памятника. Повидимому, немедленно послѣ открытія памятника сообщенъ былъ Мусинымъ-Пушкинымъ въ копіи императрицѣ, но Екатерина II, доживая послѣдній годъ своей жизни, не успѣла восполь-

¹⁾ Труды, посвященные С. о П. И., не разъ уже служили предметомъ общаго обзоренія. Главнѣйшія изъ этихъ обзореній: Е. В. Барсовъ. Слово о Полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси. Т. I. М. 1887, с. 1—212 (первоначально въ Ж. М. Н. Пр. 1876 №№ 9—10); А. Смирновъ. О Словѣ о Полку Игоревѣ. I. Литература Слова со времени открытія его до 1876 года. Воронежъ 1877; И. Ждановъ. Литература Слова о Полку Игоревѣ. Кіевъ 1880; П. Владиміровъ. Литература Слова о Полку Игоревѣ со времени его открытія по 1894 годъ. Кіевск. Унив. Извѣстія 1894 № 4 и отд. Вып. I. Кіевъ 1894.

зваться этимъ матеріаломъ для своего историческаго труда, и доставленный ей списокъ нашёлъ себѣ мѣсто лишь въ числѣ другихъ документовъ, которые посылались ей съ разныхъ сторонъ многими лицами¹⁾. Между тѣмъ, Мусинъ-Пушкинъ прилежно работалъ надъ изученіемъ драгоценной находки, пользуясь содѣйствіемъ своихъ ученыхъ друзей, особенно А. Ѳ. Малиновскаго и Н. Н. Бантышъ-Каменскаго. Результатомъ этой коллективной работы, изъ которой весьма трудно выдѣлить долю участія отдѣльныхъ лицъ, но инициативу которой несомнѣнно удерживалъ за собой самъ Мусинъ-Пушкинъ, явилось выпущенное въ 1800 году въ Москвѣ первое изданіе этого памятника, подъ заглавіемъ: „Ироическая пѣснь о походѣ на Половцевъ удѣльнаго князя Новгорода Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія, съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе. Съ поколѣнной росписью Россійскихъ великихъ и удѣльныхъ князей, въ сей пѣсни упоминаемыхъ. М. 1800“²⁾.

Еще до своего изданія, С. о П. И., сдѣлавшись извѣстнымъ въ ученыхъ кругахъ, послужило предметомъ разносторонняго интереса и оживленныхъ толковъ объ этомъ памятникѣ. Пораженные невиданными въ старой русской письменности поэтическими достоинствами Слова, многіе не вѣрили въ его подлинность, по крайней мѣрѣ не находили возможнымъ относить его къ XII вѣку. Это были первые „скептики“ въ отношеніи Слова, но въ то время, какъ одни изъ нихъ, напр. акад. Шлецеръ, послѣ изданія памятника признали его подлинность, другіе, напротивъ, оставались, уже послѣ утраты подлинной рукописи, до конца при своихъ сомнѣніяхъ: такъ, графъ Н. Н. Румянцевъ считалъ его сочиненнымъ въ XVIII вѣкѣ, а митр. Евгеній относилъ къ XV—XVI в. Запутанности и неясности вопроса о С. о П. И. въ сильной степени содѣйствовала гибель единственной его рукописи, послужившей оригиналомъ для изданія Мусина-Пушкина, въ московскіе пожары 1812 года, когда жертвою огня сдѣлалась и вся московская бібліотека Мусина-Пушкина — въ томъ числѣ не только рукописный сборникъ, содержащій Слово, но и значительная часть печатныхъ экземпляровъ перваго изданія. Однако еще до пожара извѣстное число этихъ экземпляровъ успѣло распространиться въ публикѣ, и накопилась даже нѣкоторая литература объ этомъ памятникѣ, въ томъ числѣ переводы Слова, сдѣланные И. Сѣряковымъ (Спб. 1803), А. Шишковымъ (Спб. 1805) и А. Палицинымъ (Харьковъ 1807). Послѣ исчезновенія рукописи, какъ только наступили, по уходѣ французовъ, сколько-нибудь нормальныя условія мирной жизни, интересъ къ С. о П. И. въ ученыхъ кругахъ возросъ еще болѣе. Стали собирать о немъ свѣдѣнія

1) Сочиненія императрицы Екатерины II. Подъ ред. А. Н. Пыпина. Т. XI, с. 404. 427—453.

2) Изданіе это, безъ перемѣнъ, перепечатано было А. С. Суворинымъ: Спб. 1904 и П. Владиміровымъ въ его книгѣ: Древняя русская литература Кіевскаго періода XI—XIII в. Кіевъ 1901.

по живымъ слѣдамъ. На Мусина-Пушкина посыпались съ разныхъ сторонъ запросы, однимъ изъ отвѣтовъ на которые было упомянутое письмо къ Калайдовичу. Результаты своихъ наблюденій надъ памятникомъ и разспросовъ о немъ Калайдовичъ заносилъ въ свой дневникъ, опубликованный много позднѣе (1859). Другимъ лицомъ, чрезвычайно интересовавшимся С. о И. И., былъ проф. Р. Ѳ. Тимковскій, открывшій около этого времени „Пѣснь о побѣдѣ Дмитрія Донского надъ Мамаемъ“, которая имѣла важное значеніе въ вопросѣ о Словѣ и косвенно подтверждала его подлинность. О занятіяхъ Тимковского Словомъ позднѣе (1836) сообщалъ М. А. Максимовичъ, что имъ приготовлено было новое изданіе этого памятника, въ текстѣ котораго будто бы только три мѣста оставались для издателя неясными; но эти труды Тимковского безвозвратно погибли во время Петербургскаго наводненія 1824 года.

Обширная литература о Словѣ о Полку Игоревѣ, равной которой не привлекалъ къ себѣ ни одинъ памятникъ древней русской письменности, явилась результатомъ столько же исторической важности и литературныхъ достоинствъ этого произведенія, сколько и его загадочности, обусловленной главнымъ образомъ вѣшной судьбой его единственнаго списка. Въ литературѣ этой можно отмѣтить три періода, отразившіе на себѣ послѣдовательные шаги въ развитіи самой исторической науки касательно памятниковъ литературы.

Первый періодъ, съ 1800 и приблизительно до конца 40-хъ годовъ, въ отношеніи къ изслѣдованіямъ Слова можетъ быть охарактеризованъ съ одной стороны филологическими гаданіями касательно темныхъ мѣстъ текста, отличавшимися ненаучностью и полнымъ произволомъ, а съ другой — взглядомъ на этотъ памятникъ, какъ на литературное произведеніе, подобное эпическимъ поэмамъ ложноклассической литературы, и стремленіемъ съ этой точки зрѣнія обсуждать его историко-литературное значеніе. Эта послѣдняя точка зрѣнія, вполне мирившаяся съ признаніемъ и даже энергической защитой подлинности Слова, казалась тѣмъ болѣе пріемлемой, что знакомство съ памятниками древней русской литературы и языка было въ ту пору, особенно непосредственно послѣ открытія памятника, еще совершенно ничтожнымъ, и не было никакой возможности ни исторически обосновать объясненія т. наз. темныхъ мѣстъ Слова, ни поставить этотъ памятникъ въ его цѣломъ въ надежно обставленную документальными данными историческую перспективу. Главное вниманіе обращено было на объясненіе текста Слова, вызвавшее рядъ отдѣльных изданій этого памятника, съ переложеніемъ на современный русскій языкъ и примѣчаніями: таковы были, кромѣ упомянутой работы Шишкова, еще труды Я. О. Пожарскаго (1819), Н. Ѳ. Грамматина (1821, 1823), М. А. Максимовича (1837) и Д. Дубенскаго (1844); особенное значеніе имѣли труды послѣднихъ двухъ авторовъ, занимавшихся Словомъ уже въ то время, когда значительно оживился интересъ къ изученію нашего литературнаго прошлаго и когда они могли располагать уже кое-какимъ фак-

тическимъ матеріаломъ для сравненій и сопоставленій. Главная заслуга Максимовича, читавшаго даже въ 1835 году о Словѣ специальный курсъ въ Кіевскомъ университетѣ, заключалась въ томъ, что онъ первый сопоставилъ языкъ и стиль Слова съ соответствующими элементами народной поэзіи (его статьи въ Ж. М. Н. Пр., 1836—1837), а изданіе Дубенскаго удерживало свой авторитетъ вплоть до Тихонравовскаго изданія 1866 года, благодаря обширнымъ примѣчаніямъ и сопоставленіямъ съ другими памятниками древней русской литературы, среди которыхъ были не только дѣтописи, но также Задонщина и Даніиль Заточникъ. Вмѣстѣ съ этимъ, высказались о Словѣ и представители скептическаго къ нему отношенія: Каченовскій (мнѣнія его переданы другими), Сенковскій (1837), Бѣликовъ (1834), Давыдовъ (1834), причѣмъ первые два видѣли въ С. о П. И. произведеніе XVIII вѣка, возникшее подъ вліяніемъ Оссіана, а вторые считали его памятникомъ русской литературы XVI вѣка, составленнымъ, быть можетъ, по какой-либо старинной записи грека или норманна.

Второй и третій періоды въ изученіи С. о П. И. не могутъ быть разграничены строго хронологически; одинъ изъ нихъ заходитъ въ другой, и нѣкоторое время оба они являются лишь разными направленіями въ изученіи этого памятника. 50-ые годы XIX в. являются, какъ извѣстно, временемъ подъема въ историческомъ изученіи книжной русской старины: было открыто и обследовано много новыхъ памятниковъ древней русской литературы; послѣдняя стала изучаться въ связи съ народной поэзіей, этнографіей, языкомъ; кругъ наблюденій значительно увеличился, и Слово оказалось возможнымъ поставить въ болѣе широкія рамки историческихъ и литературныхъ данныхъ. И такъ какъ въ историческомъ изученіи русской литературы обнаружилось два теченія — одно „миеологическое“, а другое въ пользу т. наз. „теоріи заимствованія“ —, то и Слово о Полку Игоревѣ одни стали изучать съ точки зрѣнія заключающихся въ немъ чертъ народнаго міровоззрѣнія и миеологическихъ элементовъ, а другіе искали въ немъ отраженія иноземныхъ мотивовъ или даже цѣлыхъ поэтическихъ образцовъ. Въ первомъ направленіи шли, напр., многочисленныя работы Ѳ. И. Буслаева и О. Ѳ. Миллера, а представителями второго являются кн. П. П. Вяземскій, Вс. Ѳ. Миллеръ, А-ръ Н. Веселовскій. Работы Буслаева („Русская поэзія XI и нач. XII вѣка“, „Объ эпической поэзіи“ и др., въ сборникѣ „Историческіе очерки“. Т. I. 1861) имѣли цѣлю выяснить миеологическую стихію Слова, которую онъ считалъ душой всего этого произведенія; имъ обращено было также много вниманія на эпическій складъ этого памятника и объяснено его отношеніе къ народному пѣснотворчеству; ему же принадлежатъ и два изданія Слова (въ „Исторической Хрестоматіи“ 1861 и въ „Русской Хрестоматіи“ 1870). Взглядъ на Слово О. Ѳ. Миллера примыкаетъ къ основной точкѣ зрѣнія Буслаева (Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности. Ч. I. 1865), при чемъ авторомъ сдѣлано сравненіе Слова о П. И. съ Краледворской рукописью и обнаружены черты сходства, которыя онъ объясняетъ

единствомъ эпическаго міровозрѣнія обоихъ авторовъ. На противоположной точкѣ зрѣнія стоялъ кн. П. Н. Вяземскій (Замѣчанія на Слово о П. И., во „Временникъ Общ. Ист. и Др.“ 1851—1853 и затѣмъ, въ пространенномъ видѣ, отдѣльно: Спб. 1875); онъ разсматривалъ Слово въ связи съ произведеніями не только русской, но и иностранной литературы и пришелъ къ выводу, что памятникъ этотъ является произведеніемъ, созданнымъ подъ вліяніемъ древне-классическихъ литературныхъ преданій, что подъ Бояномъ надо разумѣть Гомера, подъ тропой, землей и вѣками Трояна — отзвуки Троянской войны, подъ Дѣвой Обидой — Елену и т. п. По методу и по основной точкѣ зрѣнія, къ этому труду кн. Вяземскаго примыкаетъ оригинальное сочиненіе проф. Вс. Миллера: Взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ, М. 1877. Авторъ выводитъ наше Слово изъ глубины византийскихъ литературныхъ преданій и образецъ ему ищетъ въ поэмѣ о Дигенісѣ; онъ даже предполагаетъ наличность у автора Слова готовой болгарской обработки упомянутой поэмы, которой впрочемъ тотъ воспользовался весьма неуклюже. Въ концѣ своего изслѣдованія авторъ присоединилъ новое изданіе Слова, съ примѣчаніями къ нему. Выводы В. Θ. Миллера были сочувственно встрѣчены акад. А. Н. Веселовскимъ (Ж. М. Н. Пр. 1877 № 8).

Въ третьемъ періодѣ изученія С. о П. И. наблюдается съ одной стороны филологическо-палеографическое отношеніе къ памятнику, а съ другой — стремленіе къ обзорнѣю пройденнаго пути изученія и къ сводкѣ въ одно цѣлое добытыхъ этимъ изученіемъ результатовъ. Толчокъ къ палеографическому изученію Слова данъ былъ въ 1864 году акад. П. Пекарскимъ, который опубликовалъ ¹⁾ списокъ Слова, найденный имъ, между бумагами императрицы Екатерины II, въ Государственномъ архивѣ и доставленный ей, какъ уже было упомянуто, А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ. Не смотря на то, что опубликованный Пекарскимъ текстъ не имѣлъ самостоятельнаго происхожденія, тѣмъ не менѣе въ немъ оказались нѣкоторыя отличія отъ печатнаго текста, подавшія поводъ къ сравненію. Первымъ, воспользовавшимся этимъ (т. наз. „архивнымъ“ или „петербургскимъ“) спискомъ для критики текста Слова, былъ Н. С. Тихонравовъ, выпустившій въ 1866 г. изданіе Слова, съ введеніемъ, примѣчаніями, приложениями и словаремъ. Тутъ были впервые поставлены на научную почву вопросы о вѣкѣ погибшей рукописи и рѣшенъ издателемъ въ пользу XVI вѣка. Второе изданіе этого труда Тихонравова вышло въ М. 1868. Специально палеографическимъ, но съ большою дозой ни на чемъ не основанныхъ гаданій, является и трудъ кн. П. Н. Вяземскаго: Изслѣдованіе о вариантахъ. Спб. 1877, при чемъ по вопросу о вѣкѣ погибшей рукописи авторъ примыкаетъ къ мнѣнію Тихо-

1) Записки Императорской Академіи Наукъ. Т. V, прил. 2. Въ болѣе точномъ видѣ текстъ этотъ воспроизведенъ П. К. Симономъ въ XIII томѣ „Древностей“ Моск. Археол. Общества, вмѣстѣ со статьей И. И. Козловскаго „Палеографическія особенности погибшей рукописи Слова о Полку Игоревѣ“: М. 1890.

нравова. Въ 1878 году вышелъ трудъ проф. А. А. Потебни: Слово о Полку Игоревѣ. Текстъ и примѣчанія (первоначально былъ напечатанъ въ Воронежскихъ „Филологическихъ Запискахъ“ 1877—1878). Въ противоположность кн. Вяземскому, Вс. Миллеру и нѣк. др., Потебня считаетъ Слово проникнутымъ въ высшей степени народно-поэтическими мотивами, хотя и принадлежащимъ по своей композиціи одному лицу; поэтому, при установленіи текста онъ сильно пользуется именно произведеніями народной словесности. Потебня не высказывается точно о вѣкѣ погибшей рукописи, но допускаетъ, что она вела свое начало отъ черновой рукописи, писанной самимъ авторомъ или съ его словъ, снабженной приписками на поляхъ, замѣтками, поправками и т. п., что и было главной причиною неисправности дошедшаго до насъ текста, составленнаго вполнѣ произвольно на основаніи этого матеріала позднѣйшимъ переписчикомъ. Такая точка зрѣнія на процессъ образованія текста Слова даетъ Потебнѣ основаніе въ высшей степени свободно обращаться съ послѣднимъ, что онъ и дѣлаетъ въ своемъ изданіи. Это составляетъ, конечно, условную сторону цѣнности изданія, которое, впрочемъ, съ другой стороны, представляетъ множество остроумныхъ догадокъ и предположеній въ пониманіи разныхъ темныхъ мѣстъ Слова. Изъ памятниковъ народной словесности, для освѣщенія Слова, Потебня пользовался преимущественно южно-русскими, оставляя сѣверно-русскіе въ сторонѣ. Этотъ послѣдній пробѣлъ восполненъ былъ въ трудѣ А. И. Смирнова: О Словѣ о Полку Игоревѣ. В. 2. Пересмотръ нѣкоторыхъ вопросовъ. Воронежъ 1879. Въ этомъ сочиненіи данъ, кромѣ того, анализъ языка Слова по изданію 1800 года. По вопросу о времени написанія погибшей рукописи авторъ высказывается въ пользу конца XIV или начала XV вѣка. Наконецъ, какъ бы завершеніемъ всѣхъ предшествующихъ работъ о Словѣ является капитальный трудъ Е. В. Барсова: Слово о Полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси. Т. I—II. М. 1885—1887 (въ III т. 1889 помѣщено начало словаря къ Слову предположенный еще IV томъ не выходилъ изъ печати). Въ сочиненіи этомъ можно найти, прежде всего, пространную и почти исчерпывающую, хотя б. м. и не вездѣ объективную, оцѣнку научной и художественной литературы о Словѣ, затѣмъ — обширное историко-литературное изслѣдованіе о Словѣ, подробныя примѣчанія къ т. наз. „темнымъ мѣстамъ“ памятника и новые опыты ихъ объясненія, переводъ Слова на современный русскій языкъ. Кромѣ огромнаго количества печатнаго матеріала, Барсовъ привлекъ къ своему изслѣдованію и немало рукописнаго — какъ древняго, такъ и новаго: къ первому нужно отнести, напр., древне-русскій переводъ Повѣсти Флавія о разореніи Іерусалима, приведеніе котораго въ литературную связь съ С. о П. И. составляетъ несомнѣнную заслугу Барсова; изъ второй категоріи особенно цѣнными считаетъ самъ авторъ найденныя имъ черновыя бумаги А. Ѡ. Малиновскаго, сотрудника Мусина-Пушкина по разбору и изданію погибшей рукописи Слова; эту находку

использовать авторъ въ своемъ трудѣ до мельчайшихъ подробностей, отчасти преувеличивая ея абсолютное значеніе. Несомнѣнно, трудъ Барсова — выдающійся по богатству матеріала, написанный съ большой любовью къ дѣлу и съ одушевленіемъ, безусловно необходимый для всякаго, интересующагося Сл. о П. И.; но онъ страдаетъ недостаткомъ строгой критики, особенно въ области лингвистическихъ и палеографическихъ сопоставленій и изслѣдованій. Погибшую рукопись Слова Барсовъ относитъ къ XVI вѣку.

Послѣдующіе труды о Словѣ, которое не переставало и не перестаетъ привлекать къ себѣ вниманіе изслѣдователей, не внесли ничего особенно существеннаго въ общее пониманіе этого памятника, хотя нѣкоторые изъ нихъ, напр. сочиненіе А. В. Лонгинова (Историческое изслѣдованіе сказанія о походѣ Сѣверскаго князя Игоря Святославича на Половцевъ въ 1185 году. Одесса 1892), довольно значительны по объему и интересны по постановкѣ вопроса. Изъ частныхъ изслѣдованій послѣдняго времени слѣдуетъ отмѣтить работы П. М. Меліоранскаго: Турецкіе элементы въ языкѣ С. о П. И. (Извѣстія II Отд. Акад. Наукъ 1902 № 2 и 1905 № 2) и Г. М. Бараца: О библейскомъ элементѣ въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Кіевъ 1912. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что и въ дальнѣйшемъ такой выдающійся памятникъ, какъ С. о П. И., не останется въ сторонѣ отъ новыхъ попытокъ его объясненія и изученія, но, кажется, нельзя ожидать безусловно новыхъ шаговъ въ этомъ изученіи безъ какихъ-либо важныхъ фактическихъ находокъ. Въ общемъ можно признать, что вопросъ о Словѣ о Полку Игоревѣ въ научной литературѣ достаточно выясненъ.

Въ дальнѣйшемъ мы ограничимся указаніемъ на содержаніе этого памятника и изложеніемъ, въ краткихъ чертахъ, тѣхъ выводовъ, на которые уполномочиваютъ добытые въ научной литературѣ результаты.

Содержаніе Слова. Содержаніемъ Сл. о П. И. является поэтическое изображеніе несчастнаго похода („полку“) Новгородъ-сѣверскаго князя Игоря Святославича противъ Половцевъ въ 1185 году. Кромѣ Игоря Святославича, сына Черниговскаго князя Святослава Ольговича, въ походѣ принимали участіе: братъ его Всеволодъ Святославичъ, князь Курскій и Трубчевскій; ихъ племянникъ Святославъ Ольговичъ, князь Рыльскій, и сынъ Игоря Владиміръ Путивльскій. Походъ окончился не только неудачей, но и захватомъ Половцами въ плѣнъ самого Игоря Святославича; однако вскорѣ Игорю удалось бѣжать. Эти историческія событія нашли себѣ описаніе въ Лѣтописи — подъ 1185 годомъ въ Ипатской и подъ 1186 (ошибочно) годомъ въ Лаврентьевской. Въ Словѣ можно отмѣтить слѣдующія части: I. Вступленіе, въ которомъ авторъ сообщаетъ о своемъ намѣреніи разсказать о походѣ Игоря „по былинамъ сего времени“, а „не по замышленію Бояню“, т. е. по современнымъ событіямъ, соответственно дѣйствительности, а не по фантастическимъ домысламъ пѣвца вродѣ Бояна. Т. о., авторъ обѣщаетъ держаться въ своемъ трудѣ дѣйст-

вительных фактов. II. Основная часть, заключающая въ себѣ разсказъ о походѣ Игоря и его сподвижниковъ. Эта часть можетъ быть раздѣлена, въ свою очередь, на три отдѣла: 1. Описаніе похода Игоря. Выступленіе изъ Новгородъ-Сѣверска. Остановка въ Путивлѣ, ожиданіе брата Всеволода. Дальнѣйшее движеніе княжескихъ дружинъ по степи. Дурныя предзнаменованія: тьма, стонъ птицъ, свистъ звѣрей. Первая встрѣча съ Половцами, пойманными врасплохъ: Половцы разбиты. Затѣмъ — вторая встрѣча съ Половцами, въ которой русскіе были совершенно разбиты, не смотря на выдающуюся храбрость князей и ихъ войска. Высокопоэтическое описаніе этой битвы; сочувствіе несчастію русскихъ со стороны самой природы. Жалоба автора поэмы на княжескія междоусобія, какъ причину ихъ слабости. 2. Сонъ Кіевского великаго князя Святослава и объясненіе его боярами: этотъ сонъ былъ знакомъ несчастія, постигнаго русскія войска въ походѣ противъ Половцевъ. Святославъ плачетъ, вспоминая бывшую силу русской земли, которая смѣнилась теперь слабостью, благодаря соперничеству князей между собою. Поэтическій плачъ Ярославны, супруги Игоря, на стѣнахъ города Путивля; обращеніе къ вѣтру, къ Діѳуру, къ солнцу. 3. Возвращеніе Игоря изъ плѣна. Половецкіе князья Гзакъ и Кончакъ преслѣдуютъ его, но Игорю покровительствуетъ сама природа, и онъ благополучно достигаетъ родной земли, принося собою радость и веселье. III. Краткое заключеніе: похвала князьямъ и дружинѣ за ихъ подвиги противъ „поганыхъ“.

Происхожденіе Слова. Хотя нѣкоторыми нашими учеными, исходящими, повидимому, изъ разныхъ точекъ зрѣнія на дѣло (напр., Владиміровъ, Е. В. Барсовъ, Истринъ), и допускается теоретически существованіе въ старину другихъ, даже „многихъ“ произведеній, подобныхъ Сл. о П. И., однако фактически совершенно своеобразное и почти одиночное положеніе Сл. о П. И. въ нашей древней литературѣ разсматриваемаго періода дѣлаетъ чрезвычайно затруднительнымъ сколько-нибудь определенное разрѣшеніе вопроса объ его происхожденіи. Несомнѣннымъ является то, что это памятникъ книжный и въ первоначальномъ видѣ, котораго, вѣроятно, мы не знаемъ, есть результатъ единоличнаго поэтического творчества, насквозь пропитанный, впрочемъ, мотивами народнаго пѣснотворчества.

Мы не знаемъ въ точности — ни гдѣ возникло Сл. о П. И., ни кто былъ его авторъ. Въ общемъ господствуетъ предположеніе, что памятникъ этотъ кіевского происхожденія и что авторомъ его былъ кіевлянинъ; съ особенной настойчивостью высказывается въ пользу этого мнѣнія проф. Владиміровъ. Но доказать это такъ же трудно, какъ и то, что онъ возникъ, напр., въ Черниговщинѣ, болѣе близкой къ главному герою поэмы Игорю Святославичу, чѣмъ Кіевъ: этого мнѣнія держится Е. В. Барсовъ¹⁾.

1) Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси. Т. I, с. 275—276.

Приводимое въ пользу кievскаго происхожденiя Сл. соображенiе, что автору „близки и дороги интересы всей Руси“¹⁾, не можетъ имѣть большой доказательной силы потому, что въ такой же мѣрѣ подобныя чувства могъ питать и кто-нибудь изъ не-кievлянъ, а ссылка на упоминанiе въ концѣ Сл., что Игорь по возвращенiи изъ плѣна идетъ къ „святой Богородицѣ Пирогощей“, находившейся тогда въ Кievѣ, вовсе не предполагаетъ, что авторъ Слова лично видѣлъ тамъ Игоря Святославича, не говоря уже о томъ, что видѣть его въ Кievѣ могъ и не-кievлянинъ. Проф. Владимiровъ предполагаетъ вполне увѣренно, что авторъ Слова былъ „одинъ изъ тѣхъ княжескихъ дьяковъ, которые вносили въ лѣтописи живыя свѣдѣнiя о походахъ, знали и красивыя выраженiя, умѣли къ мѣсту употребить народную или книжную пословицу“²⁾, но въ такой же степени вѣроятно, что авторомъ его могъ быть и кто-нибудь изъ дружинниковъ князя Игоря или даже Святослава, выдававшийся своимъ талантомъ, образованiемъ и начитанностью; однако едва ли можно думать, чтобы это былъ кто-нибудь изъ участниковъ несчастнаго похода, такъ какъ такой фактъ навѣрное нашелъ бы себѣ какое-нибудь отраженiе въ поэмѣ, чего мы въ дѣйствительности не видимъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что произведенiе написано современникомъ изображенныхъ въ Словѣ событiй.

„Поэтика“ неизвѣстнаго автора является для насъ несомнѣнно ясной. Передъ его воображенiемъ стояло пѣснотворчество „вѣщаго Бояна“. Кого нужно разумѣть подъ этимъ Бояномъ — дѣйствительное ли лицо русскаго народнаго пѣвца стараго времени, какъ желаетъ доказать это Барсовъ³⁾, отзвукъ ли славы какого-нибудь чужеземнаго, б. м. даже фантастическаго поэта, или просто отвлеченный поэтической идеаль, мы не знаемъ, но лицо это, нарисованное авторомъ Слова, при всей краткости его изображенiя, носитъ на себѣ вполне отчетливыя черты: онъ „растекался мыслию по древу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками“; онъ помнилъ и зналъ старину, воспѣвая славные эпизоды прошлаго. Пѣвецъ Слова хочетъ быть, повидимому, ближе, нежели Боянъ, къ дѣйствительности: онъ хочетъ воспѣвать своего героя Игоря Святославича „по былинамъ сего времени, а не по замышленiю Бояна“. Надо отдать справедливость автору Слова, что хотя онъ и не началъ такъ издалека, какъ обѣщаль („отъ стараго Владимiра до нынѣшняго Игоря“), однако въ общемъ выполнилъ свое намѣренiе и далъ поэтическое произведенiе на вполне исторической подкладкѣ, опозитивировалъ событiя дѣйствительно происходившiя. Его произведенiе есть, т. о., историческая поэма и можетъ быть подвергнуто изученiю какъ со стороны изображенныхъ въ ней фактовъ (исторической), такъ и ихъ поэтической обработки (литературной).

1) Владимiровъ, П. Древняя русская литература, с. 305.

2) Тамъ же, с. 306.

3) Назв. соч. I, с. 333—340.

Историческое и литературное значеніе Слова. Для освѣщенія вопроса объ исторической сторонѣ Сл. о П. И. мы находимся въ сравнительно благоприятныхъ условіяхъ. Историческое событіе, послужившее предметомъ изображенія въ Словѣ, нашло себѣ подробное описаніе въ лѣтописи, причѣмъ описаніе Ипатской лѣтописи гораздо пространнѣе, нежели Лаврентьевской. Оба лѣтописные разсказа различаются между собою также и въ другихъ отношеніяхъ; разсказъ Лаврентьевской лѣтописи вовсе не есть простое сокращеніе изъ Ипатской и, при всей своей краткости, содержитъ въ себѣ такія подробности, которыхъ въ послѣдней нѣтъ. Изъ сравненія лѣтописнаго разсказа со Словомъ вытекаетъ, во 1-хъ, то, что въ общемъ авторъ Слова держался дѣйствительныхъ событій въ своемъ поэтическомъ изображеніи, и во 2-хъ, что разсказъ лѣтописи о походѣ Игоря носитъ на себѣ такія эпическія черты, которыя трудно было бы объяснить однимъ только общимъ характеромъ лѣтописнаго повѣствованія, не чуждымъ поэтическихъ приѣмовъ и особенностей, а нужно предполагать, что на повѣствованіе лѣтописца имѣли сильное вліяніе народныя разсказы о несчастномъ походѣ, б. м. особыя пѣсни или былины объ этомъ; однако слѣдовъ непосредственнаго вліянія нашего памятника на лѣтописный разсказъ установить нельзя, какъ нельзя установить и обратнаго вліянія лѣтописи на Сл. о П. И.

Слѣдуетъ думать, что Сл. о П. И. написано его авторомъ не на основаніи лѣтописнаго разсказа, даже въ смыслѣ фактическаго изложенія событій. Если сравнить Слово съ Ипатской лѣтописью, къ которой у него вообще гораздо больше близости, чѣмъ къ Лаврентьевской, то топографическія подробности похода Игоря по лѣтописному разсказу окажутся далеко не вполне совпадающими съ таковыми же подробностями въ Словѣ¹⁾. Это заставляетъ предполагать, что составитель Слова въ обработкѣ фактической стороны своей поэмы руководился какой-нибудь иной версіей разсказа о походѣ Игоря, не нашедшей себѣ мѣста въ лѣтописи, или, б. м., пренебрегалъ подробностями лѣтописной версіи, считая это неважнымъ или ненужнымъ для своихъ цѣлей.

Вѣрность пѣвца Сл. о П. И. исторической основѣ не исчерпывается одной только фабулой его поэмы. Она переходитъ и на подробности въ изображеніи дружиннаго, боярскаго и княжескаго быта. Обращенія Игоря къ своей дружинѣ, братьевъ-участниковъ похода другъ къ другу, великаго князя Святослава къ своимъ боярамъ — все это бытовыя картинки, нашедшія въ Словѣ высоко-поэтическое выраженіе. Бытовыя черты оставили свой слѣдъ и на подробностяхъ поэтическаго стиля: напр., изъ многихъ мѣстъ Слова можно усмотрѣть пользованіе автора образами соколиной охоты на гусей, лебедей и другую птицу или на туровъ, что было отраженіемъ самой дѣйствительности. Особенно обильное отраженіе въ Словѣ нашли, конечно, подробности военной жизни того времени:

1) Владиміровъ, назв. соч., с. 315—316.

вооруженіе, приемы нападенія и защиты, переходъ по степи, по лѣсамъ и болотамъ; но, рядомъ съ этимъ, мимоходомъ отразились подъ перомъ автора и картины мирной жизни въ селахъ и городахъ — свадебный пиръ, работа надъ пашней и т. п., вплоть до благочестиваго паломничества спасагося изъ плѣна Игоря къ чтимой кievской святыни Богородицы-Пирогощей въ благодарность за благополучное возвращеніе.

Переходимъ теперь къ литературной сторонѣ Слова. Будучи произведеніемъ оригинальнымъ и книжнымъ, Сл. о П. И. въ то же время имѣетъ связь, по своимъ литературнымъ особенностямъ, съ другими памятниками литературы и народной словесности. Одиночное положеніе Сл. о П. И. было отчасти причиной возникновенія гипотезъ объ иноземныхъ источникахъ его происхожденія — византийскихъ, южно-славянскихъ и даже скандинавскихъ, какъ въ свое время, напр., думалъ М. П. Погодинъ. Въ дѣйствительности, все сходство между этими произведеніями и Словомъ заключается въ немногихъ частностяхъ содержанія, въ отдѣльныхъ выраженіяхъ и въ такихъ общихъ чертахъ, которыя, составляя достояніе широкаго круга литературныхъ явленій, не могутъ имѣть большой доказательной силы въ рѣшеніи вопроса о специальной зависимости одного литературнаго произведенія отъ другого: таково отношеніе Слова и къ византийской поэмѣ о Дигенисѣ, гипотеза о первоисточникѣ которой относительно Сл. о П. И. была выдвинута Вс. Θ. Миллеромъ и нашла себѣ рѣшительный отпоръ, между прочимъ, со стороны Барсова ¹⁾. Съ другой стороны, можно найти весьма много точекъ соприкосновенія Слова съ другими произведеніями современной ему русской литературы — поученіями, житіями и въ особенности съ лѣтописями ²⁾, что, въ свою очередь, отводитъ насъ къ несомнѣнному для того времени факту общности, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, міровоззрѣнія и литературныхъ приемовъ у авторовъ произведеній съ самыми противоположными сюжетами и тенденціями. Тутъ мы должны имѣть по преимуществу въ виду то могучее, хотя далеко не всегда очевидное, вліяніе, которое исходило на первыхъ нашихъ писателей изъ нѣдръ ихъ непосредственной близости къ народному быту и міросозерпанію, отсутствія школьнаго воедѣйствія и общей слабости умственныхъ и культурныхъ теченій въ тогдашней русской общественной средѣ. Это обстоятельство однако же нисколько не становится въ противорѣчіе съ той мыслью, что Сл. о П. И., по своимъ высокимъ литературнымъ достоинствамъ, занимаетъ совершенно исключительное мѣсто среди другихъ памятниковъ современной ему литературы; если внѣшнія средства, употребленныя авторомъ при созданіи своего произведенія, не были чѣмъ-нибудь невиданнымъ и небывалымъ, то тѣмъ болѣе вызываетъ удивленіе яркая талантливость этого чѣловѣка, сумѣвшаго, при помощи доступныхъ и другимъ его современникамъ литера-

1) Назв. соч. I, с. 308—330.

2) Владиміровъ, назв. соч., с. 311—312. 317—318.

турныхъ пріемовъ, написать произведеніе, поражающее насъ изяществомъ построения, необыкновенной поэтичностью, сжатостью при разнообразіи и проникающей его глубокой основной идеей.

Еще болѣе у Сл. о П. И. точекъ соприкосновенія съ народной поэзіей. Но и это соприкосновеніе слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, что авторъ Слова пользовался произведеніями древне-русскаго пѣснотворчества въ видѣ литературнаго источника, а лишь такъ, что, будучи сыномъ своего времени, онъ носилъ въ себѣ элементы народной поэзіи и знакомство съ ея пріемами какъ свое собственное достояніе, и, слѣд., внесеніе этихъ элементовъ и пріемовъ въ Слово было дѣломъ непосредственнымъ и сопровождало совершенно самостоятельное отношеніе къ своему труду. Потебня, Смирновъ, Барсовъ, Владиміровъ и др. представили въ своихъ трудахъ длинный рядъ сопоставленій отдѣльныхъ мѣстъ Сл. о П. И. съ соотвѣтствующими сходными мѣстами изъ народнаго эпоса и лирики какъ великорусской, такъ и малорусской; однако черты этого частичнаго сходства прибавляютъ только новыя доказательства того положенія, что въ своемъ цѣломъ Слово является произведеніемъ книжнымъ, хотя авторъ его и пропитанъ былъ духомъ народной поэзіи своего времени, бывшей тогда живымъ органомъ общественности, и въ полной мѣрѣ владѣлъ ея средствами. Ему, несомнѣнно христіанину, было свойственно также и міровоззрѣніе, которое въ ту пору мирилось въ головахъ русскихъ людей съ христіанскими догматами и церковностью; это было то своеобразное „двоевѣріе“, которое у однихъ выражалось въ одновременномъ поклоненіи иконамъ и какимъ-нибудь явленіямъ природы, а у другихъ, людей болѣе образованныхъ и книжныхъ, входило лишь въ сферу ихъ поэтическихъ вкусовъ и умственныхъ настроеній. Присутствіе въ Словѣ такихъ именъ, какъ Дажь-богъ, Хорсъ и Велесъ, должно быть объясняемо именно указанной наличностью миеологическаго міровоззрѣнія; это не было ни язычествомъ автора-книжника, ни простой риторической фигурой, подобно позднѣйшимъ ложноклассическимъ Зевсамъ и Аполлонамъ XVIII вѣка, что хотѣли видѣть у автора нашего Слова скептики вроде Сенковского.

Изъ болѣе обширныхъ эпизодовъ Слова, въ которыхъ чувствуется художественное сочетаніе индивидуально-поэтическаго домысла съ элементами народной поэзіи, особенно обращаютъ на себя вниманіе сонъ великаго князя Святослава въ Кіевѣ и т. наз. плачь Ярославны, супруги Игоря, въ Путивлѣ, на городской стѣнѣ. Поскольку велико-княжескій сонъ, его толкованіе боярами и послѣдовавшее затѣмъ „золотое слово“ Святослава отводятъ читателя въ область легендарныхъ сказаній разныхъ временъ и народовъ, съ весьма оригинальнымъ присоединеніемъ къ этому высокопатріотическаго и гуманнаго обращенія къ русскимъ князьямъ по поводу ихъ междоусобицъ, постольку „плачь“ Ярославны, обращающейся къ вѣтру, Днѣпру и солнцу съ нѣжной жалобой и мольбой о мужѣ, является перломъ, взятымъ изъ глубины подлинно-народной лирики.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ близостью автора Слова къ народному

пѣснотворчеству находится и внѣшній складъ его произведенія: при внимательномъ анализѣ его текста съ этой стороны, Слово оказывается написаннымъ стихами, съ явственной наличностью ритма, и только кое-гдѣ напоминаетъ прозу ¹⁾.

Замѣчательной чертой Сл. о П. И. является также и вложенная въ него авторомъ идея. Старая наша письменность вообще далеко не лишена идейности, но эта идейность нерѣдко граничитъ съ явной тенденціей. Въ Словѣ же нѣтъ тенденціозности, потому что его основная мысль находится въ гармоническомъ сочетаніи съ художественностью произведенія и сама собою вытекаетъ изъ послѣдней, безъ всякой натяжки. Мысль эта, впрочемъ, не является принадлежащей исключительно Слову; мы находимъ ее и въ другихъ памятникахъ русской литературы того времени, особенно въ Лѣтописи: это — необходимость князьямъ блюсти интересы родной земли въ ея цѣломъ, не увлекаясь эгоистическими побужденіями, соперничествомъ и легкомысленной жадой опасныхъ приключеній. Правда, эта въ основѣ своей гуманная и мирно-культурная идея облечена въ форму разсказа о военномъ походѣ противъ дикихъ кочевниковъ, но въ ту героическую пору зачатковъ русской гражданственности и не могло быть иного выхода для поэта даже съ самыми широкими литературными горизонтами. За эту идею не разъ поднимали свой голосъ болѣе идеально настроенные князья, вроде Владиміра Мономаха, но сила вещей брала свое: тѣмъ болѣе цѣнной представляется защита этой идеи авторомъ Слова, роднящая его въ этой роли также и съ авторомъ житійныхъ „сказаній“ о Борисѣ и Глѣбѣ, братская любовь которыхъ выставилась назидательнымъ примѣромъ для подражанія.

Въ настоящее время уже не можетъ быть мѣста скептическому отношенію къ подлинности Слова о П. И., какъ памятника русской литературы конца XII вѣка. Трудami цѣлаго ряда ученыхъ изслѣдователей раскрыты и выяснены хотя и не всѣ, но многія „темныя мѣста“ этого произведенія, и если въ установкѣ самаго текста памятника изслѣдователи и не пришли къ единодушію, то это явилось неизбѣжнымъ результатомъ совершенно необыкновенной судьбы единственной рукописи Слова; Сл. о П. И. поставлено въ историческую перспективу другихъ явленій русской письменности и народной поэзіи, подробно изученъ его языкъ и стиль; однимъ словомъ, сдѣлано вполне достаточно, чтобы судить и объ историческомъ значеніи этого памятника русской литературы древнѣйшей эпохи. Значеніе это очень велико. Это — единственный памятникъ „свѣтской“ поэзіи того времени, совершенно свободный отъ вліянія церковности. Какъ

¹⁾ Новѣйшую попытку изученія Слова съ этой стороны представляетъ трудъ акад. **Ө. Е. Корша**: Слово о Полку Игоревѣ (Изслѣдованія по русскому языку. Т. II, в. 6). Спб. 1909.

своего рода „историческая поэма“, онъ даетъ намъ яркое представленіе о тогдашней жизни княжеской, боярской и дружинной. Какого-нибудь болѣе широкаго поэтическаго горизонта, имѣя въ виду аналогичныя явленія западно-европейскихъ литературъ, мы не можемъ требовать отъ автора столь отдаленной эпохи. Мы находимъ въ немъ великолѣпное описаніе одного изъ многочисленныхъ походовъ русскихъ князей на степныхъ кочевниковъ, картины природы, изображенія душевнаго состоянія дѣйствующихъ лицъ, ихъ радостей и печалей, ихъ мыслей и идеаловъ, и все это сочувственно объединено живымъ настроеніемъ автора, вложено въ рамки поэтической работы высокой цѣнности. Уже одна наличность такого памятника не можетъ быть дѣломъ маловажнымъ въ глазахъ историка-наблюдателя нашей литературной старины. Она даетъ яркій просвѣтъ на всю эту эпоху, устанавливая значительное богатство ея литературнаго содержанія, хотя, безъ сомнѣнія, и въ очень узкихъ рамкахъ небольшого круга лицъ, принимавшихъ активное участіе въ духовной жизни на Руси той эпохи. Свѣтъ, бросаемый Словомъ о П. И., простирается и на послѣдующія столѣтія русской литературы, давая прочную базу для историческаго изученія другихъ, менѣе блестящихъ, обработокъ историческихъ сюжетовъ, напр. цикла сказаній о Куликовской битвѣ. Наконецъ, историкъ русской жизни и быта, государственности и культуры можетъ почерпнуть изъ Сл. о П. И. богатый матеріалъ, благодаря реализму этого произведенія, разнообразію наблюдательности его автора, глубинѣ и ясности его поэтическаго міросозерцанія.

6. Паломническая литература.

Путешествія русскихъ людей въ святыя земли и древнія извѣстія о нихъ. — „Хожденіе“ игумена Даниила; свѣдѣнія о личности автора и обстоятельствахъ его путешествія; литературная сторона этого произведенія, легендарные и апокрифическіе его элементы; роль „Хожденія“ въ послѣдующіе вѣка древне-русской письменности. — „Паломникъ“ архіепископа Антонія; характеръ его изложенія, литературная и историческая цѣнность.

Среди другихъ проявленій литературныхъ интересовъ на Руси въ разсматриваемую эпоху видное мѣсто принадлежитъ описаніямъ путешествій въ святыя земли. Имѣя подъ собою реальную подкладку, хотя и не чуждыя вліянія со стороны однородныхъ явленій византійской литературы, описанія эти заключаютъ въ себѣ и занимательность повѣствованія о далекихъ краяхъ, и поучительность содержанія изъ области религіознаго благочестія, въ соединеніи съ элементами народнаго вымысла, апокрифа и легенды. Характерной особенностью этихъ описаній является также и то, что, касаясь предметовъ, интересовавшихъ и западныхъ нашихъ сосѣдей того времени, они выходятъ по своему историческому интересу за предѣлы собственно русской письменности и, въ извѣстныхъ частяхъ, являются цѣннымъ достояніемъ общеевропейской паломнической средневѣковой литературы.

Хожденіе русскихъ людей за предѣлы своего отечества съ благочестивой цѣлью поклоненія святынямъ ведутъ свое начало съ очень давняго времени. По преданію, преподобный Антоній, основатель Кіево-Печерскаго монастыря, совершилъ въ первой половинѣ XI вѣка путешествіе на Аеонъ, принявъ здѣсь постриженіе и благословеніе аеонскаго игумена на труды по распространенію пустынножительства въ русскихъ предѣлахъ. Θεодосій Печерскій мечталъ о путешествіи въ святыя земли, но это желаніе не получило осуществленія; есть извѣстіе, что современникъ Θεодосія, игумень Печерскій Варлаамъ совершилъ въ 1062 году паломничество въ Палестину. Въ XII вѣкѣ подобные случаи паломничества сдѣлались настолько часты, что вызвали даже осужденіе къ нимъ со стороны духовной власти: именно, въ извѣстномъ „Вопрошаніи“ Кирика, Саввы и Ильи (1130—1156) къ Новгородскому архіепископу Нифонту имѣются вопросы перваго и послѣдняго изъ нихъ о томъ, какъ

смотреть на слишком частыя путешествія къ святымъ мѣстамъ, на что Нифонтъ отвѣтилъ категорическимъ ихъ осужденіемъ: такія путешествія „губятъ“ землю, приучая людей къ праздности и тунеядству¹⁾). Конечно, Нифонтъ и его совопросники имѣли извѣстное основаніе смотреть такимъ образомъ на дѣло, но нельзя упускать изъ виду также и другой его стороны: путешествія въ чужія земли были въ ту пору важнымъ средствомъ общенія съ другими людьми, отвѣчали живой любознательности, будили мысль и расширяли опытъ. Едва ли можно сомнѣваться, что Нифонтъ имѣлъ въ виду т. ск. профессиональныхъ паломниковъ, особый типъ тѣхъ „каликъ переходящихъ“, которымъ народная поэзія придаетъ иногда столь внушительный, фантастическій образъ, но которые въ дѣйствительности нерѣдко бывали простыми нищими безъ роду и племени, безъ сѣмьи и хозяйства, побиравшимися именемъ Христовымъ, но въ массахъ небезопасными по пустыннымъ дорогамъ и во всякомъ случаѣ бесполезными для нормальной гражданской жизни. Въ силу внѣшнихъ общеній, самое имя „паломники“ и „калики“ иноземнаго происхожденія: первое находится въ связи съ западнымъ названіемъ „palmati“, „palmarii“, какъ назывались тамъ эти путешественники, потому что приносили съ собой изъ путешествія на память о святыхъ мѣстахъ пальмовыя вѣтви, а второе ведетъ свое начало, вѣроятно, отъ названія (caligae, καλιχοι) обуви „калига“, извѣстнаго въ старомъ русскомъ языкѣ и помимо примѣненія его въ паломничествѣ²⁾).

Путешествія русскихъ людей къ святымъ мѣстамъ, главнымъ образомъ въ Палестину и до половины XV вѣка въ Царьградъ, проходятъ длинной цѣпью черезъ рядъ вѣковъ, захватывая собою даже XVIII столѣтіе; описанія этихъ путешествій, сдѣланныя людьми самага разнообразнаго общественнаго положенія, образуютъ собою ту паломническую литературу, которая является однимъ изъ самыхъ устойчивыхъ видовъ въ литературной жизни старой Руси. Въ этомъ стремленіи русскихъ людей заглянуть за предѣлы своей земли, къ религіознымъ побужденіямъ, съ теченіемъ времени, присоединяется торговая предприимчивость, какъ у Аванасія Никитина въ XV вѣкѣ, или соображенія государственной необходимости, какъ это было въ самомъ концѣ XVII в., причемъ ареной путешествій дѣлаются уже совсѣмъ другія мѣста чужеземнаго міра.

Памятниками паломнической литературы XII вѣка являются труды игумена Даниила, побывавшаго въ Палестинѣ, и архіепископа Новгородскаго Антонія, совершившаго путешествіе въ Царьградъ.

Хожденіе игумена Даниила. Игумень Данииль оставилъ намъ свое „Хожденіе“, въ которомъ описываетъ совершенное имъ путешествіе черезъ Царьградъ въ Святую Землю и обратно: путь по русской землѣ не вхо-

1) Памятники древне-русскаго каноническаго права. Ч. I. Спб. 1880, с. 27. 61—62.

2) Срезневскій, И. Словарь, I. 1181—1182.

дить въ это описаніе, которое касается отчасти Царьграда, главнымъ образомъ Палестины и морского пути въ ту и другую сторону, съ городомъ Ефесомъ, о. Кипромъ и т. п.

Мы почти ничего не знаемъ о жизни этого перваго нашего писателя-паломника, кромѣ того, что онъ былъ игуменомъ какого-то монастыря или, какъ онъ называется въ рукописяхъ Хожденія, „русскія земли игумень“. По упоминанію въ его описаніи рѣки Снови, первый изслѣдователь этого писателя митр. Евгеній (въ журналѣ „Другъ Просвѣщенія“ Ч. I. 1806, мартъ, с. 266—267) сдѣлалъ догадку, что онъ происходилъ изъ Черниговской области, такъ какъ рѣка съ этимъ именемъ имѣется недалеко отъ Чернигова; однако рѣка съ такимъ именемъ есть, напр., и въ нынѣшней Воронежской губерніи. При поминовеніи о здравіи русскихъ князей, Данииль, наряду съ главными князьями, упоминаетъ и незначительныхъ князей Полоцко-Минскихъ, что также могло бы дать намекъ на какое-нибудь отношеніе его къ Полоцко-Минскому княжеству, находившемуся въ сосѣдствѣ съ Черниговской областью. Еще менѣе опредѣленно другое указаніе: въ описаніи чуда, совершившагося въ ночь на Пасху при святомъ гробѣ, Данииль ссылается, между прочимъ, на случившихся тутъ „новгородцевъ“ и „клянъ“, противопоставляя ихъ своей „дружинѣ“. Это можетъ указывать развѣ только на то, что онъ не былъ ни изъ Кіева, ни изъ Новгорода. Впрочемъ, Данииль въ путешествіи по чужимъ землямъ, повидимому, и самъ на время забылъ о какомъ-либо мѣстномъ своемъ происхожденіи; вездѣ онъ чувствуетъ себя просто „русскимъ“: съ разрѣшенія „князя Балдина“, онъ ставитъ у гроба Господня „кандило“ „отъ всея русскія земли“. Время странствованія Даниила скорѣе поддается опредѣленію: по мнѣнію М. А. Веневитинова, Данииль былъ въ Палестинѣ между 1106 и 1108 годами¹⁾. По собственному свидѣтельству Даниила, онъ пробылъ въ Іерусалимѣ 16 мѣсяцевъ, живя въ лаврѣ св. Саввы, пользуясь тамъ гостепримнымъ пріютомъ и совершая оттуда небольшія путешествія по святымъ мѣстамъ.

Изъ описанія путешествія можно заключить, что игумень Данииль былъ далеко не дюжиннымъ паломникомъ въ Св. Землю. Путешествовалъ онъ не одинъ, а со свитой („дружиной“), которую, повидимому, взялъ съ собою изъ Россіи; изъ этой дружины онъ упоминаетъ нѣсколько разъ о какомъ-то Сѣдеславѣ Иванковичѣ. Изъ текста Хожденія не видно, чтобы Данииль былъ кѣмъ-нибудь посланъ въ Палестину; вѣроятно же, что онъ отправился туда по собственному побужденію. Въ Палестинѣ онъ поставилъ себя, въ глазахъ властей, въ положеніе выдающееся и почетное; онъ не разъ упоминаетъ, что видѣлъ много такого, чего не надѣялся увидѣть; его пускали туда, куда другихъ не пускали. Самъ король Іерусалимскій Балдуинъ (1100—1118), во власти котораго находилась въ то время Палестина, оказывалъ ему особое вниманіе и, напр., на торжествѣ

1) Православный Палестинскій Сборникъ. Т. I, вып. 3, с. 149.

чудеснаго „исхожденія св. Духа“ поставилъ его въ церкви возлѣ себя, на весьма почетномъ мѣстѣ, рядомъ съ немногими другими. Даниилъ располагалъ вполне достаточными денежными средствами въ путешествіи и не жалѣлъ денегъ на раздачу проводникамъ за ихъ труды и сообщенія. Кромѣ того, ему посчастливилось въ лаврѣ св. Саввы найти „мужа святого и стараго деньми и весьма книжнаго“, который полюбилъ русскаго паломника и принесъ ему великую пользу въ ознакомленіи съ Іерусалимомъ и всей Св. Землей.

Хожденіе Даниила представляетъ собою въ литературномъ отношеніи памятникъ весьма замѣчательный. Услѣдить полный процессъ его обработки представляется очень труднымъ, такъ какъ памятникъ дошелъ до насъ во множествѣ рукописей довольно позднихъ, не старѣе XV вѣка, и, вѣроятно, подвергся значительной переработкѣ сравнительно съ первоначальнымъ своимъ видомъ. Повидимому, игумень вель, по мѣрѣ движенія въ дорогѣ, путевыя замѣтки и потомъ уже придавалъ имъ окончательную форму. Судя по этой формѣ, насколько мы ее знаемъ, авторъ не ставилъ передъ собою какого-либо опредѣленнаго литературнаго плана въ своемъ произведеніи; его сочиненіе производитъ впечатлѣніе отрывочности и несоразмѣрности въ частяхъ, но это — порядокъ самый естественный для такого содержанія, съ какимъ является передъ нами трудъ игумена Даниила. Самой обширной статьей является рассказъ „О свѣтѣ святомъ, како сходитъ съ небесе къ гробу Господню“; другія имѣютъ меньшій объемъ и расположены въ общемъ согласно топографическому порядку отдѣльныхъ моментовъ путешествія. Придерживаясь этого порядка въ своемъ рассказѣ, Даниилъ мѣряетъ болѣе крупныя разстоянія „верстами“, а мелкія — какъ „двадцати дострѣлти гораздо“ или „яко можно доверечи (добросить) каменемъ малымъ“ и т. п. Обозначенія эти сдѣланы были описателемъ съ величайшей добросовѣстностью и получили впоследствии большую цѣну для топографическаго изученія Палестины, существенно дополняя собою свѣдѣнія о тѣхъ же предметахъ, переданныя западными путешественниками, вродѣ Аркульфа, Виллибальда, Епифанія, Зевульфа и др. ¹⁾

Кругъ интересовъ нашего путешественника, поскольку онъ отразился въ Хожденіи, по преимуществу религиозный: онъ говоритъ о святыхъ мѣстахъ и предметахъ, приводитъ соответствующія о нихъ воспоминанія и рассказы. Но нельзя сказать, чтобы другіе предметы его совершенно не интересовали. Напр., объ островѣ Ахіи онъ замѣчаетъ, что „въ томъ островѣ рождается мастика и вино доброе и овощъ всякій“ (по изд. Вене-

1) См. о Даниилѣ, какъ писателѣ, отзывъ проф. I. H. Zappa: Neue archi-tectonische Studien und historisch-topographische Forschungen in Palästina. 1867. (Пыпинъ. И. Р. Л. I, 372). Столь же высоко оцѣниваетъ трудъ Даниила и новѣйшій англійскій изслѣдователь: The oldest monument of russian travel, by C. Raymond Beazley. Transactions of the Royal Historical Society. New series. Vol. XIV (1900), с. 175—185.

в и т и н о в а, с. 6); на Фаворской горѣ онъ отмѣтилъ „смоковъ, рожьци и масличіе много зѣло“ (с. 110); въ окрестностяхъ Јерихона „земля добра и многоплодна, и поле красно и равно, и около его финици мнози стоятъ, высоци и всякая дресеса многоплодовита суть“ (с. 50), а о горѣ Хевронъ онъ выразился такимъ образомъ: „поистинѣ есть земля та Богомъ обѣтованна и благословена есть отъ Бога всѣмъ добромъ: пшеницею и виномъ и масломъ и всякимъ овроцомъ обильна есть зѣло, и скотомъ умножена есть; и овци бо и скоти дважды ражаются лѣтомъ, и пчелами увязло ту есть въ каменіи по горама тѣмъ краснымъ; суть же и виногради мнози по пригоріемъ тѣмъ и дресеса многоовощная стоятъ безъ числа, масличіе, смокви, и рожьци, и яблони, и черешни, инородія (гроздія) и всякій овроць ту есть; и есть овроць тѣ лучи и болій всѣхъ оврошей сущихъ на земли подь небесемъ, нѣсть такого овроца нигдѣ же“ (с. 72—73). Тутъ уже прямо виденъ человекъ неравнодушный къ хозяйству.

Условія собиранія Даниломъ свѣдѣній о священныхъ мѣстахъ и предметахъ, время, когда онъ жилъ, и самая личность паломника были причиною того, что въ эти рассказы въ значительной степени внесены легендарный и апокрифическій элементъ, что придаетъ „Хожденію“ Данила высокой интересъ, какъ памятнику литературы¹⁾. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что немалую долю легендарно-апокрифическаго элемента внесъ въ его рассказы „книжный“ и опытный спутникъ Данила изъ монастыря св. Саввы. Рассказы эти вращаются вокругъ главнѣйшихъ лицъ и событій какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ²⁾.

Конечно, въ центрѣ этихъ рассказовъ стоитъ личность Іисуса Христа. Авторъ сообщаетъ о поклоненіи волхвовъ въ пещерѣ — тогда какъ еван-

1) Здѣсь полезно припомнить соображенія А. Н. Веселовскаго о томъ, какъ слагалась психологія средневѣковаго европейскаго, а также отчасти и русскаго, паломника въ святаыя земли: „Къ тому, что онъ слышалъ на мѣстѣ отъ словоохотливыхъ вожаковъ или набожныхъ монаховъ, его издавно приговляло чтеніе въ области легендъ, апокрифическихъ рассказовъ и древнихъ хождений. Читанное и усвоенное смѣшивалось въ немъ со слышаннымъ и видѣннымъ на мѣстѣ, такъ что трудно бываетъ выдѣлить одно изъ другого“. Соответственно этой обстановкѣ возникали и складывались тѣ палестинскія легенды, которыми наполнены описанія паломническихъ хождений: „Ихъ поэзія коллективная; въ основѣ ихъ могли находиться древнія мѣстныя памяти, указывавшія на тотъ или другой эпизодъ евангельской повѣсти, а каждый изъ этихъ эпизодовъ входилъ, въ свою очередь, въ связь съ другими, связь личнo-біографическую или излюбленную — прообразовательную, усматривавшую въ фактахъ, повидимому не стоящихъ другъ съ другомъ ни въ какихъ отношеніяхъ, выраженіе одной и той же, послѣдовательно выяснявшейся идеи“. Къ вопросу объ образованіи мѣстныхъ легендъ въ Палестинѣ. Ж. М. Н. Пр. 1885 № 5, с. 171. 173.

2) Подробный обзоръ ихъ сдѣланъ въ статьѣ П. Заболотскаго „Легендарный и апокрифическій элементъ въ Хожденіи иг. Данила“: Русскій Филологическій Вѣстникъ 1899 № 1—2 с. 220—237, № 3—4 с. 237—273.

гелисты помѣщаютъ это событіе просто въ домѣ — и о томъ, что въ моментъ посѣщенія волхвовъ Христу уже было два года, о чемъ евангелисты совершенно умалчиваютъ; первое указаніе находится въ распространенномъ на славянской почвѣ апокрифическомъ „Первоевангеліи Іакова“, второе въ т. наз. „Псевдо-Матѳеѣ“. Рассказывается далѣе о томъ, что Іисусъ собственными руками совершилъ погребеніе Іосифа-Обручника, о возвращеніи Іордана вепять въ моментъ крещенія Господня; опредѣляется точно мѣсто искушенія Христа дьяволомъ (пещера „въ горѣ Гаваонской“, вмѣсто евангельской „пустыни“); указывается мѣсто предательства Христа Іудой также въ особой „пещерѣ“, вмѣсто сада. Эти указанія на „пещеры“, не во всемъ подтверждаемыя извѣстными доселѣ памятниками апокрифической письменности, но распространенныя среди русскихъ и иноземныхъ паломниковъ позднѣйшаго времени, возникали, вѣроятно, на мѣстѣ, помѣщая на опредѣленныхъ мѣстахъ тѣ или другія событія при разсказѣ о нихъ благочестивымъ путешественникамъ. Точно также несогласно съ евангельскимъ текстомъ передаются и другіе моменты изъ жизни Спасителя — его чудеса, страданія и смерть. Изъ распространеннаго круга прообразовательныхъ апокрифическихъ сказаній мы встрѣчаемъ у Даніила разсказъ о видѣнномъ имъ камнѣ, подъ которымъ лежитъ „глава первозданнаго Адама“; посреди этого камня высѣчена скважина, въ которой водруженъ былъ крестъ Господень, и когда Христосъ висѣлъ на крестѣ, то истекавшая изъ тѣла кровь и вода омыли главу Адама, а вмѣстѣ въ нею и грѣхи всего человѣчества. Лицезрѣніе храма, построеннаго на мѣстѣ воскресенія Христа, вызываетъ у Даніила сообщеніе о „пупѣ земли“, который будто бы находится внѣ стѣны, за алтаремъ этого храма. Цѣлый рядъ сказаній, передаваемыхъ Даніиломъ, касается Богородицы: напр., недалеко отъ Назарета Даніиль указываетъ на колодець, у котораго Дѣвѣ Маріи впервые явился архангелъ, что также имѣется въ „Первоевангеліи“ Іакова; рассказываетъ о подробностяхъ ночлега Св. Семейства во время бѣгства въ Египеть, о смерти Богородицы и пр. Въ меньшей степени, но все-же останавливали на себѣ вниманіе Даніила и событія-воспоминанія изъ Ветхаго Завѣта: о Мельхиседекѣ, Даніилѣ, Моисеѣ, Давидѣ и т. д. Вообще съ этой стороны разсказъ игумена Даніила чрезвычайно богатъ содержаніемъ, глубоко интересовавшимъ его современниковъ и читателей „Хожденія“.

Впрочемъ, въ трудѣ Даніила привлекало читателей не одно содержаніе, но и самая личность автора, его замѣчательная искренность, чистосердечіе и глубоко-прочувствованный тонъ всего разсказа (ср., напр., вступительныя слова передъ описаніемъ Іерусалима: с. 14—15; описаніе Содомскаго или Мертваго моря: с. 56; описаніе труднаго и опаснаго пути къ Хеврону: с. 69).

Какую цѣль имѣлъ Даніиль, рѣшившійся не ограничиться посѣщеніемъ святыхъ мѣстъ, а сдѣлать имъ подробное описаніе? На это онъ самъ даетъ вполне опредѣленный отвѣтъ: съ одной стороны, онъ поже-

лалъ закрѣпить письмомъ свои впечатлѣнія, „дабы не забыть было то, еже ми показа Богъ видѣти недостойному“, а съ другой — онъ надѣялся, что его трудъ прочтутъ и другіе „вѣрніи люди“ „на спасеніе своей души“ и „примутъ равную мѣду отъ Бога“ съ тѣми, кто, какъ онъ самъ, удостоились личнаго посѣщенія Св. Земли, причѣмъ онъ пользуется случаемъ высказать тутъ свое осужденіе по адресу тѣхъ изъ паломниковъ, которые, „вознесеша умомъ своимъ“, поставляютъ себѣ въ какую-то особую личную заслугу подобное путешествіе (с. 2—3).

Заслуживаетъ вниманія судьба этого памятника въ нашей древней литературѣ. „Хожденіе“ (или иначе „Странникъ“, „Паломникъ“, „Сказаніе“, „Житіе и хожденіе“) дошло до насъ въ огромномъ количествѣ списковъ, писанныхъ на протяженіи XV—XIX вѣковъ; число ихъ теперь насчитывается до 90¹⁾. Въ отдѣльномъ видѣ по рукописямъ памятникъ этотъ встрѣчается чрезвычайно рѣдко, являясь почти исключительно въ разнаго рода сборникахъ. Наблюдая составъ этихъ сборниковъ, мы получаемъ довольно отчетливое представленіе о той роли, которую играло „Хожденіе“ въ разное время среди древне-русскихъ читателей: въ XV вѣкѣ и, вѣроятно, раньше оно служило какъ бы справочной книжкой или гидомъ для богомольцевъ, отправлявшихся въ Иерусалимъ; въ XVI в. взглядъ на него колебался между понятіемъ справочной книжки и исторической записки о Палестинѣ, такъ какъ практическимъ требованіямъ богомольцевъ гораздо лучше удовлетворяли уже болѣе современныя описанія Палестины; напр. сочиненіе Трифона Коробейникова, получившее чрезвычайное распространеніе; въ XVII и XVIII вв. этотъ взглядъ на Даниилово Хожденіе, какъ на историческую записку, уже окончательно устанавливается, и съ этой цѣлью назидательнаго чтенія продолжаютъ заносить его въ свои рукописные сборники любители такого рода занятій; въ XIX вѣкѣ къ этому памятнику возбуждается уже научный интерес²⁾, и въ 1837 году появляется первое его изданіе.

Лучшее изданіе „Хожденія“ игумена Даниила принадлежитъ М. А. Веневитинову, составляя 3 вып. I-го тома „Православнаго Палестинскаго Сборника“ (Спб. 1883); изъ болѣе раннихъ имѣетъ наибольшую цѣну изданіе Археографической Комиссіи, подъ редакціей А. С. Норова (Спб. 1864). Веневитинову же принадлежитъ и очень хорошее, впрочемъ не оконченное, изслѣдованіе объ этомъ памятникѣ, въ „Лѣтописяхъ Занятій Археографической Комиссіи“, вып. VII (1884), с. 1—138.

Паломникъ архіепископа Антонія. „Паломникъ“ Антонія, архіепископа Новгородскаго, также представляетъ собою памятникъ довольно замѣчательный, хотя по своимъ размѣрамъ, характеру изложенія и по своей литературной судьбѣ онъ не можетъ равняться съ произведеніемъ игумена Даниила.

1) Владиміровъ. Др.-русс. лит., с. 213—214.

2) См. объ этомъ: Русскій, Н. Свѣдѣнія о рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ Хожденіе въ Святую Землю русскаго игумена Даниила въ нач. XII вѣка. Чтенія Общ. Ист. и Др. Росс. 1891, кн. 3.

Личность Антонія въ церковной исторіи Новгорода достаточно извѣтна. До поступленія въ монашество онъ носилъ имя Добрыни Ядрейковича (Андрейковича) и, какъ одинъ изъ благочестивыхъ обывателей Новгорода, находился, повидимому, въ дружескихъ отношеніяхъ съ преп. Варлаамомъ Хутынскимъ. Свое путешествіе въ Царьградъ онъ совершилъ, еще въ свѣтскомъ званіи, въ 1200 году. Сколько времени пробылъ путешественникъ въ Царьградѣ, съ точностью опредѣлить невозможно: одни предполагаютъ, что не менѣе года, другіе — до 1204 года, третьи — до 1211 года. Никакихъ свѣдѣній о самомъ пути Добрыни отъ Новгорода до Царьграда и обратно, а равно и о времени его возвращенія въ Новгородъ, мы не имѣемъ; правда, I Новгородская лѣтопись говоритъ о возвращеніи Добрыни подъ 1211 годомъ, но текстъ этого сообщенія не достаточно ясенъ и вызываетъ сомнѣнія относительно его толкованія. Вернувшись изъ Царьграда, Добрыня черезъ нѣкоторое время удалился въ Спасскій Хутынской монастырь и принялъ здѣсь постриженіе подъ именемъ Антонія. Когда въ 1211 году Новгородскій архіепископъ Митрофанъ былъ лишень своей кафедры, на его мѣсто былъ избранъ, очевидно уже сдѣлавшійся довольно извѣстнымъ къ тому времени, Антоній. Служеніе его въ санѣ Новгородскаго архіепископа было не прочно: ему пришлось нѣсколько разъ покидать свою кафедру вслѣдствіе перемѣны въ новгородскихъ симпатіяхъ къ нему, претензій на это мѣсто другихъ кандидатовъ и вмѣшательства Кіевскаго митрополита; послѣ троекратнаго вступленія во власть, Антоній въ 1227 году, уже больной, окончательно удалился въ свой любимый Хутынской монастырь на покой и умеръ здѣсь 8 октября 1231 года.

Первое извѣстіе о сочиненіи Добрыни-Антонія сообщено было П. М. Строевымъ въ „Журн. М. Н. Пр.“ въ 1834 году, но самый текстъ „Паломника“ изданъ впервые лишь въ 1872 году П. И. Савваитовымъ на средства Археографической Комиссіи. Издателю извѣстенъ былъ только одинъ списокъ этого памятника, писанный — по опредѣленію Савваитова — не позже начала XV вѣка. Съ того времени сдѣлалось извѣстнымъ еще пять списковъ „Паломника“, на основаніи которыхъ и появилось новое, превосходное въ научномъ отношеніи, изданіе этого памятника въ 51-мъ выпускѣ „Православнаго Палестинскаго Сборника“, подъ редакціей и съ обширной вводной статьёй Х. М. Лопарева (Спб. 1899). Новый издатель считаетъ время написанія списка, послужившаго оригиналомъ для изданія Савваитова, не ранѣе XVI вѣка: другіе списки онъ относитъ къ XVI—XVIII вв., а въ основу своего изданія кладетъ списокъ А. И. Яцимирскаго XVI вѣка, пользуясь другими списками для варьянтовъ. „Паломникъ“ Добрыни-Антонія, сравнительно съ трудомъ игумена Даниила, очень кратокъ по содержанію и сухъ по изложенію, что и дало поводъ Е. Е. Голубинскому произнести надъ нимъ весьма суровый приговоръ. Этотъ историкъ полагаетъ, что сочиненіе Антонія есть не описаніе христіанскихъ достопримѣчательностей Константинополя,

а лишь указатель къ обзорѣнью святынь послѣдняго, да и то — указатель „неумудренный“, не представлявшій ни малѣйшаго интереса для чтенія ¹⁾. Но едва ли можно присоединиться въ полной мѣрѣ къ такому отрицательному отзыву. „Паломникъ“, правда, интересуется исключительно святынями Царьграда, описываетъ ихъ весьма сжато, почти въ видѣ простого перечня, но въ историческомъ отношеніи его извѣстія имѣютъ высокую цѣну: Антоній посетилъ Царьградъ не задолго до взятія его крестоносцами (въ 1204 году), видѣлъ знаменитый храмъ св. Софіи во всемъ его блескѣ, со всѣмъ неисчерпаемымъ богатствомъ драгоценностей, и описаніе послѣднихъ занесъ въ свое сочиненіе по мѣрѣ разумѣнія; показанія его въ нѣкоторыхъ случаяхъ являются даже единственными. Другія части его описанія не чужды замѣтокъ и указаній, подавшихъ поводъ — подобно труду игумена Даниила — къ любопытнымъ соображеніямъ и домысламъ изъ области литературной, въ частности апокрифической, старины: напр., чудеса 17 февраля и 21 мая 1200 года, имѣвшія мѣсто въ церкви Богородицы и въ храмѣ св. Софіи въ Царьградѣ, преданіе касательно чернеца Константина, легенда о св. Зотикѣ. Наконецъ, онъ даетъ нѣсколько единственно у него имѣющихся свѣдѣній о разныхъ историческихъ лицахъ частью изъ византійской, а главнымъ образомъ изъ русской исторіи: объ Ольгѣ, Борисѣ и Глѣбѣ, о русской княгинѣ Ксеніи, о посольствѣ въ Царьградъ Волынскаго князя Романа и др. ²⁾.

Конечно, Добрыня-Антоній является въ своемъ трудѣ такимъ же благочестивымъ паломникомъ, проникнутымъ благоговѣйнымъ чувствомъ ко всему имъ видѣнному по части святынь, какъ и Даниилъ. Но, съ одной стороны, царьградскія святыни не могли заключать въ себѣ такого глубоко захватывающаго интереса, какъ палестинскія, а съ другой — и самая натура Добрыни-Антонія, менѣе экспансивная и восторженная, сдѣлала его рассказъ въ значительной степени лишеннымъ тѣхъ качествъ, которыя создаютъ популярность въ широкой средѣ читателей. Кромѣ того, цѣльности впечатлѣнія отъ памятника могло вредить и то, что онъ созданъ — какъ надо думать — въ два пріема, имѣлъ двѣ редакціи, изъ которыхъ одна написана до взятія Царьграда крестоносцами въ 1204 году, а другая — рукою самого же автора — составлена послѣ того, когда онъ узналъ объ этомъ событіи, и повидимому не была имъ окончена ³⁾. М. б. этими обстоятельствами и слѣдуетъ объяснить гораздо меньшую распространенность „Паломника“ Добрыни-Антонія сравнительно съ трудомъ игумена Даниила. Оба эти труда, посвященные двумъ главнѣйшимъ

1) Исторія русской церкви. Т. I, перв. пол., 2 изд., с. 837—838.

2) Предисловіе Х. М. Лопарева къ его изданію „Паломника“, с. XXXVII—CXXXI. Цѣнный историко-археологическій комментарий къ сообщеніямъ Антонія даетъ работа проф. Д. В. Айналова: Примѣчанія къ тексту книги „Паломникъ“ Антонія Новгородскаго, Ж. М. Н. Пр. 1906 № 6 и 1908 № 11.

3) Предисловіе Х. М. Лопарева, с. XIX—XXI.

7. Нѣсколько замѣчаній о переводной литературѣ. Апокрифы.

Переводная литература. — Апокрифы и отреченныя книги. — Индексъ въ южно-славянской и русской письменности. — Трудность хронологическаго приуроченія апокрифовъ и отреченныхъ книгъ на русской почвѣ. — Общія заключенія о литературѣ древнѣйшей эпохи.

До сихъ поръ въ нашемъ обзорѣни рѣчь шла о такихъ памятникахъ, происхожденіе которыхъ на русской почвѣ является болѣе или менѣе достовѣрнымъ. Но оригинальныя произведенія въ разсматриваемую эпоху составляли лишь небольшую часть всего объема русской письменности; гораздо больше было переводовъ. И это вполне естественно: разнообразныя умственныя и нравственно-религіозныя потребности вызваннаго со введеніемъ христіанства къ новой жизни русскаго народа потребовали сразу и довольно обширной литературы, которая не могла быть создана на мѣстѣ, и на помощь этому пришла Византія — черезъ посредство южныхъ славянъ, гдѣ уже былъ богатый запасъ разнаго рода переводовъ съ греческаго, особенно въ Болгаріи въ знаменитую эпоху царя Симеона въ X вѣкѣ. Усвоеніе этого запаса, въ виду общности литературнаго языка, не представляло для русскихъ людей большой трудности; кое-что переведено было съ греческаго и въ Россіи. Количество этихъ переводовъ, оказавшихся въ распоряженіи русскаго читателя въ первые вѣка русской письменности, было такъ значительно, что, напр., по мнѣнію А. И. Соболевскаго, въ это время русскіе уже могли читать „почти всѣ тѣ южно-славянскіе переводы IX—X вѣковъ, которые мы знаемъ по дошедшимъ до насъ спискамъ“¹⁾. Однако подсчитать, хотя бы съ приближительной точностью, какія литературныя переводныя произведенія имѣли мы, напр., къ концу XII вѣка, представляется въ настоящее время невозможнымъ. Въ общемъ обзорѣни этого отдѣла нашей литературы хронологическія грани приходится оставить въ сторонѣ, и въ такомъ именно

1) Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вѣковъ. Спб. 1903, с. V. Въ другомъ своемъ трудѣ тотъ же авторъ, основываясь на лексическихъ данныхъ, представилъ перечень переводовъ разнообразнаго содержанія, совершенныхъ въ Россіи съ греческаго языка въ до-монгольскую эпоху: А. Соболевскій. Матеріалы и изслѣдованія въ области славянской филологіи и археологіи. Спб. 1910, с. 162—177.

видъ распредѣленія лишь по отдѣламъ относительно содержанія обзоръ переводныхъ произведеній первыхъ вѣковъ нашей письменности (до монгольской) данъ у П. В. Владимірова¹⁾. Тутъ мы находимъ: книги Св. Писанія, сочиненія отцовъ церкви (Іоаннъ Златоустъ, Василій Великій, Григорій Богословъ, Ефремъ Сиринъ, Феодоръ Студитъ, Феодоръ Кирскій, Никонъ Черногорецъ и др.), хронографы (Іоаннъ Малала, Георгій Амартоль, Константинъ Манассія и пр.), минеи, прологи, патерики²⁾, „Физиологъ“, „Пчелу“³⁾ и т. п. Впрочемъ, хронологическія рамки этого перечня далеко не являются безспорными. Несомнѣнными свидѣтелями наличности переводовъ, кромѣ текстовъ Св. Писанія, прологовъ и пр., являются для XI—XII вв. такія произведенія нашей письменности, какъ оба Изборника Святослава 1073 и 1076 гг., извѣстный сборникъ Успенскаго Собора XII в. и т. п.

Большая часть переводныхъ произведеній русской письменности XI—XII вв. стоитъ въ сторонѣ отъ интересовъ историко-литературнаго изученія, отходя въ исторію языка или въ область различныхъ вопросовъ церковной исторіи, права; въ крайнемъ случаѣ, историкъ литературы можетъ включить ихъ въ кругъ своего наблюденія лишь съ точки зрѣнія литературныхъ пріемовъ нашихъ старыхъ книжниковъ-переводчиковъ или общаго характера тогдашнихъ потребностей въ области книжныхъ интересовъ. Но есть среди переводныхъ произведеній одинъ отдѣлъ, литературная цѣнность котораго весьма велика. Это т. наз. „апокрифы“ и „отреченныя книги“. Въ предшествующемъ обзорѣ оригинальныхъ произведеній письменности намъ не разъ приходилось, въ отдѣльныхъ случаяхъ, указывать на этотъ родъ литературы, напр. при опредѣленіи письменныхъ источниковъ Начальной Лѣтописи или при характеристикѣ „Хожденія“ игумена Даниіла. Будучи весьма популярными, апокрифы входили частями или цѣликомъ въ произведенія оригинальнаго происхожденія; нерѣдко они оставляли въ нихъ свои слѣды отдѣльными фразами, едва замѣтными оттѣнками, которые могутъ быть вскрыты лишь при весьма внимательномъ наблюденіи. Такая роль апокрифовъ въ произведеніяхъ древнѣйшей нашей письменности являлась преимущественно результатомъ усвоенія апокрифическаго содержанія на память, подобно памятникамъ народной поэзіи, въ которую апокрифы также входили, какъ составная часть.

Но что надо разумѣть подъ самымъ названіемъ „апокрифа“ и „отреченной книги“?

Названія эти отнюдь не тождественны по своему значенію: не всякій апокрифъ есть отреченная книга, и не всякая отреченная книга, есть апокрифъ. „Апокрифъ“ (*ἀποκρυφος*) первоначально обозначалъ нѣчто скрытое,

1) Древняя русская литература, с. 10—52.

2) Болѣе подробный перечень ихъ см. у Абрамовича: Исслѣдованіе о Кіево-Печерскомъ Патерикѣ, с. 131—141.

3) Подробное исслѣдованіе этого памятника на русской почвѣ имѣется въ капитальномъ трудѣ М. Н. Сперанскаго: Переводные сборники изреченій въ славяно-русской письменности. Исслѣдованіе и тексты. М. 1904, с. 263—329.

тайное, таинственное. Тайное или таинственное въ книжной области имѣлось еще и до христіанства, а въ первые вѣка христіанства это понятіе получило широкое приложеніе: апокрифами или апокрифическими книгами стали называться очень рано такія произведенія, которыя, касаясь церковныхъ сюжетовъ, по разнымъ причинамъ не почитались на ряду съ т. наз. богодухновенными книгами. Точнаго опредѣленія, въ отношеніи содержанія, апокрифическихъ книгъ церковь не установила; разными лицами или авторитетами и въ разное время однѣ и тѣ же книги считались апокрифическими и не считались. Апокрифическія книги издавна были и въ Ветхомъ, и въ Новомъ Завѣтѣ. Весьма рано также наметилась потребность официально признать нѣкоторые апокрифы т. е. вредными для христіанина-читателя, поставить ихъ въ число книгъ „запрещенныхъ“ или „отреченныхъ“ (*ἀπόρρητα*), „ложно-написанныхъ“ (*ψευδοπίγραφα*): такъ возникъ знаменитый вѣдѣній „индексъ“ подобныхъ книгъ, имѣвшій свою длинную и весьма любопытную исторію. Итакъ: апокрифъ — это всякая книга, рассказывающая о ветхозавѣтныхъ или новозавѣтныхъ событіяхъ и не признанная въ составъ „канона“, а отреченная — это книга, признанная церковнымъ авторитетомъ вредной и потому внесенная въ въ „индексъ“; но въ индексъ входили и въ собственномъ смыслѣ неапокрифическія книги, равно какъ и нѣкоторые апокрифы не нашли себѣ мѣста въ индексѣ.

„Канонъ“ священныхъ книгъ, т. е. совершенно опредѣленный кругъ сочиненій богодухновенныхъ, не былъ наслѣдіемъ апостольскаго вѣка, какъ это было бы естественно думать. Онъ начинается лишь со II вѣка христіанской эры. Главнѣйшимъ побужденіемъ къ этому были ереси, волновавшія христіанскую церковь особенно въ II—IV вѣкахъ, когда была постоянная нужда въ авторитетныхъ ссылкахъ, а между тѣмъ появлялись сочиненія явно „ложно-написанныя“. Многіе отцы церкви (напр., Евсевій, Кириллъ Іерусалимскій, Григорій Богословъ) посвящали свои труды опредѣленію этого „канона“, при чемъ всякая не упомянутая въ немъ книга должна была считаться „ложной“ и „отреченной“. Вмѣстѣ съ этимъ очень рано возникли попытки и перечня „апокрифическихъ“ книгъ — въ смыслѣ ихъ ложности и отреченности сравнительно съ книгами подлинно каноническими: однимъ изъ самыхъ раннихъ является перечень, приписываемый Анастасію Синаиту (VI в.). Затѣмъ, оба эти перечня соединялись, для удобства пользованія ими и для наглядности, въ одно произведеніе, и т. о. получался „индексъ“ книгъ истинныхъ и ложныхъ“. Это т. е. двустороннее произведеніе имѣло свое главное распространеніе на славянской почвѣ, куда, съ просвѣщеніемъ славянъ христіанской вѣрой, широкимъ потокомъ нахлынули вмѣстѣ съ „истинными“ книгами и многія „ложныя“, не только въ качествѣ источниковъ вѣры, но и какъ средства просвѣщенія и какъ памятники литературы.

Въ связи съ упомянутымъ перечнемъ Анастасія Синаита находится и древнѣйшій южно-славянскій индексъ апокрифическихъ и отреченныхъ

книгъ, возникшій, вѣроятно, не позднѣе первой половины XI вѣка: въ немъ есть замѣчательная ссылка на обличительное посланіе константинопольскаго патріарха Сисинія (994—997) противъ болгарскаго „попа Іереміа“ еретика. Этотъ древнѣйшій славянскій индексъ имѣется въ Номоканонѣ XIV в. изъ собранія Погодина № 31 и оттуда впервые напечатанъ А. Н. Пыпинымъ въ I вып. „Лѣтописи Занятій Археографической Комиссіи“ (Спб. 1862), с. 26—27. Списокъ или „канонъ“ однѣхъ только истинныхъ книгъ встрѣчается на русской почвѣ гораздо раньше, напр. въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 года; но и для списка ложныхъ, или отреченныхъ, книгъ мы вправѣ предполагать болѣе раннее его существованіе, чѣмъ XIV вѣкъ, такъ какъ уже въ первые три вѣка русской церковной жизни нужда въ такомъ перечнѣ несомнѣнно ощущалась.

Весьма замѣчательно, что этотъ древнѣйшій изъ южно-славянскихъ индексовъ ложныхъ книгъ обнаруживаетъ черты значительной независимости отъ подобныхъ же произведеній византійской литературы: въ немъ есть указаніе на такія книги, упоминанія которыхъ нѣтъ ни въ одномъ изъ извѣстныхъ доселѣ греческихъ индексовъ, напр. Вопросы Іоанна Богослова къ Аврааму на горѣ Елеонской, Епистолія о недѣль, Хожденіе Богородицы по мукамъ, Првнїе дьявола со Христомъ, О Соломонѣ и Китоврасѣ басни и кощуны и пр.¹⁾

Южно-славянскій индексъ послужилъ точкой отправленія для не менѣе самостоятельнаго развитія подобнаго индекса на русской почвѣ и примѣнительно къ условіямъ русскаго литературнаго развитія. Въ Молитвенникѣ митрополита Кипріана (XIV в.) къ южнославянскому перечню, извѣстному по Погодинскому Номоканону, прибавленъ еще отдѣлъ „боготметныхъ и ненавидимыхъ“ книгъ, подъ которыми разумѣются гадательныя книги. Это уже весьма существенное измѣненіе въ содержаніи индекса: къ неканоническимъ книгамъ церковнаго содержанія присоединены и свѣтскія; т. о., къ книгамъ неканоническимъ приравнялись разнаго рода суевѣрія, вродѣ „громовника“, гаданія по полету птицъ и пр. Въ дальнѣйшей исторіи развитія русской „статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ“ эта особенность удерживается до конца. Что послужило Кипріану источникомъ для внесенія въ свой индексъ упомянутыхъ гадательныхъ книгъ — реальныя ли условія южно-славянской и русской литературной жизни или подобные же греческіе перечни — это еще вопросъ, который можно разрѣшать двояко. Къ концу XV вѣка относится „Сказаніе Іоаннѣ митрополита русскаго (1490—1494) о отреченныхъ книгахъ“, въ которомъ статья Кипріана о ложныхъ книгахъ читается безъ всякихъ измѣненій. Въ многочисленныхъ индексахъ XVI в. этотъ отдѣлъ „ложныхъ книгъ“ значительно разрастается, принимая въ себя „астрономію“, „землемѣріе“ и т. п., и, наконецъ, закрѣпляется въ знаменитой „Кирилловой Книгѣ“ 1644 года, гдѣ также находится и самая подробная редакція перечня книгъ „истинныхъ“; въ числѣ послѣднихъ фигурируютъ уже не

1) Тихонравовъ, Н. С. Сочиненія. Т. I, с. 142.

только неканоническія книги греческаго происхожденія, вродѣ „Житія Василия Новаго“, но и русскія сочиненія, напр. „Странникъ“ игумена Даниила¹⁾.

Такъ создалась постепенно „статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ“, имѣвшая въ литературной и культурной жизни древней Руси громадное значеніе; невѣжественная масса вѣрила въ букву этого перечня. А между тѣмъ самый перечень былъ полонъ неясностей и внутреннихъ противорѣчій. Перечень предостерегалъ, напр., отъ вѣры въ апокрифическіе рассказы объ Енохѣ, Адамѣ, Ламехѣ, о видѣнной Іаковомъ лѣстницѣ, о Соломонѣ и Китоврасѣ — и въ то же время помѣщаль въ число „истинныхъ“ книгъ Палею, въ которой многія изъ „ложныхъ“ книгъ и сказаній систематически собраны были вмѣстѣ; перечень называлъ въ числѣ истинныхъ книгъ „12 миней-четыихъ“, но въ этихъ самыхъ минеяхъ помѣщались и „Слово отъ книгъ Еноха Праведнаго“, и „Сказаніе Афродитіана“, и „Хожденіе Зосимы къ Рахманамъ“, и многія другія апокрифическія сочиненія.

Впрочемъ, несмотря на всяческія запрещенія и предостереженія отъ „ложныхъ“ книгъ, послѣднія читались и переписывались чрезвычайно усердно; росла и умножалась также и болѣе или менѣе самостоятельная работа въ этомъ направленіи, какъ плодъ дѣятельности фантазіи, любознательности и невѣжества. Въ результатѣ получилась огромная масса этихъ то „апокрифическихъ“, то „отреченныхъ“ произведеній, которыя составляютъ, въ своей совокупности, одинъ изъ интереснѣйшихъ отдѣловъ нашей старой письменности.

Историческое изученіе „апокрифовъ“ и отреченныхъ книгъ представляетъ очень большія трудности, и въ наукѣ сдѣлано еще слишкомъ мало²⁾ для того, чтобы можно было хотя съ нѣкоторой точностью прослѣдить время появленія на русской почвѣ каждаго подобнаго произведенія и начертить картину развитія этого отдѣла нашей литературы, отразившаго на себѣ разностороннія литературныя вліянія востока и запада. Поэтому, не покидая принятыхъ нами хронологическихъ рамокъ изложенія, мы затрудняемся дать свѣдѣнія о содержаніи отреченной и апокрифической литературы для XI—XII вѣковъ и внесли предыдущія разсужденія въ рамки этого періода лишь на томъ основаніи, что возникновеніе названнаго отдѣла памятниковъ относится все-таки къ первой эпохѣ русскаго литературнаго развитія; дальнѣйшая же жизнь его падаетъ на послѣдующее время — вплоть до конца XVII вѣка. Съ содержаніемъ апокрифовъ и отреченныхъ книгъ древняго періода русской литературы, внѣ строгаго ихъ хронологическаго приуроченія, можно ознакомиться по изданіямъ Н.

1) Тамъ же, I, с. 143—149. Сводный перечень книгъ, которыя въ древней Руси въ различныя времена считались „ложными и отреченными“, напечатанъ Н. С. Тихонововымъ въ предисловіи къ его „Памятникамъ отреченной русской литературы“ (I, с. I—X).

2) См. объ этомъ, напр., П. Владимірова: Научное изученіе апокрифовъ въ русской литературѣ во второй половинѣ настоящаго столѣтія. Киевскія Универс. Извѣстія 1900, № 2.

С. Тихонравова¹⁾, А. Н. Пыпина²⁾ И. Я. Порфирьева³⁾, Н. Θ. Сумцова⁴⁾ и др.

Сводя теперь вмѣстѣ полученныя ранѣе наблюденія надъ отдѣльными памятниками русской литературы XI—XII вв., мы можемъ вкратцѣ охарактеризовать „древнѣйшую эпоху“ слѣдующими чертами. Съ внѣшней стороны, литература этого времени сосредоточивается главнымъ образомъ въ Кіевѣ, и примыкающіе къ нему другіе литературные центры не обнаруживаютъ сколько-нибудь замѣтной оригинальности. По содержанию и по формѣ, литература эта довольно разнообразна, явившись таковою изъ Византии черезъ посредство южно-славянской письменности. Общій ея характеръ — удовлетвореніе практическимъ потребностямъ времени и нравственно-религіознымъ запросамъ народа, только что обращеннаго въ христіанскую вѣру; отсюда — назидательный тонъ литературы и значительное единство общаго настроенія. Съ другой стороны, нельзя отрицать, что по крайней мѣрѣ въ XII вѣкѣ мы замѣчаемъ уже и слѣды самостоятельной жизни, отраженіе реальныхъ условій дѣйствительности — любовь у русскихъ авторовъ къ родной землѣ и стремленіе обсуждать ея общіе интересы: такъ въ особенности Начальная Лѣтопись и Слово о Полку Игоревѣ. Хотя литературу этого времени нельзя считать совершенно космополитичной и лишенной патріотическаго настроенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя наблюдать въ ней и той яркой идейности въ общественномъ, политическомъ и культурномъ отношеніяхъ, которая отличаетъ литературныя явленія позднѣйшей эпохи. Въ собственно литературномъ отношеніи, мы замѣчаемъ въ „древнѣйшую эпоху“ еще значительную слабость литературнаго сознанія, неясность и наивность взрѣвнѣй авторовъ на сущность, характеръ и значеніе литературнаго труда. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ среды писателей выдѣляются нѣсколько выдающихся по своимъ литературнымъ дарованіямъ лицъ, обнаруживающихъ сравнительно большое напряженіе писательской энергіи и обусловившихъ впечатлѣніе свѣжести и непосредственности того литературнаго возбужденія, которое несомнѣнно наблюдается въ эпоху первыхъ двухъ столѣтій нашей литературной жизни.

1) Памятники отреченной русской литературы. Т. I—II. Спб. и М. 1863.

2) Ложныя и отреченныя книги русской старины. Пам. стар. русской л-ры. Изд. гр. Кушелевымъ-Безбородко. Вып. III. Спб. 1862. См. объ этомъ изд. критическую статью Тихонравова въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1862 № 1 (и въ „Сочиненіяхъ“ I, прим. с. 14—23); А. Пыпинъ. Ист. р. лит. I, изд. 2, с. 423—450.

3) Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки. Сб. II Отд. А. Н. Т. 17. Спб. 1877; Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки. Сб. II Отд. А. Н. Т. 52. Спб. 1890.

4) Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсень. Кіевъ 1888.

II. Средніе вѣка (XIII—XVI ст.).

Переходимъ къ „среднимъ вѣкамъ“ нашей литературы, обнимающимъ собою время съ XIII по XVI ст. Здѣсь мы встречаемся не только съ большимъ количествомъ памятниковъ, весьма разнообразныхъ по своему содержанію и по формѣ, но и съ наличностью болѣе ярко выраженныхъ настроеній, съ большей идейностью литературныхъ явленій, съ фактами болѣе тѣснаго соотношенія литературы и живой дѣйствительности. Причины указанныхъ обстоятельствъ лежатъ, гл. обр., въ общихъ условіяхъ тогдашней русской политической и общественной жизни, въ ростѣ культурныхъ интересовъ страны, въ умноженіи книжности и количества лицъ, посвящавшихъ себя литературному труду.

А. Литература Сѣверо-восточной Руси въ XIII—XIV вв.

1. Паденіе Кіева и возникновеніе новыхъ литературныхъ центровъ. — Зарожденіе литературы на сѣверо-востокѣ Россіи въ XIII в.

Самымъ крупнымъ и характернымъ явленіемъ, имѣвшимъ весьма значительное вліяніе на ходъ литературы въ первую половину „среднихъ вѣковъ“ и не оставшимся безъ вліянія на нее также и въ послѣдующее время, было перемѣщеніе главнаго культурнаго центра изъ Кіева на сѣверо-востокъ, потомъ въ Москву, и вмѣстѣ съ тѣмъ возникновеніе другихъ, менѣе значительныхъ мѣстныхъ центровъ просвѣщенія и литературы. Какъ уже было указано, и въ „кіевскій“ періодъ не одинъ Кіевъ принималъ участіе въ созданіи литературы: таковы, напр., были Туровъ, Галичь, Новгородъ, Смоленскъ. Отъ Галича остались намъ почти исключительно памятники церковной письменности, интересные для исторіи языка; съ Туромомъ, и то весьма не ясно, связана дѣятельность Кирилла

Туровскаго. Новгородъ даетъ намъ не только спорнаго Луку Жидяту, но и замѣчательныя зачатки лѣтописанія въ очень раннюю эпоху, напр. Іоакимовскую Лѣтопись въ XI в. ¹⁾ или Лѣтопись священника Германа Вояты въ XII ст., описаніе путешествія Антонія въ XII—XIII в. и т. п. Смоленскъ, по извѣстіямъ XII вѣка, является, б. м. благодаря своей близости къ западу, со слѣдами значительнаго по тому времени просвѣщенія: князь Романъ Мстиславичъ, внукъ Владиміра Мономаха (1160—1181), основалъ здѣсь училище, въ которомъ, по преданію, учили не только по-славянски, но и по-гречески и по-латыни. Родомъ изъ Смоленской области былъ извѣстный кievскій митрополитъ Климентъ Смолятичъ въ половинѣ XII вѣка; лѣтописи отзываются о немъ какъ о „книжникѣ“ и „философѣ“, какого не бывало въ русской землѣ. Съ большою достовѣрностью приписывается ему Посланіе къ пресвитеру Ѡомѣ, обнаруживающее въ авторѣ недожизненную образованность и намекающее, повидимому, на другія его произведенія, писанныя „отъ Омира, отъ Аристотеля и отъ Платона“ ²⁾. Для доказательства наличности книжныхъ интересовъ въ Смоленскѣ въ старую эпоху обыкновенно указывается также на житіе Авраамія Смоленскаго (занимавшагося изслѣдованіемъ таинственныхъ „глубинныхъ книгъ“), написанное его ученикомъ, инокомъ Ефремомъ, при чемъ время жизни Авраамія разными изслѣдователями опредѣлялось различно: то въ XI, то въ XII, то въ XIV вѣкѣ. Последнія изслѣдованія въ этомъ вопросѣ г. Кадлубовскаго дѣлаютъ весьма убѣдительнымъ предположеніе о подвигахъ этого святого не ранѣе XIV вѣка ³⁾, но этотъ выводъ, не лишая Смоленскъ репутаціи мѣстнаго центра просвѣщенія и книжности, лишь отодвигаетъ упомянутый доводъ къ болѣе позднему времени.

Паденіе Кіева, какъ литературнаго и просвѣтительнаго центра, давашаго обширную разсмотрѣнную нами литературу, подготавливается уже со второй половины XII вѣка: въ 1169 году Кіевъ подвергается разгрому со стороны Андрея Боголюбскаго, не задолго передъ тѣмъ оставившаго его и поселившагося во Владиміръ на Клязьмѣ; братъ и преемникъ его, Всеволодъ III Большое Гнѣздо, продолжаетъ его политику въ томъ же направленіи, а въ 1240 году Кіевъ является жертвой окончательнаго разгрома со стороны татаръ, отъ которыхъ владимірскаго князя Ярославъ Всеволодовичъ получаетъ уже титулъ великаго князя, связанный прежде всегда съ Кіевомъ. Съ конца XIII в. изъ Владиміро-Суздальскаго кня-

1) Шахматовъ. Общерусскіе лѣтописныя своды XIV и XV вв. Ж. М. Н. Пр. 1900 № 11, с. 183—186.

2) Н. К. Никольскій. О литературныхъ трудахъ митрополита Климента Смолятича, писателя XII вѣка. Спб. 1892, с. 104. Е. Е. Голубинскій, согласно своему общему взгляду на состояніе древне-русскаго просвѣщенія, относится къ этимъ указаніямъ совершенно отрицательно: И. Р. Ц., I. 1, изд. 2, с. 846—851.

3) Арс. Кадлубовскій. Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ. Варшава 1902, с. 1—43.

жества выдѣляется и дѣлается замѣтнымъ Московское княжество, основанное сыномъ Александра Невскаго Даниломъ, а въ XIV вѣкѣ уже вполне опредѣляется его политическое преобладаніе на сѣверо-востокѣ. Съ перенесеніемъ политическаго центра изъ Кіева, оттуда уходитъ на сѣверо-востокъ, вмѣстѣ съ князьями и духовенствомъ, значительная часть грамотнаго и книжнаго люда, нуждавшагося для своей дѣятельности въ покровительствѣ, поощреніи и безопасности; вмѣстѣ съ ними перешла изъ Кіева во Владиміръ, Суздаль, Ростовъ, Муромъ и, наконецъ, въ Москву также и литература.

Однако покончить съ Кіевомъ, какъ литературнымъ и культурнымъ центромъ, было не такъ легко, какъ съ центромъ политическимъ. Кіевъ былъ колыбелью русскаго христіанства и перваго русскаго просвѣщенія; въ немъ создались и успѣли упрочиться извѣстныя литературныя традиціи; въ немъ пребывалъ полуразоренный, но все же сильный своей духовной мощью, славой и подвижничествомъ Печерскій монастырь; вокругъ него находились мѣста, освященные воспоминаніями прошлаго, дорогими сердцу всякаго русскаго человѣка, независимо отъ политическихъ симпатій. Со всемъ этимъ порвать было трудно, да и не нужно: поэтому первыя попытки литературной дѣятельности на сѣверо-востокѣ въ началѣ XIII вѣка обнаруживаютъ на себѣ тѣсную связь съ Кіевомъ по содержанию и духу произведеній, по внѣшнимъ приемамъ, по личности самихъ дѣятелей. Т. о., на рубежѣ этихъ двухъ эпохъ — „древнѣйшей“ и „средне-вѣковой“ — стоитъ нѣсколько литературныхъ произведеній, которыя съ извѣстнымъ основаніемъ можно отнести какъ къ Кіеву, такъ и къ сѣверо-востоку. Мы остановимся на трехъ изъ нихъ: зачаткахъ Кіево-Печерскаго Патерика, проповѣднической дѣятельности Серапіона Владимірскаго и т. наз. Моленіи Даниила Заточника.

2.

Кіево-Печерскій Патерикъ; его основные элементы; посланія Симона и Поликарпа; историческая обстановка возникновенія Патерика и его историко-литературная цѣнность.

Кіево-Печерскій Патерикъ (или „Отечникъ“), представляющій собою собраніе рассказовъ о жизни и чудесахъ печерскихъ подвижниковъ, былъ одной изъ самыхъ популярныхъ книгъ древней русской письменности; если отдѣльныя житія такъ сильно привлекали вниманіе читателей, являясь вмѣстѣ занимательнымъ чтеніемъ и источникомъ духовно-нравственнаго назиданія и подражанія, то тѣмъ большую цѣну могъ имѣть цѣлый сборникъ такого рода рассказовъ, объединенныхъ именемъ знаменитой Печерской обители. Сборникъ этотъ, составленный по образцу и по идеѣ многихъ переводныхъ „отечниковъ“ иноземнаго происхожденія, имѣетъ довольно длинную исторію. Онъ получилъ свой окончательный видъ лишь въ XVII вѣкѣ, когда, пройдя цѣлый рядъ рукописныхъ пе-

переработокъ 1), былъ напечатанъ въ 1661 году въ Кіевѣ „повелѣніемъ и благословеніемъ“ тогдашняго архимандрита Кіево-Печерской Лавры Иннокентія Гизеля, по почину и при ближайшемъ участіи въ этомъ дѣлѣ Кіевского митрополита Сильвестра Коссова. Но возникновеніе основной части Кіево-Печерскаго Патерика относится къ первой четверти XIII вѣка. По заключенію новѣйшаго изслѣдователя этого памятника 2), „зерно“ его составляютъ: произведенія епископа Симона Слово о созданіи церкви Печерской и Посланіе къ Поликарпу, Посланіе Поликарпа къ игумену Акидину и Несторово Слово о первыхъ черноризцахъ печерскихъ. Въ цѣльномъ и самостоятельномъ видѣ такая первичная редакція до насъ не дошла, но ее надо предполагать и приблизительно можно возстановить путемъ анализа позднѣйшихъ списковъ этого памятника, гдѣ эти статьи стоятъ особнякомъ. Принадлежность „Слова о первыхъ черноризцахъ печерскихъ“ Нестору, извѣстному автору Житія Θεодосія, въ ученой литературѣ оспаривается; но въ данномъ случаѣ этотъ вопросъ для насъ не имѣетъ большого значенія. Главнѣйшій интересъ представляютъ сочиненія двухъ другихъ участниковъ въ составленіи первичнаго типа Кіево-Печерскаго Патерика, потому что именно Симону и Поликарпу принадлежитъ дѣйствительная инициатива въ этомъ дѣлѣ, и, быть можетъ, трудомъ Нестора о первыхъ подвижникахъ печерскихъ (Даміанъ, Іереміи, Матеевъ и Исакии) воспользовался Симонъ или кто-либо другой, въ качествѣ перваго редактора Печерскаго Патерика, желая освятить его авторитетнымъ именемъ извѣстнаго писателя и цѣня самый трудъ послѣдняго по его исторической важности и литературнымъ достоинствамъ.

Кто же были эти Симонъ и Поликарпъ, и что представляютъ собою ихъ сочиненія?

О Симонѣ мы знаемъ, что онъ, будучи постриженникомъ Кіево-Печерской обители, былъ сначала игуменомъ Рождество-Богородицкаго монастыря во Владимірѣ, а потомъ въ 1214 году посвященъ былъ въ санъ епископа Владимірскаго и Суздальскаго; скончался онъ 22 мая 1226 года. Въ Лѣтописи онъ характеризуется „милостивымъ“ и „учительнымъ“ 3). О Поликарпѣ мы знаемъ лишь то, что онъ былъ также черноризцемъ Печерскаго монастыря и современникомъ Симона 4). Такимъ образомъ, оба дѣятеля, изъ сочиненій которыхъ сложилось главное содержаніе начальной редакціи Кіево-Печерскаго Патерика, были объединены принадлежностью нѣкогда ихъ обоихъ къ знаменитой обители, причемъ Симонъ, которому принадлежитъ въ этомъ дѣлѣ главная роль, дѣйствовалъ

1) Митр. Макарій насчитывалъ ихъ десять редакцій: Обзоръ редакцій Кіево-Печерскаго Патерика, преимущественно древнихъ. Изв. II Отд. А. Н. Т. V (1856), с. 129—167.

2) Д. Абрамовичъ. Исслѣдованіе о Кіево-Печерскомъ Патерикѣ, какъ историко-литературномъ памятникѣ, с. 1.

3) Тамъ же, с. XXIII—XXIV.

4) Тамъ же, с. XXVIII.

и провель значительную часть своей жизни на сѣверо-востокѣ, вдали отъ Кіева.

Порядокъ написанія всѣхъ трехъ произведеній, по мнѣнію г. Абрамовича, былъ таковъ: „Слово“ Симона о созданіи церкви Печерской составлено не ранѣе 1222 года, а время написанія его Посланія къ Поликарпу падаетъ на промежутокъ между 8 сентября 1225 и 22 мая 1226 года; о Посланіи же Поликарпа къ Акиндину можно сказать только то, что оно составлено не ранѣе полученія Поликарпомъ отъ Симона его Слова о созданіи церкви Печерской и до кончины самого Симона, т. е. между 1222 и 1226 годами¹⁾. Слово или сказаніе о созданіи церкви Печерской²⁾ представляетъ собою рассказъ о цѣломъ рядѣ замѣчательнѣйшихъ событій въ начальной жизни Печерской обители, даетъ въ литературномъ отношеніи весьма интересныя черты³⁾ и оканчивается назидательнымъ обращеніемъ къ „брату Поликарпу“, жившему тогда въ монастырѣ, который служилъ нѣкогда спасительнымъ пріютомъ и для самого автора Слова; послѣднее, т. о., имѣетъ въ сущности форму письма къ Поликарпу, какъ и самое „Посланіе“. Намъ думается, что нѣтъ положительныхъ основаній къ тому, чтобы выдѣлять это „слово“ или „сказаніе“ въ особое произведение: оно могло быть прибавкомъ къ повѣствовательной части „посланія“ и, слѣдовательно, написано или послано одновременно съ послѣднимъ⁴⁾. Самое „посланіе“⁵⁾ раздѣляется на двѣ части: первая представляетъ личное обращеніе къ Поликарпу, а вторая является какъ бы приложеніемъ къ нему и заключаетъ въ себѣ девять рассказовъ о святыхъ подвижникахъ печерскихъ. Посланіе Поликарпа⁶⁾ состоитъ изъ краткаго вступленія, въ видѣ обращенія къ игумену Печерскаго монастыря Акиндину, и затѣмъ одиннадцати рассказовъ о святыхъ подвижникахъ этой обители.

Обратимся къ содержанію обоихъ посланій.

Чѣмъ вызвано посланіе Симона, объ этомъ можно лишь догадываться, за неимѣніемъ положительнаго свидѣтельства самого автора. Въ первой части посланія есть любопытныя указанія на личность Поликарпа. По-видимому, онъ былъ или любимымъ ученикомъ Симона по монашеству, или его близкимъ родственникомъ. Очевидно, это была натура способная, кипучая, честолюбивая и неуживчивая. Будучи черноризцемъ печерскимъ,

1) Тамъ же, с. XXVII—XXIX.

2) Памятники русской литературы XII и XIII вѣковъ. Изд. В. л. д. Яковлевъ. Спб. 1872, с. CX—CXXVI.

3) Яковлевъ, В. Древне-кіевскія религіозныя сказанія. Варшава 1875, с. 127—135.

4) Соображенія объ отдѣльныхъ частяхъ этого произведенія см. у Шахматова: Кіево-Печерскій Патерикъ и Печерская Лѣтопись. Изв. II Отд. А. Н. II (1897). кн. 3, с. 797.

5) Памятники русской литературы XII и XIII вѣковъ, с. LXXXV—CXXIV.

6) Тамъ же, с. CXXVI—CLXXXVI.

Поликарпъ прѣѣзжалъ изъ Кіева къ Симону во Владиміръ и затѣмъ вскорѣ возвратился назадъ. Онъ стремился къ власти и дважды получалъ мѣсто игумена, но затѣмъ снова возвращался въ монастырь; возвратившись въ послѣдній разъ, онъ однако же не успокоился, критиковалъ окружающее, былъ недоволенъ и представлялъ себя человѣкомъ преслѣдуемымъ и обиженнымъ. Свое настроеніе Поликарпъ высказалъ въ письмѣ къ Симону, которое до насъ однако же не дошло: мы узнаемъ о немъ изъ отвѣтнаго посланія Симона. Это посланіе имѣетъ характеръ строгаго обличенія и наставленія; въ немъ Симонъ пишетъ не только какъ къ низшему себя по положенію, но и какъ къ близкому человѣку. Онъ упрекаетъ Поликарпа за попытки оставить Печерскій монастырь, обличаетъ его гордость и честолюбивые замыслы, радуется его раскаянію. Симонъ проникнутъ чувствомъ величайшаго благоговѣнія къ Печерской обители, какъ мѣсту своихъ иноческихъ подвиговъ, и старается внушить это чувство Поликарпу: „Азъ быхъ радъ — говоритъ онъ — оставить свою епископью и работать игумену, но вѣси, кая вещь обдержитъ мя . . . И кто не вѣсть мене грѣшнаго епископа Симона и сея соборныя церкви красоты Владимерскія и другія Суздальскія церкви, юже самъ создахъ. Колико имѣта градовъ и селъ и десятину собирають по всей земли той, а тѣмъ всѣмъ владѣетъ наша худость. Си вѣсть, глаголю тебѣ, яко всю сію славу и честь яко калъ вмѣнили быхъ, и аще бы ми сметіемъ валятися въ Печерскомъ монастыри и попираему быти человѣкы, то лучше бы ми времяныя сея чести единъ день въ дому Божія матери паче тысящи лѣтъ и въ немъ же изволилъ быхъ пребывать, паче нежели жити ми въ селѣхъ грѣшничихъ“¹⁾. Этими словами оканчивается та часть посланія Симона, которая заключаетъ въ себѣ собственно обращеніе къ Поликарпу, и далѣе идутъ рассказы о печерскихъ угодникахъ. Посланіе Поликарпа, обращенное къ своему игумену, архимандриту Акидину, не заключаетъ въ себѣ прямого отвѣта на посланіе Симона, но является его органическимъ дополненіемъ; рассказы Поликарпа ни въ чемъ не повторяютъ Симона: онъ говоритъ именно о тѣхъ подвижникахъ, о которыхъ умолчалъ Симонъ. Тонъ Поликарпа въ обращеніи къ Акидину чрезвычайно почтительный и смиренный; передъ нами какъ будто совѣтъ другой человѣкъ, нежели тотъ, о которомъ приходится догадываться по недошедшему до насъ письму его къ Симону и по отвѣту послѣдняго. О Симонѣ онъ упоминаетъ, ссылаясь на его рассказы о святыхъ, послужившихъ матеріаломъ для повѣствованія самого Поликарпа. Наконецъ, въ этомъ краткомъ обращеніи Поликарпъ не забываетъ дать отвѣтъ и на тотъ естественный вопросъ — зачѣмъ пишетъ иннокъ своему игумену, когда они оба живутъ или жили въ одномъ монастырѣ и могли, вѣроятно, видѣться и лично бесѣдовать? Оказывается, что Акидинъ самъ нѣкогда спрашивалъ его о печерскихъ подвижникахъ — очевидно, мало зная о нихъ, — и Поликарпъ въ бывшей

1) Тамъ же, с. XC—XCI.

личной бесѣдѣ съ игуменомъ стѣснялся и „множайши забыхъ отъ страха“, а письменная форма давала ему возможность избѣжать этой неловкости, усугубляемой еще „грубостью и неизящнымъ нравомъ“ Поликарпа.

Конечно, мы не можемъ довѣрять этимъ объясненіямъ Поликарпа. Онъ былъ совсѣмъ не изъ тѣхъ, чтобы особенно стѣснялся въ присутствіи игумена, желавшаго услышать отъ него рассказы о томъ, что самому игумену, по его словамъ, было мало извѣстно. Это послѣднее обстоятельство является также болѣе или менѣе сомнительнымъ, въ виду сравнительной молодости Поликарпа и официального положенія въ монастырѣ Акиндина. Да и вообще вся эта переписка производитъ съ вѣшной стороны характеръ чего-то искусственнаго: напр., рассказы о святыхъ, приложенные Симономъ, въ очень малой степени подтверждаютъ назидательныя и обличительныя мысли его противъ Поликарпа и являются чѣмъ-то какъ бы постороннимъ. Наконецъ, самое несовпаденіе даже въ мелочахъ обоихъ рассказовъ о подвижникахъ — Симона и Поликарпа — наводитъ на сомнѣніе въ томъ, чтобы произведенія эти въ самомъ дѣлѣ были дѣйствительными посланіями. Поэтому, намъ кажется совершенно правильной мысль Е. Е. Голубинскаго, что посланія эти составляютъ лишь литературную форму и что рассказы о печерскихъ подвижникахъ предназначены были не для Поликарпа и Акиндина, а для болѣе широкаго круга читателей¹⁾. Съ этой точки зрѣнія можетъ возникнуть вопросъ о степени и характерѣ дѣйствительнаго участія Симона и Поликарпа въ составленіи ихъ „посланій“, но онъ остается пока открытымъ за недостаткомъ опредѣленныхъ данныхъ въ самой литературной исторіи этихъ произведеній. Итакъ, основная часть Киево-Печерскаго Патерика составлена въ первой четверти XIII вѣка изъ произведеній, написанныхъ на-половину на сѣверо-востокъ и на-половину въ Кіевѣ; участниками въ этой работѣ являются постриженники Печерской обители; начинъ въ дѣлѣ принадлежитъ, повидимому, Симону; весь трудъ предпринятъ съ цѣлью не личной переписки, а желанія дать разсказы о Печерскомъ монастырѣ и его подвижникахъ распространеніе въ болѣе широкой средѣ читателей; идея произведенія — назиданіе въ благочестивой и подвижнической жизни путемъ живыхъ примѣровъ. Далѣе, можно спросить: почему такой специальный по своему мѣстному характеру и содержанію памятникъ не былъ составленъ всецѣло на югѣ и въ болѣе раннее время? На этотъ вопросъ акад. Истрины даетъ отвѣтъ, что раньше „очевидно, не чувствовалось въ немъ нужды, а какъ только Симонъ попалъ на сѣверо-востокъ, такъ и почувствовалось въ немъ нужда“, и что, слѣдовательно, „какъ памятникъ литературный, Печерскій Патерикъ входитъ въ составъ сѣверо-восточной литературы первой четверти XIII вѣка“; наконецъ, дальнѣйшая судьба этого памятника показываетъ, что онъ „принадлежитъ всецѣло къ сѣверо-востоку, вплоть до второй

1) Исторія русской церкви. Т. I, перв. пол., 2 изд., с. 759—762.

половины XV вѣка⁴ 1). Эта точка зрѣнія объ участи сѣверо-востока въ дѣлѣ возникновенія такого памятника, какъ Кіево-Печерскій Патерикъ, можетъ быть принята, но безъ того преувеличенія, къ которому привело В. М. Истрина, повидимому, его увлеченіе полемикой съ представителями украинофильской школы, желающими все относить къ югу. Не надо забывать все-таки, что Несторъ и Поликарпъ писали въ Кіевѣ и что перомъ Симона также водили воспоминанія о Кіевѣ и воодушевленіе его святынями. Правильнѣе считать основу Кіево-Печерскаго Патерика, на сколько намъ извѣстны условія ея возникновенія, такимъ памятникомъ, который принадлежитъ одновременно сѣверо-востоку и югу, созданъ во всякомъ случаѣ на почвѣ южныхъ литературныхъ преданій, явился продолженіемъ кіевской агиографической литературы предшествующаго времени и запечатлѣнъ именованіемъ одного изъ типичнѣйшихъ участниковъ послѣдней — преп. Нестора. Что касается, наконецъ, мысли о томъ, что Патерикъ возникъ по побужденіямъ внутренняго характера, имѣвшимъ мѣсто на сѣверо-востокѣ, то тутъ мы имѣемъ дѣло лишь съ привлекающей своей новизной догадкой. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ можно доказать, что именно на сѣверо-востокѣ въ первой четверти XIII вѣка „почувствовалась нужда“ въ назидательныхъ примѣрахъ изъ жизни кіевскихъ подвижниковъ? Пока ничѣмъ. Скорѣе, покинутый и разоренный Кіевъ могъ нуждаться въ такомъ отвлеченіи благочестивой мысли къ славному прошлому при безотрадности настоящаго, чѣмъ политически юный сѣверо-востокъ, жившій новой жизнью, поглощенный современностью и имѣвшій передъ собою въ будущемъ привлекательныя перспективы своей собственной культурной и литературной жизни.

Каковы же тѣ живые примѣры назиданія, тѣ рассказы о жизни святыхъ подвижниковъ, которые составляютъ самое существо Кіево-Печерскаго Патерика?

У Симона помѣщены слѣдующіе рассказы: 1. Объ Онисифорѣ пресвитерѣ и недостойномъ мнихѣ. 2. Объ Евстратіи постникѣ. 3. О Никонѣ многотерпѣливомъ и сухомъ. 4. О священномученикѣ Кукшѣ и Пименѣ постникѣ. 5. Объ Аванасіи затворникѣ. 6. О преподобномъ Святошѣ, князѣ Черниговскомъ. 7. О черноризцѣ Еразмѣ. 8. О черноризцѣ Ареѣ. 9. О Титѣ священникѣ и Евагріи діакопѣ. Кромѣ того, въ „Словѣ о созданіи церкви Печерской“ рассказано о князѣ варяжскомъ Шимонѣ, о боярахъ-инокахъ Іоаннѣ и Сергіѣ. Въ посланіи Поликарпа рассказано о слѣдующихъ лицахъ: 1. О Никитѣ затворникѣ. 2. О Лаврентіи затворникѣ. 3. О святомъ Агапитѣ, безмездномъ врачѣ. 4. О св. Григоріи чудотворцѣ. 5. Объ Іоаннѣ затворникѣ. 6. О Моисеѣ Угринѣ. 7. О Прохорѣ лебедникѣ. 8. О Маркѣ печерникѣ. 9. О Теодорѣ и Василии. 10. О Спиридонѣ просфорникѣ и Олимпіи иконописцѣ. 11. О многострадальномъ Пименѣ.

1) Изъ области древне-русской литературы. Ж. М. Н. Пр. 1905 № 8, с. 285.

Вотъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ: (Сим. 1.). У Онисифора былъ одинъ духовный сынъ и другъ изъ числа монаховъ, который по наружности являлся подражателемъ святого, казался цѣломудреннымъ и постникомъ, но втайнѣ ѣлъ и пилъ неумѣренно и жилъ скверно, что утаилось отъ его духовнаго отца. Въ одинъ день онъ внезапно умеръ, и отъ тѣла его пошелъ такой смрадъ, что никто не могъ терпѣть. Хотѣли было выбросить его вонъ изъ пещеры, гдѣ онъ былъ съ трудомъ погребенъ, но по молитвѣ святого, которому было открыто въ видѣніи о причинѣ смрада, послѣдній пропалъ, и явившійся преп. Антоній сказалъ Онисифору: „смиловался я надъ душой этого брата, потому что не могу нарушить обѣта моего; я обѣщался вамъ, что всякій, положенный здѣсь, будетъ помилованъ, хотя бы и грѣшенъ былъ; никто изъ монастыря этого не будетъ осужденъ на муку . . .“ — (Сим. 3). Никонъ, взятый въ плѣнъ половцами вмѣстѣ съ Евстратіемъ, не хотѣлъ, чтобы его выкупили, какъ то готовы были сдѣлать родственники и сторонніе, а желалъ терпѣть для Господа. За это половцы мучили его безъ всякой милости. Наконецъ, послѣ трехлѣтнихъ страданій, онъ невидимо былъ освобожденъ изъ плѣна и перенесенъ въ Печерскій монастырь, въ которомъ послѣ того долго оставался въ живыхъ, весь изсохшій и сгнившій отъ ранъ, полученныхъ въ плѣну. — (Сим. 6). Святоша (Святославъ), князь Черниговскій, былъ сынъ Давида и внукъ Святослава Черниговскихъ, правнукъ Ярослава Великаго. Онъ былъ между князьями первый, добровольно постригшійся въ монахи, и единственный, постригшійся не передъ смертью, а еще задолго до нея, съ цѣлю быть настоящимъ инокомъ. Принявъ монашество съ именемъ Николая въ Печерскомъ монастырѣ, онъ неизбежно прожилъ въ немъ 36 лѣтъ, прошелъ должности повара и вратаря и все время монашества провелъ въ вольной убогой нищетѣ и подвигахъ поста, за что удостоился дара прозрѣнія и чудотвореній. — (Сим. 8). Черноризецъ Арева, имѣя большое богатство, былъ чрезвычайно скупъ, такъ что и самого себя морилъ голодомъ. Въ одну ночь воры покрали все его богатство, отъ чего онъ впалъ въ великое отчаяніе, не желая слышать никакихъ увѣщаній и утѣшеній братіи. Но Господь, который хочетъ всѣхъ спасти, вразумилъ его посредствомъ видѣнія пришедшихъ къ нему ангеловъ и дѣволовъ. Послѣ этого онъ покался, а пропавшее серебро было вписано ангелами въ милостыню. — (Пол. 1). Никита затворникъ, желая пріобрѣсти у людей славу, несмотря на запрещенія и увѣщанія игумена, удалился въ затворъ. Но скоро, какъ предрекалъ игуменъ, онъ прельщенъ былъ бѣсомъ, который являлся ему въ образѣ ангела и при помощи котораго Никита дѣйствительно прославился у людей. Наконецъ, изъ его отвращенія къ книгамъ Новаго Завѣта, которыхъ онъ не хотѣлъ ни видѣть, ни слышать, ни читать, было познано, что онъ прельщенъ нечистой силой. Святые отцы, собравшись къ прельщенному и помолвившись надъ нимъ, прогнали отъ него бѣса. Послѣ этого, вышедъ изъ затвора, Никита предалъ себя на воздержаніе, послушаніе и смиренное

житіе. Потомъ онъ сдѣлался Новгородскимъ епископомъ. — (Пол. 3). Агапитъ, бывшій въ монастырѣ еще при Антоніи, имѣлъ даръ врачеванія и многимъ изъ братіи подавалъ помощь. Былъ въ это время нѣкій врачъ, родомъ армянинъ, умѣвшій точно предсказывать день смерти больныхъ; но однажды больной, обреченный армяниномъ на смерть черезъ 8 дней, былъ исцѣленъ Агапитомъ. Армянинъ сталъ ненавидѣть Агапита и искалъ случая ему отомстить; давалъ ему отравное зѣлье, но тотъ пилъ его безъ вреда. Между тѣмъ разболѣлся князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, и такъ какъ армянинъ не могъ его вылѣчить, то былъ приглашенъ Агапитъ; дѣло увѣнчалось успѣхомъ, но Агапитъ не хотѣлъ взять за это отъ князя никакого вознагражденія и лишь послѣ долгихъ уговоровъ согласился, чтобы принесенное ему золото было роздано нищимъ. Когда затѣмъ заболѣлъ самъ Агапитъ, то армянинъ предсказалъ ему смерть черезъ 3 дня, а Агапитъ — лишь черезъ три мѣсяца; между тѣмъ, когда армянинъ заболѣлъ самъ, то обратился за помощію къ Агапиту, послѣ смерти котораго въ предсказанный имъ трехмѣсячный срокъ, проникшись уваженіемъ къ святости Агапита, вступилъ въ монастырь. — (Пол. 6). Моисей Угринъ, братъ убитаго вмѣстѣ со св. Борисомъ на Альтѣ, бѣжалъ въ Польшу, понравился тамъ одной очень богатой и знатной вдовѣ, которая непременно желала его имѣть своимъ мужемъ. Но Моисей рѣшительно отказался отъ этого, увидавъ въ этомъ полную для себя погибель, и устоялъ на своемъ даже и тогда, когда полька купила его себѣ въ качествѣ раба и подвергла его мученіямъ. Претерпѣвъ жестокія муки, Моисей вернулся въ Печерскій монастырь и врачевалъ тамъ силою Божіей недугъ плотской страсти ¹⁾.

Что касается историческаго значенія Кіево-Печерскаго Патерика, то оно внѣ всякаго сомнѣнія. Конечно — какъ это было уже указано, когда шла рѣчь о первыхъ явленіяхъ агиографической литературы XI—XII вѣковъ — не слѣдуетъ упускать изъ виду подражательности этихъ рассказовъ о подвижникахъ византійскихъ образцамъ не только въ литературной манерѣ, но и въ содержаніи, вслѣдствіе чего многія черты являются въ нихъ не отраженіемъ дѣйствительности, но слѣдами книжной начитанности авторовъ и слуховъ о подвижникахъ, также съ чертами извнѣ заимствованными и фантастическими; но, съ другой стороны, и самая жизнь русскихъ подвижниковъ складывалась въ значительной степени по чужеземнымъ образцамъ, съ которыми они знакомились изъ переводныхъ патериковъ и изъ рассказовъ бывалыхъ людей. Независимо отъ этого, въ нашемъ Патерикѣ проскальзываютъ и живыя черты дѣйствительности. Изъ рассказовъ о подвижникахъ мы знаемъ о томъ, какъ жили въ монастырѣ иноки, чѣмъ они занимались, какова была внѣшняя обстановка этой жизни, кто посѣщалъ монастырь изъ постороннихъ, какъ относились къ монастырю князья, высшее духовенство и бояре, изъ какихъ сословій

1) Голубинскій. И. Р. Ц., I, перв. пол., 2 изд., с. 765—770.

поступали въ монашество и т. п. Конечно, въ цѣляхъ составителей Патерика прежде всего лежала мысль о возвеличеніи подвижниковъ и мѣста ихъ подвиговъ, о побужденіи къ подражанію послѣднимъ, но тѣмъ драгоценнѣе являются для историка отрицательныя черты этой жизни, попавшія въ рассказы т. ск. сами собою, въ силу своей фактичности. Такимъ образомъ, мы видимъ тутъ примѣры любостыжательности, непримиримой вражды, тщеславія и т. д. Аванасія затворника братія не спѣшитъ погребать, потому что онъ былъ бѣденъ; Арева былъ такъ скупъ, что готовъ былъ ради умноженія своихъ сбереженій умереть съ голоду. Инокъ изъ бояръ Сергій, получивъ передъ смертью своего духовнаго брата деньги, съ просьбой отдать ихъ потомъ сыну покойнаго, отказывается отъ исполненія даннаго имъ умиравшему обѣщанія и обличенъ въ этомъ иконою Богоматери. Титъ и Евагрій такъ ненавидѣли другъ друга, что даже передъ смертью перваго второй не хотѣлъ съ нимъ примириться. Никита, желая приобрести мірскую славу, удаляется въ затворъ. Съ другой стороны — великій князь Святоподкъ, съ цѣлю воспользоваться народнымъ бѣдствіемъ, позволяетъ ограбить инока Прохора; князь Мстиславъ подвергаетъ пыткамъ ни въ чемъ неповиннаго инока Феодора, а князь Ростиславъ, по дорогѣ на богомолье въ Печерскій монастырь, позволяетъ своей свитѣ „ругаться“ надъ преп. Григоріемъ и, недовольный его предсказаніями, велитъ даже связать ему руки и ноги и съ камнемъ на шеѣ бросить его въ воду; бояринъ Василій не вѣритъ въ св. мощи, и многія не хотятъ вѣрить въ истинность чудесъ, творимыхъ инокомъ Феодоромъ по молитвамъ преп. Антонія и Феодосія¹⁾. Все это — живыя черты современности, драгоценныя для историка.

3.

Серапіонъ Владимірскій; содержаніе и характеръ его поученій.

Съ этимъ именемъ связывается представленіе о самомъ яркомъ выразителѣ такого теченія въ древне-русской учительной литературѣ, въ силу котораго проповѣдникъ вносилъ въ рамки обязательной схемы обличеній живыя черты современности, не увлекаясь высокимъ, но отвлеченнымъ и сухимъ краснорѣчіемъ византійскихъ образцовъ. О жизни его мы знаемъ то, что въ 1274 году, когда Серапіонъ былъ Печерскимъ архимандритомъ, Кіевскій митрополитъ Кирилль II поставилъ его епископомъ Владимірскимъ, Суздальскимъ и Нижегородскимъ, а въ слѣдующемъ 1275 году Серапіонъ скончался и былъ похороненъ во Владимірѣ. Кромѣ того, въ Лѣтописи сохранилось извѣстіе, что онъ былъ „учителенъ зѣло въ божественномъ писаніи“. По достовѣрнымъ даннымъ, Серапіону принадлежитъ пять поученій, сохранившихся въ двухъ знаменитыхъ сборникахъ конца XIV в. „Златая Цѣпь“ (первыя четыре поученія) и т. наз.

1) Абрамовичъ, Д., назв. соч., с. 190—204.

„Паисіевскій Сборникъ“ (пятое поученіе); всѣ эти пять поученій въ древнѣйшихъ спискахъ носятъ на себѣ имя ихъ автора. Въ ученой литературѣ были попытки приписать Серапіону и нѣкоторыя другія поученія, но безъ достаточныхъ основаній ¹⁾.

Первое изъ пяти поученій Серапіона было произнесено или составлено около 1230 года, остальные же, вѣроятно, въ самые послѣдніе годы жизни проповѣдника. Въ своихъ поученіяхъ Серапіонъ, кромѣ обычныхъ обличеній, вытекавшихъ изъ подчиненія указанной проповѣднической схемѣ, даетъ еще много мѣста яркому изображенію татарскаго нашествія и тяжелыхъ послѣдствій его для Россіи; онъ является искреннимъ и красногубымъ выразителемъ того покаяннаго настроенія, которое овладѣло въ ту пору многими русскими умами, видѣвшими въ татарскомъ погромѣ олицетвореніе Божьяго гнѣва за грѣхи; хотя мысль эта о причинной связи земныхъ несчастій съ грѣховной жизнью лежала въ основѣ общаго релігіознаго міровоззрѣнія той эпохи, и Серапіонъ далъ ей лишь яркія формы изъ наблюденій живой дѣйствительности. Четвертое и пятое поученія, кромѣ этихъ особенностей, заключаютъ въ себѣ еще указанія на два замѣчательныхъ факта тогдашней народной жизни: практиковавшееся испытаніе „вѣдѣмъ“ холодной водой и истребленіе ихъ огнемъ (четвертое поученіе) и затѣмъ — выгребаніе изъ земли похороненныхъ утопленниковъ, которые, по народному повѣрью, могли вредить благоприятной погодѣ и урожаю (пятое поученіе). Внесеніе въ свою проповѣдь этихъ чертъ народнаго быта и высоко-гуманная точка зрѣнія, проявленная проповѣдникомъ при ихъ обличеніи, выдѣляютъ въ глазахъ историка литературы незаурядную личность Серапіона, какъ человѣка и какъ писателя. Не обладая большою ученостью, отсутствіе которой самымъ благоприятнымъ образомъ сказалось на простотѣ и доступности его поученій, Серапіонъ однако же владѣлъ извѣстной долей тогдашняго образованія, интересовался современной жизнью на Руси и за ея предѣлами, задумывался надъ страшными событіями своей эпохи и высказывался по ихъ поводу. Въ своихъ поученіяхъ Серапіонъ обнаружилъ способность вѣтать выше господствующихъ понятій и внести въ ихъ содержаніе такіе глубоко-интересные вопросы народныхъ нравовъ и психологіи, которые обезпечили его произведеніямъ важное историческое значеніе. Формой своихъ проповѣдей онъ примыкаетъ къ тому теченію въ нашей учительной литературѣ, которое характеризуется простотой, непосредственностью и отсутствіемъ искусственныхъ приемовъ книжнаго ораторства и къ которому на первыхъ шагахъ существованія нашей учительной литературы принадлежатъ также поученія Луки Жидяты и Θεодосія Печерскаго; много уступающія въ другихъ отношеніяхъ плодамъ выдающагося литературнаго дарованія Серапіона. Съ другой стороны, по своей литературной манерѣ, Серапіонъ является

1) Пѣтуховъ, Е. Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Спб. 1888, с. 7—16.

полной противоположностью Иларіону и въ особенности Кириллу Туровскому, въ трудахъ которыхъ сказалось влияние другого, искусственнаго, теченія русской учительной литературы древнѣйшей эпохи.

Что касается положенія Серапіона относительно южной или сѣверо-восточной литературной области, то оно приблизительно такъ же двойственно, какъ и положеніе Кіево-Печерскаго Патерика. Въ самомъ дѣлѣ, Серапіонъ былъ архимандритомъ Печерскаго монастыря и, б. м., его постриженникомъ, о чемъ мы не имѣемъ свѣдѣній; епископствовалъ онъ во Владимірѣ и Суздаль; его проповѣдническіе труды могутъ быть приурочены то къ югу, то — вѣроятно, въ большей своей части — къ сѣверо-востоку; откуда былъ родомъ Серапіонъ — мы не знаемъ, да это и не представляется особенно важнымъ въ данномъ случаѣ. Общій характеръ и содержаніе его произведеній таковы, что скорѣе располагаютъ отнести этого проповѣдника къ сѣверо-востоку, нежели къ Кіеву; въ частности, свѣдѣнія о волхвахъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ четвертомъ поученіи, приурочиваются, по лѣтописнымъ извѣстіямъ, гораздо болѣе къ сѣверо-востоку (Ростовъ, Суздаль) и къ сѣверу (Новгородъ), чѣмъ къ югу¹⁾. Поэтому, намъ представляется болѣе естественнымъ отнести Серапіона въ категорію тѣхъ писателей сѣверо-восточной Руси XIII вѣка, которые являются соединительнымъ звеномъ между сѣверо-востокомъ и Кіевомъ, придерживаются литературныхъ традицій кіевской школы, но живутъ новой жизнью и черпаютъ изъ нея матеріалы для своихъ наблюдений и писательства.

4.

Моленіе Даніила; спорные пункты въ пониманіи этого произведенія; его научная разработка; первоначальный составъ памятника и позднѣйшія передѣлки; его историческое значеніе.

Вопросъ объ этомъ интересномъ и своеобразномъ памятникѣ принадлежитъ къ числу весьма запутанныхъ и имѣетъ свою длинную исторію въ научной литературѣ.

Первое указаніе на „Моленіе“ или „Слово“ Даніила и обнародованіе его, хотя и съ нѣкоторыми пропусками, принадлежитъ Карамзину въ его „Исторіи“. Болѣе полное изданіе сдѣлано было въ 1821 году К. Ѳ. Калайдовичемъ въ извѣстномъ сборникѣ „Памятники Россійской словесности XII вѣка“. Затѣмъ послѣдовали рядъ работъ относительно этого памятника какъ по опубликованію новыхъ списковъ, такъ и по историко-литературной оцѣнкѣ со стороны Д. Н. Толстого, В. М. Ундольскаго, П. А. Безсонова, И. Я. Порфирьева и др., нашедшія себѣ объединеніе въ изданіи И. А. Шляпкина: Слово Даніила Заточника по всѣмъ извѣстнымъ спискамъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями. Спб. 1889

1) Ср. у Пѣтухова, назв. соч., с. 57—62.

(Пам. Др. Письм. № LXXXI). Названная работа г. Шляпкина какъ бы заканчиваетъ собою первый періодъ въ изученіи этого памятника. Результаты были таковы. Установлены были двѣ редакціи памятника, изъ которыхъ первая, т. е. первоначальная („Слово“), отнесена была къ XII вѣку, а вторая („Моленіе“), составляющая ея передѣлку, къ XIII-му. Первая представлена была четырьмя списками: Толстовскимъ, Калайдовича, Академическимъ и Морозовскимъ — всѣ не моложе XVI вѣка, а вторая имѣлась въ двухъ спискахъ: Чудовскомъ и Ундольскаго, причѣмъ послѣдній писанъ былъ въ XV в. и являлся самымъ древнимъ изъ всѣхъ сдѣлавшихся извѣстными списковъ этого памятника. Остальные два списка, Соловецкій и Д. Н. Толстого, не представляли особеннаго интереса, такъ какъ „Моленіе“ въ нихъ являлось явной передѣлкой значительно болѣе поздняго времени, и потому они не могли имѣть существеннаго значенія въ разрѣшеніи вопросовъ, возникавшихъ вокругъ памятника столь отдаленной эпохи. Кромѣ того, со времени статьи Безсонова (1856) признавалось, что ни одна изъ этихъ двухъ редакцій не представляетъ собою первоначальнаго вида памятника, но что ближе къ послѣднему стоитъ все-таки I редакция, а II редакция является съ менѣе древними чертами. Затѣмъ, считалось болѣе или менѣе принятымъ, что I редакция имѣетъ подъ собою дѣйствительный фактъ обращенія нѣкоего Данила, заточеннаго на озерѣ Лачѣ, къ князю, каковымъ считали одни Юрія Долгорукаго (1108—1157), другіе — Ярослава Владиміровича, правнука Владиміра Мономаха (1182—1199), третьи — Андрея Владиміровича Добраго (1102—1141), владѣвшаго Переяславлемъ въ 1135—1141 годахъ; II редакция имѣла чисто литературное происхожденіе: имя автора этой передѣлки неизвѣстно, адресатомъ же явился князь Ярославъ Всеволодовичъ, владѣвшій Переяславлемъ Южнымъ-Рязанскимъ (ум. въ 1246 году). Рядомъ съ этимъ высказывалась и такая точка зрѣнія (Е. Модестовымъ въ Ж. М. Н. Пр. 1880 № 11), что вообще „Моленіе“ лишено исторической основы, а является лишь литературной формой съ произвольными именами автора и князей. Раздѣляя этотъ взглядъ, В. Щуратъ (Записки научоваго товариства имени Шевченка, т. IX. 1896) высказалъ предположеніе, что на появленіе „Моленія“ могли повліять византійскія произведенія, вродѣ просительныхъ поэмъ Михаила Глики XII в. или его современника Феодора Птохопродрома.

Съ 1896 года обнаруживается рѣзкій поворотъ въ изученіи и истолкованіи „Моленія“ Данила. Начало этому положено было А. И. Лященкомъ въ его статьѣ „О времени написанія Слова Данила Заточника“ (Труды Рижскаго Археологическаго Съѣзда. Т. I). Онъ устанавливаетъ совершенно новый взглядъ на соотношеніе I и II редакцій памятника, считая первоначальной II-ую, а въ I-ой видя лишь ея передѣлку. Такъ какъ эта т. наз. II редакция возникла въ XIII вѣкѣ, будучи обращена Даниломъ къ князю Ярославу Всеволодовичу, бывшему нѣсколько разъ Новгородскимъ княземъ, и такъ какъ дѣятельность его въ Новгородѣ

особенно замѣтной была въ 1223—1236 годахъ, то г. Лященко этими хронологическими предѣлами и опредѣляетъ время появленія памятника; упоминаніе въ „Моленіи“ Переяславля онъ объясняетъ лишь тѣмъ, что переяславскія войска принимали участіе въ походахъ Ярослава Всеволодовича въ пользу Новгорода; авторъ „Моленія“ Даниль, по предположенію г. Лященко, былъ дружинникъ князя Ярослава, сосланный имъ на озеро Лаче, вѣроятно за трусость на войнѣ. Т. о., согласно этой гипотезѣ, памятникъ по его первоначальному возникновенію переносится изъ XII въ XIII столѣтіе. Т. наз. I редакцію г. Лященко признаетъ поздней передѣлкой оригинала XIII вѣка, возникшей, вѣроятно, въ XVI вѣкѣ; такъ какъ тогда имя Ярослава Всеволодовича уже никому не было извѣстно, то редакторъ этой передѣлки, имѣя въ виду исключительно литературную точку зрѣнія на дѣло, замѣнилъ его „сыномъ Владиміра“, подразумевая, вѣроятно, подъ именемъ Владиміра популярную, особенно въ московскую пору, личность Владиміра Мономаха.

Въ 1900 году появился новый пересмотръ вопроса объ исторической обстановкѣ „Моленія“ и объ его редакціяхъ со стороны В. М. Гуссова¹⁾. Этотъ изслѣдователь принимаетъ главное положеніе г. Лященко объ относительной древности обѣихъ редакцій и относитъ первоначальную редакцію, имѣющую историческую основу, также къ XIII вѣку, но такъ какъ адресатъ Ярославъ Всеволодовичъ княжилъ въ Переяславлѣ Рязанскомъ въ пору своего отрочества и потерялъ это княженъе лишь пятнадцати лѣтъ отъ роду, то г. Гуссовъ находитъ болѣе вѣроятнымъ, что „Моленіе“ обращено было къ нему въ то время, когда онъ позднеѣ получилъ отъ отца въ удѣлъ Переяславль Сѣверный-Суздальскій, а это было въ 1213 году; здѣсь Ярославъ княжилъ до 1236 года, и эти рамки 1213—1236 опредѣляютъ время написанія „Моленія“, которое, такимъ образомъ, является памятникомъ „ростовско-суздальской литературы“. Передѣлку этого памятника, въ цѣляхъ исключительно литературныхъ, г. Гуссовъ относитъ предположительно къ Новгороду и ко времени значительно позже XIII вѣка. По вопросу о литературномъ составѣ первоначальной редакціи памятника г. Гуссовъ отрицательно относится къ попыткамъ отыскать ему какую-либо готовую схему въ своихъ или иноземныхъ источникахъ: онъ находитъ, что эта схема была выработана авторомъ самостоятельно.

Наконецъ, точка зрѣнія Лященко и въ особенности Гуссова нашла себѣ поддержку въ лицѣ В. М. Истрина²⁾. Принимая цѣликомъ выводы послѣдняго относительно времени и мѣста возникновенія памятника, а также адресата его, г. Истринъ останавливается на трудности изученія

1) Къ вопросу о редакціяхъ Моленія Данила Заточника. Лѣтопись Историко-филологическаго Общества при Новороссійскомъ Университетѣ. Т. VIII. Одесса 1900, с. 1—34.

2) Былъ ли „Даниль Заточникъ“ дѣйствительно заточенъ? Лѣтопись Историко-филологическаго Общества при Новороссійскомъ Университетѣ. Т. X. 1902, с. 55—74.

того мѣста памятника, гдѣ говорится о Лачь-озерѣ, какъ мѣстѣ заточенія Данила: объ этомъ Лачь-озерѣ нѣкоторые списки (Ундольскаго и Чудовскій, т. е. какъ разъ именно представители первоначальной редакціи) не упоминаютъ, и авторъ задается вопросомъ: былъ-ли вообще куда бы то ни было заточенъ Даниль? и не есть ли упоминаніе о Лачь-озерѣ („кому Лаче озеро, а мнѣ много плача исполнено“) такая же литературная игра словъ, какъ и упоминаніе о Переяславлѣ и Бѣлоозерѣ: („кому Переславль, а мнѣ Гореславль . . . кому Бѣлоозеро, а мнѣ черныя смолы“)? Въ результатѣ своего изслѣдованія г. Истринъ получаетъ выводъ, что въ первоначальномъ текстѣ памятника не было указано не только на Лачь-озеро, какъ мѣсто ссылки Данила, но и вообще не упоминалось о ссылкѣ; а если Даниль не былъ никуда ссылаемъ, то и нѣтъ основанія поддерживать традиціонное названіе „Данила-заточника“¹⁾. Передъ нами, такимъ образомъ, просто нѣкій Даниль, написавшій въ XIII вѣкѣ обращеніе къ князю Ярославу Всеволодовичу. Со своей точки зрѣнія авторъ рисуетъ его слѣдующими чертами: „Нашъ авторъ, повидимому, сынъ зажиточныхъ родителей, которые когда то давали ему средства на существованіе. Но онъ чѣмъ то провинился передъ ними, и они его прогнали, вслѣдствіе чего онъ попалъ въ положеніе блуднаго сына. Мы не знаемъ вины автора передъ своими родителями: можетъ быть, онъ дѣйствительно докучивалъ или, можетъ быть, не занимался тѣмъ, чего хотѣлось родителямъ — во всякомъ случаѣ онъ очутился въ бѣдности. Къ физическому труду, повидимому, онъ не привыкъ: онъ не хочетъ идти на боярскій дворъ подъ благороднымъ предлогомъ избѣжать холопьяго имени, а на самомъ дѣлѣ потому, что физическій трудъ ему не по силамъ . . . Не смотря на свою юность, онъ призналъ себя стоящимъ въ умственномъ отношеніи выше многихъ другихъ, что было вполне справедливо, и потому обращается прямо къ князю съ просьбой взять его подъ свое покровительство . . . Онъ проситъ князя помочь ему выдти изъ бѣдности — по двумъ причинамъ: князь самъ по себѣ добръ и милостивъ, какимъ и должно быть князю, а онъ — мудръ и ученъ“. Онъ проситъ князя взять его къ себѣ на службу и въ подтвержденіе своего права на это указываетъ на свою опытность и умъ, которыя онъ приобрѣлъ благодаря житейскимъ невзгодамъ и прилежному чтенію книгъ. „Авторъ особенно выставляетъ на видъ свою книжную мудрость, что и понятно. Онъ не хочетъ исполнять при дворѣ князя низшія должности, считая себя способнымъ къ высшимъ. Тогда остаются двѣ сферы дѣятельности, въ которыхъ онъ могъ бы проявить свои способности: княжескій совѣтъ и военная служба“. Признавая себя неспособнымъ къ военной службѣ, онъ проситъ князя опредѣлить его къ себѣ въ качествѣ совѣтника: мудрые совѣтники нужны какъ на войнѣ, такъ и въ мирѣ²⁾). Въ концѣ своего изслѣдованія, считаясь одна-

1) Исторію возникновенія этой традиціи о ссылкѣ см. у Истрина: с. 71—73.

2) Тамъ же, с. 68—71.

коже съ традиціей о заточеніи Данила, въ связи съ лѣтописнымъ упоминаніемъ подъ 1378 годомъ объ озерѣ Лачѣ, „идѣже бѣ Данииль заточеникъ“, Истринъ допускаетъ возможность и такого предположенія, что въ данной традиціи сказалось смѣшеніе двухъ Данииловъ: „одного, жившаго въ Переяславлѣ и не бывшаго въ заточеніи, но написавшаго къ князю Посланіе, и другого, посланія не писавшаго, но находившагося въ заточеніи на озерѣ Лачѣ. Преданіе съ теченіемъ времени могло легко смѣшать обоихъ Данииловъ, тѣмъ болѣе, что и само содержаніе могло подать поводъ къ такому смѣшенію“¹⁾. Мы, со своей стороны, находимъ возможнымъ вполне примкнуть къ гипотезѣ, установленной въ трудахъ Ляшенка, Гуссова и Истрина, и съ этой точки зрѣнія должны теперь взглянуть, въ краткихъ чертахъ, на „Моленіе“, какъ литературный памятникъ, возникшій на сѣверо-востокѣ въ XIII вѣкѣ, и на его дальнѣйшую судьбу.

„Моленіе“ въ общемъ имѣетъ нѣкоторый планъ: оно состоитъ изъ небольшого вступленія, весьма обширной главной части и краткаго заключенія.

Вступленіе исполнено риторическаго пафоса и заключаетъ въ себѣ выраженіе намѣренія автора обратиться къ своему князю, при чемъ уже тутъ высказывается высокое мнѣніе автора о своемъ умѣ, учености и краснорѣчіи.

Въ подробностяхъ, главная часть лишена какого-либо опредѣленнаго распорядка. Она состоитъ изъ отдѣльныхъ обращеній къ князю, неизмѣнно начинающихся словами: „княже, мой господине . . .“ Всего болѣе говоритъ авторъ о себѣ самомъ: онъ оставленъ отцомъ, матерью и друзьями, заброшенъ, беззащитенъ, находится въ нищетѣ; онъ проситъ князя обратить на него вниманіе и взять къ себѣ на службу въ качествѣ совѣтника, при чемъ попутно расточаетъ князю похвалы и лесть; онъ особенно хвалитъ въ себѣ умъ и книжное образованіе и, повидимому, для доказательства этого послѣдняго, а также и для вящаго убѣжденія князя ссылается на разные историческіе примѣры, начиная съ „египетскихъ мудрецовъ“, Давида и Соломона, и кончая русскими князьями Святославомъ, Святополкомъ и Ростиславомъ, нуждавшимися въ мудрыхъ совѣтникахъ для своихъ предпріятій. Восхваляя умъ, авторъ обрушивается на глупость и на „безумныхъ“. Затѣмъ, повторяя указаніе на свою нищету, авторъ предполагаетъ, что, м. б., князь посоветуетъ ему, для избавленія отъ нея, выгодно жениться на богатой невѣстѣ, и это предположеніе даетъ ему поводъ высказаться противъ безнравственности женитбы по расчету: тутъ мы имѣемъ тираду — впрочемъ, весьма умѣренную — противъ женщинъ, со ссылкой на какія-то „мірскія притчи“; другой предполагаемый совѣтъ князя, поступить для избавленія отъ нищеты въ монастырь, вызываетъ со стороны автора осужденіе тѣхъ людей, которые изъ выгоды принимаютъ на себя „святительскій санъ“. Въ концѣ,

1) Тамъ же, с. 73.

главной части имѣется описаніе скоморошскихъ чужеземныхъ игръ, съ цѣлю указать, что даже клоуны и актеры „имѣютъ у поганыхъ салтановъ и у королей честь и милость“.

Въ краткомъ заключеніи авторъ, снова указывая на качества своего ума и образованія, обращается съ благопожеланіями къ князю и родной землѣ — между прочимъ: „не дай же, Господи, въ полонъ земли нашея языкомъ, не знающимъ Бога“¹⁾.

Таково первоначальное содержаніе памятника, возникшаго въ первой половинѣ XIII вѣка и представленнаго т. наз. II редакціей по старой терминологіи. Передѣлка его, съ неопредѣленнымъ обращеніемъ къ „сыну великаго царя Владиміра“, представленная списками т. наз. I редакціи подъ именемъ „Слова о Даниилѣ Заточникѣ“²⁾, вноситъ въ прежнее „Моленіе“ новыя черты — далеко не въ пользу литературнаго достоинства труда Даниила. Главная часть произведенія получаетъ подъ перомъ новаго редактора уже совершенно хаотическій видъ, превращаясь въ рядъ отрывковъ, не связанныхъ между собою никакой основной мыслью и давшихъ Голубинскому право охарактеризовать все это произведеніе какъ „нескладную болтовню“³⁾. Но есть и характерныя измѣненія: умѣренная тирада Даниила противъ женщинъ обращается у новаго редактора въ обширный, фанатическій трактатъ „о злыхъ женахъ“, весьма типичный для древне-русскаго аскетическаго міровоззрѣнія и напоминающій многочисленныя „слова о женахъ“; этотъ трактатъ въ свое время, когда т. наз. I редакція считалась первоначальнымъ видомъ труда Даниила, подалъ поводъ⁴⁾ къ сопоставленію даннаго мѣста не только съ переводнымъ сборникомъ „Пчела“, но и съ упомянутыми „словами о женахъ“, составленіе которыхъ относится уже къ болѣе позднимъ вѣкамъ нашей письменности, нежели первая половина XIII вѣка; съ точки зрѣнія новаго соотношенія редакцій нашего памятника указанная особенность т. наз. I редакціи объясняется весьма просто. Съ другой стороны, въ этой позднѣйшей передѣлкѣ выпущены нападки на монашествующихъ, что, вѣроятно, объясняется духовнымъ званіемъ новаго редактора чужого произведенія, смотрѣвшаго на свою задачу какъ на литературное упражненіе, безъ всякой дѣйствительной подкладки. Именно этимъ отношеніемъ къ дѣлу должна быть объясняема и нелѣпая вставка въ разсматриваемой передѣлкѣ передъ заключительной частью „Слова“: „Сии словеса азъ Даниилъ писахъ въ заточеніи на Бѣлѣ озерѣ, и запечатавъ въ воску и лустихъ во езеро, и вземъ рыба пожре, и ята бысть рыба рыбаремъ, и принесена бысть ко князю, и нача ея пороти, и узре

1) По изданію Шляпкина: с. 34—55.

2) По изданію Шляпкина: с. 2—31.

3) И. Р. Ц., Т. I, перв. пол., 2 изд., с. 868.

4) Въ статьѣ акад. М. И. Сухомлинова: О псевдонимахъ въ древней русской словесности. Изв. II Отд. А. Н. Т. IV (1855), с. 132—140. 149—153.

князь сіе написаніе и повелѣ Даниїла свободити отъ горькаго заточенія¹. Кто былъ неумѣлый передѣльватель этого ростовско-суздальскаго произведенія XIII вѣка, сказать трудно: б. м., онъ имѣлъ нѣкоторое отношеніе къ Новгороду, судя по упоминанію имени Новгорода въ его редакціи, („кому ти есть Новгородъ, а мнѣ углы опали“), но возможно, что и это есть лишь литературный оборотъ рѣчи; когда была сдѣлана передѣлка, для сужденія объ этомъ мы также не имѣемъ никакихъ данныхъ, такъ какъ упоминаніе имени князя (уже не въ заглавіи, какъ въ первоначальной редакціи, а лишь въ текстѣ: „сыне великаго царя Владиміра“ и съ опущеніемъ ссылокъ на другихъ князей) не можетъ дать для заключеній по этому вопросу никакихъ надежныхъ указаній.

Остальныя двѣ передѣлки нашего памятника относятся къ XVI—XVII вѣкамъ. Одна изъ нихъ опубликована И. Я. Порфирьевымъ по списку XVI—XVII в. Соловецкой бібліотеки въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ 1882 № 6²). Трудно сказать, который изъ двухъ видовъ произведенія Даниїла имѣлъ подъ руками новыи редакторъ — первоначальный или вторичный; есть слѣды пользованія и тѣмъ и другимъ, но слѣды пользованія вторымъ ярче и очевиднѣе. Эта вторая передѣлка не закончена, обрываясь словами: „орелъ птицамъ царь, а левъ звѣремъ, а осетерь рыбамаъ“. Имя Даниїла, который „сѣдѣше на Бѣлѣ озерѣ“, тутъ оставлено, но князь, къ которому обращается авторъ, названъ то „Владиміромъ“, то „сыномъ царя Всеволода“: однимъ словомъ — полная путаница и литературный произволъ. Какъ отличительная черта этой редакціи, могутъ быть отмѣчены усиленныя нападки на бояръ: „конь тучень, яко врагъ сапаетъ на господина своего; тако бояринъ богатъ и силенъ смелитъ на князя зло“ и т. п.

Наконецъ, еще болѣе отдаленную отъ первоначальнаго оригинала передѣлку труда Даниїла представляетъ текстъ, опубликованный Д. Н. Толстымъ по рукописи XVII в. въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1842 года, т. XXII²). Тутъ уже совсѣмъ нѣтъ имени князя, къ которому обращено „Слово“, и вообще эта передѣлка не носитъ никакихъ личныхъ чертъ; по объему эта передѣлка самая краткая, и въ ней нѣтъ никакихъ сколько-нибудь характерныхъ прибавокъ.

Такъ постепенно вывѣтривалось на протяженіи вѣковъ это произведеніе XIII вѣка, теряя, подъ перомъ разныхъ книжниковъ, свои историческія черты, свою реальность и свои литературныя краски. Этими особенностями оно ярко выдѣляется на фонѣ своей литературной эпохи, какъ весьма замѣчательное произведеніе свѣтскаго характера, вызвавшее своими достоинствами цѣлый рядъ позднѣйшихъ передѣлокъ и подражаній.

Историческое значеніе этого памятника сѣверо-восточной литературы первой половины XIII вѣка очень хорошо формулировано В. М. Истри-

1) По изданію Шляпкина: с. 59—63.

2) По изданію Шляпкина: с. 67—70.

ны мѣ : „Онѣ имѣеть для насъ значеніе не столько какъ выраженіе тѣхъ или другихъ идеаловъ какой-либо части тогдашняго общества, напр. дружины, а какъ показаніе извѣстнаго литературнаго развитія и просвѣщенія въ очень опредѣленное время, именно въ первой половинѣ XIII вѣка, и въ опредѣленной мѣстности, именно на сѣверо-востокѣ. Его значеніе — въ тѣсной связи со всеми другими произведеніями той же эпохи. Памятникъ этотъ свидѣтельствуетъ о начитанности автора, объ его литературныхъ способностяхъ, объ его умѣннн располагать все свое твореніе въ очень ясномъ порядкѣ. Самый фактъ появленія письма не безынтересенъ и характеренъ. Нужно представить себѣ всю тогдашнюю обстановку. Данииль, частный человекъ, пишетъ просительное письмо своему князю, находясь въ томъ же городѣ. Съ одной стороны, Переяславль въ то время былъ городомъ очень небольшимъ, а съ другой — князь въ то время стоялъ настолько близко къ народу, что въ письменной просьбѣ не было никакой нужды. Кромѣ того, это не просто просьба, а литературное произведеніе. Очевидно, Данииль смотрѣлъ на свое письмо какъ на рекомендацію своей учености и надѣялся на ея дѣйствіе, а это свидѣтельствуетъ, что ученость могла въ то время цѣниться. Быть можетъ, Данииль видѣлъ и примѣры такой оцѣнки“¹⁾. Однако, наряду съ этими историческими соображеніями, не слѣдуетъ упускать изъ виду и возможности чисто литературныхъ византійскихъ влияній, указаніе на которыя было сдѣлано уже В. Щуратомъ : византійская поэзія въ XI—XIV вв. изобиловала подобными поэтическими произведеніями, наполненными риторикой и показной ученостью²⁾, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что какой-нибудь русскій книжникъ XIII в. могъ увлечься подражаніемъ этой модной литературной манерѣ.

5.

Другія литературныя явленія Сѣверо-восточной Руси. — Житія ростовскихъ святыхъ. — Отраженіе татарскаго нашествія въ литературѣ. — Слово о гибели русской земли. — Лѣтописи и ихъ иллюстраціи; сношенія со славянскимъ западомъ; полемическія сочиненія. — Нѣкоторые выводы и наблюденія.

Обратимся теперь къ обзорѣю другихъ проявленій литературнаго движенія на сѣверо-востокѣ въ „средніе вѣка“ нашей письменности.

Житія. На первомъ планѣ стоятъ житія ростовскихъ церковныхъ дѣятелей : епископа и правителя Ростова Леонтія (ум. 1073), его преемника Исаи (ум. 1090) и затѣмъ ростовскаго чудотворца, архимандрита Богоявленскаго монастыря Авраамія (ум. 1077). Т. о., дѣятельность этихъ

1) Ж. М. Н. Пр. 1905 № 8, с. 258—259.

2) Хр. Лопаревъ. Византійскій поэтъ Мануиль Филь. Къ исторіи Болгаріи въ XIII—XIV вѣкѣ. Спб. 1891, с. 7—10.

лицъ относится ко второй половинѣ XI вѣка, а ихъ прославленіе въ народѣ ко второй половинѣ XII и началу XIII вѣка. Но ученая критика, гл. обр. въ лицѣ проф. В. О. Ключевскаго, встрѣчаетъ большія затрудненія въ томъ, чтобы отнести составленіе ихъ житій, несомнѣнно имѣвшее мѣсто на сѣверо-востокѣ, къ совершенно опредѣленному времени: первая редакція житія Леонтія составила, вѣроятно, въ промежуткѣ 1194—1204 годовъ, между тѣмъ какъ первая редакція житія Исаи не можетъ быть отнесена ранѣе 1474 года; что же касается Авраамія, то легендарная основа его житія дошла до перваго его редактора не раньше XIV вѣка ¹⁾. При такомъ положеніи вопроса, разсмотрѣніе названныхъ житій въ литературномъ отношеніи теряетъ подъ собою твердую почву, въ виду невозможности болѣе или менѣе точно приурочить эту сложную (къ тому же принадлежащую разнымъ лицамъ въ разныхъ ея стадіяхъ) работу къ опредѣленному историческому моменту.

Болѣе матеріала судить о себѣ даетъ житіе знаменитаго Владимірскаго князя Александра Невскаго (ум. 1263), написанное лицомъ, близкимъ къ событіямъ, и представляющее любопытное явленіе для характеристики литературныхъ приемовъ на сѣверо-востокѣ Руси въ XIII вѣкѣ ²⁾. Авторъ въ своемъ изложеніи не былъ чуждъ нѣкоторой искусственности, но его главной цѣлью было изложеніе дѣйствительныхъ событій, какъ онъ ихъ зналъ и понималъ, а еще болѣе того впечатлѣнія, какое въ свое время произвела на современниковъ личность популярнаго и безспорно выдающагося своими качествами князя; авторъ обладаетъ извѣстной долей книжной начитанности и пользуется ея запасами, когда ему нужно отънѣить личность и поведеніе своего героя въ тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ его жизни. Хотя онъ сознаетъ, что пишетъ житіе святого, но онъ далекъ отъ желанія принести въ жертву агіографической условности реализмъ и фактичность своего повѣствованія. Эти качества неизвѣстнаго намъ по имени автора — вѣроятно, родомъ владимірца или вообще съ сѣверо-востока — даютъ основаніе видѣть въ немъ сторонника, конечно безсознательнаго, той реалистической школы въ области житійнаго повѣствованія, которое возникло на югѣ и получило свое главное выраженіе въ агіографическихъ трудахъ преп. Нестора и отчасти въ Кіево-Печерскомъ Патерикѣ. Вскорѣ, въ послѣдующее время именно на сѣверо-востокѣ образуется новая агіографическая школа съ чертами искусственности, риторизма и неисторичности ³⁾.

Можно полагать, что въ XIII вѣкѣ на сѣверо-востокѣ зарождаются основы чрезвычайно цѣнныхъ по литературнымъ и историческимъ даннымъ ростовской легенды о Петрѣ царевичѣ Ордынскомъ, муромской о Петрѣ и Февроніи и др., но такъ какъ самая обработка въ литературную

1) Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. М. 1871, с. 3—35.

2) Въ Лаврентьевской Лѣтописи подъ 1263 годомъ: см. изд. 1897, с. 453—457.

3) Ключевскій, назв. соч., с. 67—71.

форму этого матеріала имѣла мѣсто позднѣе¹⁾, то здѣсь приходится ограничиться только простымъ указаніемъ на нихъ, подобно упомянутымъ ранѣе житіямъ ростовскихъ угодниковъ. Цѣннымъ остается лишь стоящее внѣ сомнѣнія приуроченіе этого литературнаго матеріала къ сѣверо-восточной области и къ исторической обстановкѣ разсматриваемой нами теперь эпохи.

Отраженіе татарскаго нашествія въ литературѣ. Изъ внѣшнихъ историческихъ событій наибольшее вліяніе на литературу оказало, конечно, татарское нашествіе. Самый фактъ этого народнаго бѣдствія произвелъ подавляющее впечатлѣніе на всѣ общественные классы, ослабилъ духовныя силы, въ томъ числѣ и литературу. Подъ вліяніемъ страшныхъ событій, мысль русскаго человѣка обратилась, съ одной стороны, къ покаянію и молитвѣ, къ отысканію въ этихъ бѣдствіяхъ слѣдовъ наказанія за грѣховную жизнь: такова была точка зрѣнія духовенства, находившая себѣ основу и поддержку въ общихъ религіозныхъ представленіяхъ о цѣлесообразности и глубокой причинной связи жизненныхъ событій съ волею Бога, и этотъ взглядъ нашелъ себѣ выраженіе, напр., въ поученіяхъ Серапіона. Съ другой стороны, народный умъ и чувство искали въ несчастныхъ событіяхъ современности доказательствъ народной силы, уступающей теперь могуществу болѣе внушительному, но нечестивому, и таящей въ себѣ залогъ будущаго великаго возрожденія. Такова полудуховная-полусвѣтская повѣсть „О Калкскомъ побоищѣ и 70-ти храбрыхъ“, явившаяся литературнымъ результатомъ пораженія при Калкѣ въ 1224 году, существовавшая сначала отдѣльно, а затѣмъ попавшая въ лѣтописи²⁾; она также, подобно поученіямъ Серапіона, оканчивается размышленіемъ автора, что описанныя бѣдствія являются результатомъ грѣховной жизни и гордости князей. Когда въ 1237 году татары пришли снова, нанесли жесточайшее разореніе и наложили свою тяжелую руку на сѣверо-востокъ, то эти событія вызываютъ новую работу фантазіи въ литературномъ направленіи: такова, напр., Повѣсть объ Евпатіи Коловратѣ и о разореніи Рязанской земли³⁾. Произведеніе это свѣтскаго характера и, по своимъ литературнымъ приемамъ, кое въ чемъ напоминаетъ Слово о Полку Игоревѣ; въ немъ уже нѣтъ покаяннаго элемента и душевной подавленности; мысль автора находитъ себѣ выходъ изъ бѣдственнаго положенія и утѣшеніе въ описаніи храбрости и героизма своихъ князей, гордость которыхъ характеризуется уже не какъ недостатокъ, а какъ достоинство.

Но едвали не самымъ замѣчательнымъ поэтическимъ откликомъ на событія татарскаго нашествія въ эту эпоху является „Слово о погибели русскія земли“, къ сожалѣнію дошедшее до насъ лишь въ незначительномъ отрывкѣ. Этотъ отрывокъ имѣетъ однако же такія литературныя

1) Буслевъ, Ѡ. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Т. II, с. 156.

2) Лаврентьевская Лѣтопись подъ 1223 годомъ: см. изд. 1897, с. 477—483.

3) Срезневскій, И. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. I—XL. Спб. 1867, № XXXIX.

достоинства утраченного или вообще предполагаемого цѣлаго, которыя заставляютъ, безъ всякой натяжки, сближать этотъ памятникъ съ северо-восточной поэтической литературы XIII в. съ Словомъ о Полку Игоревѣ.

„Слово о погибели руския земли“ найдено въ Сборникѣ Псковскаго Печерскаго монастыря XV вѣка и напечатано Х. М. Лопаревымъ (Пам. Древней Письменности. № LXXXIV: Слово о погибели руския земли. Вновь найденный памятникъ XIII вѣка. Спб. 1892). Отъ него сохранилось всего 45 строкъ, и другого списка памятника до сихъ поръ неизвѣстно¹⁾. Послѣ отрывка Слова въ рукописи идетъ Житіе Александра Невскаго, извѣстное по Лѣтописи, чѣмъ и оканчивается самая рукопись. Сохранившійся отрывокъ начинается вступленіемъ, въ которомъ восхваляется красота и величіе „русской земли“. Дальнѣйшія строки посвящены изображенію этого величія и красоты въ старину: широкимъ размахомъ очерчиваются необъятныя границы Руси, слава ея князей „Всеволода“, отца его Юрія, князя Кіевскаго, и дѣда его „Владимира Мономаха“, передъ которымъ Половцы и Литва трепетали, Угры ограждали свой каменные города желѣзными воротами, и только „нѣмцы“ (шведы) спокойно жили далеко за синимъ моремъ; даже самъ византійскій царь Мануилъ посылалъ къ Владимиру дары, чтобы тотъ не взялъ Царяграда. Но — такъ было въ прошломъ, а при „нынѣшнемъ Ярославлѣ и братѣ его Юріи князѣ Владимірскомъ“ наступила „болѣзнь крестьяномъ“. На этомъ оканчивается сохранившійся отрывокъ, при чемъ подѣ „болѣзнью“, судя по именамъ князей, приходится разумѣть не иное что, какъ татарское нашествіе. Едва ли можно сомнѣваться, что „нынѣшній“ Ярославъ отрывка есть уже знакомый намъ Ярославъ Всеволодовичъ, князь Переяславскій, къ которому Даніилъ обращалъ свое „Моленіе“.

Т. о., возникновеніе „Слова“ надо относить къ первой половинѣ XIII вѣка, а по мѣсту — къ северо-восточной Руси. Можно предполагать, что мы имѣемъ дѣло съ началомъ исторической поэмы, въ которой, судя по заглавію, должно было быть изображено нашествіе татаръ. Уже изъ сохранившагося отрывка видно, что авторъ поэмы, человекъ очевидно книжный, допускалъ рядомъ съ историческими чертами и явныя преувеличенія, когда описывалъ могущество Владимира Мономаха и его предшественниковъ, въ отношеніи внѣшнихъ границъ Руси, или изображалъ страхъ передъ ними знаменитаго царя Мануила (1143—1180). Не говоря о хронологическомъ несовпаденіи, вся эта тирада отзывается фантастическими чертами народной поэзіи, которая дѣйствительно знаетъ „грознаго царя Этмануйла Этмануйловича“, принимавшаго пословъ „Владимира князя Кіевскаго“ и даже сдѣлавшагося впоследствии его тестемъ²⁾, но не уни-

1) Позднѣйшія дополнительныя соображенія о составѣ „Слова“ и его извѣстности въ старой письменности изложены были въ рефератѣ г. Лопарева, прочитанномъ имъ въ засѣданіи О. Л. Др. П. 9 января 1909 года: Отчеты о засѣданіяхъ Импер. Общества Люб. Древней Письменности въ 1907—1910 гг. Спб. 1911, с. 25—26.

2) Изд. Лопарева, с. 13—14.

жавшагося до уплаты ему дани изъ страха нападенія на его столицу. Отрывокъ оканчивается на самомъ интересномъ мѣстѣ — началѣ, повидимому, главной части поэмы:

Авторъ поэмы намъ не извѣстенъ. Издатель отрывка находитъ, что „сближеніе“ его съ Даниломъ-Заточникомъ „имѣетъ за себя нѣкое основаніе“¹⁾; но его смущало то, что Даниль по признаваемой тогда древнѣйшей редакціи былъ относимъ къ XII вѣку. Съ принятіемъ новой точки зрѣнія на Данила, написавшаго свое „Моленіе“ въ XIII вѣкѣ и обращавшагося именно къ тому самому Ярославу Всеволодовичу Переяславскому, о которомъ упоминаетъ какъ о „нынѣшнемъ“ и неизвѣстный авторъ нашего „Слова“, такое затрудненіе устраняется, и напр. В. М. Истринъ высказываетъ уже вполне опредѣленное предположеніе, что „авторъ того и другого произведенія (т. е. и „Моленія“ и „Слова о гибели рускія земли“) одинъ и тотъ же“²⁾. Я полагаю, что далѣе самаго осторожнаго предположенія въ этомъ вопросѣ идти нельзя, п. ч. о литературной манерѣ автора „Слова“ мы знаемъ слишкомъ мало по сохранившемуся отрывку; содержаніе же послѣдняго не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ „Моленіемъ“. При весьма замѣтномъ расцвѣтѣ сѣверо-восточной литературы въ первой половинѣ XIII вѣка нѣтъ никакой необходимости стремиться приписывать выдающіяся произведенія непременно одному и тому же лицу.

О художественныхъ достоинствахъ этого произведенія по нѣсколькимъ сохранившимся строкамъ судить, конечно, очень трудно. Я не могу оспаривать предположенія издателя, Х. М. Лопарева, что „это только начало великолѣпной поэмы XIII вѣка“ и что она (поэма) составляетъ часть цѣлой трилогіи, въ которую, кромѣ „Слова“, входили еще другія два произведенія: „О смерти великаго князя Ярослава“ и „О житіи великаго князя Александра“, но я не могу ни слова прибавить и въ подкрѣпленіе этой догадки. Н. Серебрянскій, напротивъ, совершенно отрицаетъ эту догадку перваго издателя, основанную не столько на внутреннемъ анализѣ памятника, сколько на сосѣдствѣ его въ псковско-печерской рукописи съ двумя названными произведеніями: онъ полагаетъ, что „Слово о гибели рускія земли“ есть не болѣе, какъ предисловіе къ Житію в. кн. Александра Невского, часть котораго составляетъ произведеніе „О смерти в. кн. Ярослава“; такимъ образомъ, по мнѣнію этого изслѣдователя, предполагающаго, что „Слово“ сохранилось не въ отрывкѣ, а въ своемъ первоначальномъ видѣ, нѣтъ необходимости предполагать и существованіе какой бы то ни было поэтической трилогіи³⁾. Мнѣніе это во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія. Вопросъ о поэтическихъ достоинствахъ „Слова“ также не находитъ себѣ единодушнаго рѣшенія. М. Грушевскій (Записки науковаго товариства имени Шевченка, V. 1895) и И. Н. Ждановъ

1) Тамъ же, прим. на с. 11.

2) Ж. М. Н. Пр. 1905 № 8, с. 267.

3) Замѣтки и тексты изъ псковскихъ памятниковъ. I—V, с. 74—84.

(Русскій былевой эпосъ. 1895) ставили эти достоинства невысоко, а проф. Владиміровъ прямо находилъ его „въ поэтическомъ отношеніи крайне неудачнымъ“; онъ, кромѣ того, полагалъ, что „начало Слова вызываетъ сильное сомнѣніе по несоотвѣтствію съ духомъ древне-русскихъ памятниковъ“¹⁾. Но развѣ характеръ и духъ древне-русскихъ памятниковъ такъ опредѣленно очерчены, что на основаніи ихъ можно судить о самой подлинности новыхъ открытій въ той же области древне-русской литературы? Затѣмъ, авторъ находить, что произведеніе это „мало чѣмъ напоминаетъ Слово о Полку Игоревѣ“; мнѣ же думается, напротивъ, что этотъ отрывокъ именно „напоминаетъ“ Слово о Полку Игоревѣ — только, конечно, въ весьма слабой степени, по скольку подобный отрывокъ вообще можетъ быть сравниваемъ съ единственнымъ до сихъ поръ въ своемъ родѣ цѣльнымъ поэтическимъ произведеніемъ нашей древней письменности.

Лѣтописи и ихъ иллюстраціи; полемическія сочиненія. Изъ другихъ явленій сѣверо-восточной литературы первой половины XIII вѣка здѣсь можно отмѣтить прежде всего работы надъ лѣтописью. Мы имѣемъ тутъ, съ одной стороны, Переяславскую Лѣтопись, составленную въ Суздальской землѣ во второмъ десятилѣтіи XIII вѣка, между 1214—1219 годами, при переяславскомъ князѣ Ярославѣ Всеволодовичѣ, племянникѣ Андрея Боголюбскаго — того самаго, къ которому обращено было „Моленіе“ Даниила и о которомъ упоминается въ „Словѣ о погибели рускія земли“. Памятникъ этотъ изданъ княземъ М. Оболенскимъ: Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго. М. 1851. Съ другой стороны — работы надъ Владимірской Лѣтописью, результаты которыхъ дошли до насъ, въ великолѣпномъ экземплярѣ конца XV вѣка, подъ видомъ такъ наз. Радзивилловской или Кенигсбергской Лѣтописи, изданной О. Л. Д. П. въ 1902 году (№ СХVІІІ). По изслѣдованіямъ Шахматова²⁾, первая попытка составить во Владимірѣ лѣтописный сводъ восходитъ къ 1185 или 1186 году; въ основаніе свода была положена Кіевская Лѣтопись въ редакціи, дошедшей, повидимому, до 1175 года. Вторая редакція Владимірскаго свода была составлена около 1192 года съ цѣлію дополнить и исправить сводъ 1185 года. Третій Владимірскій сводъ доходилъ предположительно до 1216 года и оказалъ извѣстное вліяніе на составленіе упомянутой Переяславской Лѣтописи. Наконецъ, около того же времени явились попытки составить лѣтопись и въ Ростовѣ. Впослѣдствіи, въ началѣ XIV вѣка, эти лѣтописи — особенно Владимірская и Переяславская — оказали свое вліяніе на составленіе общерусскаго лѣтописнаго свода, а въ 1377 году, при составленіи Лаврентьевскаго свода, на него оказала значительное вліяніе Ростовская Лѣтопись. Что же касается Радзивилловской Лѣтописи, то въ

5) Древняя русская литература, с. 367—368.

1) Изслѣдованіе о Радзивилловской или Кенигсбергской Лѣтописи. Спб. 1902, с. 86—100.

основу ея легли Лаврентьевскій и Переяславскій своды. Радзивилловская Лѣтопись замѣчательна еще и въ другомъ отношеніи: она снабжена множествомъ иллюстрацій, взятыхъ, какъ надо полагать, изъ дошедшей до насъ иллюстрированной Переяславской Лѣтописи XIII вѣка. Акад. Н. П. Кондаковъ высказываетъ, по поводу этихъ иллюстрацій, любопытныя соображенія о томъ, что внесенныя въ нихъ бытовья особенности, при своей греческой основѣ, обнаруживаютъ славянское вліяніе и указываютъ на „связь западно-славянскаго міра съ Суздальской Русью XIII—XIV столѣтій“¹⁾. Это соображеніе даетъ поводъ акад. В. М. Истрину вспомнить и о двухъ переводныхъ памятникахъ, „Сказаніи объ Индійскомъ царствѣ“ и „О двѣнадцати снахъ царя Шахаиши“, время появленія которыхъ, и именно на сѣверо-востокѣ Руси, онъ склоненъ относить также къ XIII вѣку, а посредникомъ между этими восточными сказаніями и русской письменностью считать Далматинское побережье. Онъ полагаетъ, что „такое совпаденіе (относительно иллюстрацій и названныхъ памятниковъ) даетъ большую увѣренность въ томъ, что съ возникновеніемъ сѣверо-восточнаго центра начались сношенія Суздальской Руси съ Западной Европой и прежде всего съ западными славянами; сношенія же эти указываютъ на литературное и общественное развитіе сѣверо-восточной Руси, начавшееся съ конца XII вѣка и проявившееся въ XIII вѣкѣ“²⁾. Наконецъ, къ этой же эпохѣ литературнаго подъема на сѣверо-востокѣ въ XIII вѣкѣ тотъ же авторъ не прочь отнести и группу произведеній, направленныхъ противъ евреевъ, противъ которыхъ именно около этого времени въ Литвѣ или на сѣверо-востокѣ Руси — вельдѣствіе ихъ движенія изъ Литвы и Польши и начавшейся, вѣроятно, еврейской пропаганды — можно наблюдать извѣстное возбужденіе и стремленіе доказать, что политическая жизнь евреевъ кончилась и что ученіе ихъ ложно: первой цѣли могла служить Толковая Палая, а второй такъ наз. Архивскій (Иудейскій) Хронографъ; оба памятника представляютъ собою оригинальныя произведенія русской литературы, замѣчательныя и по широтѣ плана, и по содержанию, и по своей идейности³⁾.

Какъ можно видѣть изъ предшествующаго изложенія, свѣдѣнія наши о литературныхъ явленіяхъ сѣверо-восточной Руси въ первой половинѣ XIII вѣка слишкомъ отрывочны и скудны для того, чтобы можно было сдѣлать какіе-либо прочныя выводы; однако нѣкоторыя наблюденія напрашиваются сами собою.

1) Замѣтки о миниатюрахъ Кенигсбергскаго списка Начальной Лѣтописи. Спб. 1902, с. 15.

2) Ж. М. Н. Пр. 1905 № 8, с. 264. Ср. Истрина „Къ исторіи заимствованныхъ словъ и переводныхъ повѣстей“: Лѣтопись Ист.-фил. Общ. при Новор. Унив. Т. XIII (1905), с. 181—182.

3) Ж. М. Н. Пр. 1905 № 8, с. 260—261. 262—263.

Прежде всего, не подлежит сомнѣнію самый фактъ замѣтнаго литературнаго возбужденія въ указанное время на сѣверо-востокѣ. Результаты предпринятой тутъ литературной работы позволяютъ установить извѣстную связь ея съ литературой „древнѣйшей“ эпохи. Дѣятели сѣверо-восточной литературы дѣйствовали подѣ влияніемъ кievскаго образованія и кievскихъ литературныхъ навыковъ и традицій; главный литературный матеріалъ они заимствовали изъ Кіева, подобно тому какъ Кіевъ въ свое время заимствовалъ этотъ матеріалъ изъ Византии. Но, вмѣстѣ съ готовыми данными болѣе или менѣе общаго характера, сѣверо-восточная литература восприняла въ себя и живое влияніе современности, которое обнаружилось въ связи этой литературы съ мѣстной общественной и политической жизнью, хотя факты этой связи — по условіямъ литературнаго развитія той эпохи — и не могутъ быть обозначены съ достаточной отчетливостію. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что именно эта сравнительная близость къ реальной дѣйствительности и была одной изъ главныхъ особенностей, обусловившихъ дальнѣйшее движеніе сѣверо-восточной литературы: здѣсь мы, какъ въ кievскую эпоху, видимъ сначала нѣсколько литературныхъ центровъ (Владимиръ, Ростовъ, Муромъ, Переяславль и др.), но, по мѣрѣ развитія политической и культурной самостоятельности сѣверо-востока, эти мѣстные центры въ XV вѣкѣ нашли себѣ извѣстное объединеніе въ Москвѣ, давшей намъ уже въ XVI вѣкѣ не сѣверо-восточную, а московскую литературу, которая явилась выразительницей общерусскихъ литературныхъ стремленій въ средніе вѣка нашей письменности. Что касается специально-литературныхъ качествъ сѣверо-восточной письменности XIII вѣка, то тутъ мы не можемъ отмѣтить обилія выдающихся писательскихъ дарованій или произведеній, которое могло бы поставить эту литературу въ уровень съ кievскимъ періодомъ; но, съ другой стороны, краткость времени, въ которое мы можемъ наблюдать эту письменность, и отрывочность доступныхъ для насъ ея результатовъ лишаютъ насъ возможности дѣлать объ этомъ достаточно увѣренныя заключенія¹⁾.

Однако извѣстное объединеніе сѣверо-восточныхъ литературныхъ стремленій въ XV вѣкѣ въ Москвѣ отдѣляется отъ краткаго періода ея возбужденія въ XIII вѣкѣ довольно длиннымъ періодомъ литературнаго затишья, которое падаетъ на вторую половину XIII-го и XIV вѣка. Мы обладаемъ за это время весьма малымъ количествомъ литературныхъ произведеній, изъ которыхъ объ однихъ (напр., послѣднія поученія Серапіона Владимірскаго) было уже сказано, а о другихъ (сочиненія митр. Кипріана, попытки въ области исторической повѣсти и т. п.) будетъ сказано позже, по ихъ связи съ литературными явленіями XV вѣка. Въ замѣнъ этого, на фонѣ упомянутаго затишья мы наблюдаемъ въ XIV вѣкѣ уметвенныя броженія, являющіяся подкладкой дальнѣйшаго развитія литературы: таково, съ одной стороны, указанное уже политическое и культурное объ-

1). Ср. объ этомъ у В. М. Истрина: Ж. М. Н. Пр. 1905 № 8, с. 253—257.

единение, приведшее к результатам московской литературы в XV вѣкѣ, а съ другой — развитие ересей. Самым яркимъ выраженіемъ этого послѣдняго броженія вѣ XIV-мъ вѣкѣ является ересь стригольниковъ, первое упоминаніе о появленіи которой вѣ Новгородѣ имѣется вѣ Лѣтописи подѣ 1376 годомъ. Вышедшее, повидимому, съ запада¹⁾, это религиозное вольномысліе, съ большой дозой рационализма, отразилось косвенно кое вѣ чемъ и на литературѣ: напр., любопытное посланіе Новгородскаго архіепископа Василя (1331—1352) къ Тверскому епископу Феодору о „земномъ рабѣ“²⁾ служить, повидимому, отзвукомъ скептицизма вѣ области русской религиозной мысли вѣ XIV вѣкѣ.

Не останавливаясь на этой переходной и скудной вѣ литературномъ отношеніи эпохѣ, переходимъ къ главнѣйшимъ литературнымъ фактамъ XV вѣка и прежде всего къ тѣмъ, которые явились ближайшимъ результатомъ идейныхъ броженій предшествующаго времени.

Б. Литературныя явленія XV вѣка.

1.

Идея единства Руси. — Общерусскіе лѣтописные своды.

Какъ уже было сказано, вѣ XIV вѣкѣ замѣтны первые признаки сознанія политическаго и духовнаго объединенія на сѣверо-востокѣ Руси. Весьма замѣчательно, что идеологія предшествовала тутъ самымъ фактамъ. Это нагляднымъ образомъ доказывается возникновеніемъ вѣ XIV и XV вв. общерусскихъ лѣтописныхъ сводовъ.

Разъясненіемъ этого вопроса, какъ и многихъ другихъ вѣ области древне-русскаго лѣтописанія, наука вѣ особенности обязана А. А. Шахматову. Путемъ анализа Новгородской 4-ой и обѣихъ редакцій т. наз. Софійской 1-ой Лѣтописи изслѣдователь приходитъ къ убѣжденію, что вѣ первой четверти XV вѣка, или точнѣе вѣ 1423 году, вѣ княженіе Василя Дмитріевича, вѣ Москвѣ былъ составленъ общерусскій лѣтописный сводъ, заключавшій вѣ себѣ обширныя извлеченія изъ мѣстныхъ лѣтописей новгородскихъ, тверскихъ, ростовскихъ, ярославскихъ, нижегородскихъ и т. д.; это — т. наз. „Владимірскаго Полихронъ“ 1423 года³⁾. Этотъ памятникъ

1) Любопытныя соображенія и указанія объ этомъ имѣются вѣ статьѣ В. Ѳ. Боцяновскаго: Русскіе вольнодумцы XIV—XV вв. „Новое Слово“ 1896 № 12, с. 157—160.

2) П. С. Р. Л. VI, с. 87—89; VII, с. 212—214.

3) „Общерусскій лѣтописный сводъ — говоритъ Шахматовъ — могъ быть названъ Владимірскаго полихрономъ именно потому, что составленъ митрополитомъ, кафедральнымъ городомъ котораго считался Владиміръ (ср. опредѣленіе

никъ, свидѣтельствующій о значительной зрѣлости идеи объединенія русской земли вокругъ Москвы, возникъ въ то время, когда Москва фактически далеко еще не закончила осуществленіе своей объединительной политической программы, соперничая въ своемъ могуществѣ съ Нижнимъ-Новгородомъ, Тверью, Рязанью: т. о., идея объединенія, сознание его необходимости и неизбежности опережаетъ самый фактъ такого объединенія; политическая дальновидность и литературная работа шли впереди успѣховъ оружія и политическихъ переговоровъ.

Это вполне выясняется изъ самаго характера лѣтописнаго свода. Онъ отражаетъ въ себѣ, въ главнѣйшихъ чертахъ, всю наличность тогдашняго русскаго лѣтописанія, начиная съ древнѣйшаго, кіевскаго, и кончая позднѣйшимъ — московскимъ, нижегородскимъ и т. д. Наряду съ самыми древними памятниками, сюда внесены и такіе, напр., какъ Фотіево посланіе 1417 года, духовная митр. Кипріяна 1406 года. Включая въ свой трудъ столь обширный матеріалъ, московскій сводчикъ оставлялъ однако же неприкосновенными разныя мелкія особенности, которыя находилъ въ мѣстныхъ источникахъ, не обезличивалъ ихъ: т. о., мысли и чувства какаго-нибудь рязанскаго, смоленскаго и псковскаго лѣтописца, сопровождавшія описаніе того или иного событія въ мѣстныхъ лѣтописяхъ, заносились и въ общій сводъ, редакторъ котораго не стремился къ освѣщенію событій съ какой-либо своей точки зрѣнія. Этотъ компилятивный механизмъ сказался и въ наиболѣе щекотливыхъ моментахъ его труда: напр., титулъ великаго князя носить въ московскомъ обще-русскомъ сводѣ не одинъ только московскій князь, но также рязанскій, нижегородскій, смоленскій и др.; ясно, что въ данномъ случаѣ сводчикъ слѣдовалъ подлиннымъ выраженіямъ своихъ оригиналовъ. Въ самомъ разсказѣ мы видимъ слѣды продолжавшейся въ XIV—XV вв. борьбы разныхъ князей за свое политическое преобладаніе; съ Москвой соперничаютъ Нижній и Рязань, а Новгородъ и Псковъ живутъ совершенно независимой, отдѣльной жизнью. Въ сводѣ заносится, напр., рѣзкій отзывъ нижегородскаго лѣтописца о событіи 1393 года, и симпатіи послѣдняго лежатъ, конечно, не на сторонѣ московскаго князя, а напротивъ — своего природнаго князя Бориса Константиновича. И при всемъ этомъ, сводчикъ интересуется всей русскою землею, самыми отдаленными ея городами и областями, не приведенными еще къ какой-либо единой политической связи; съ одинаковымъ интересомъ онъ заноситъ въ свой трудъ описанія моровой язвы въ Псковѣ въ 1352 году и въ Переяславль-Залѣскомъ въ 1364 году, при чемъ сопровождаетъ ихъ благочестивыми разсужденіями псковича и переяславца; какія-нибудь небесныя знаменія, видѣнныя въ Новгородѣ,

патріаршаго собора о перенесеніи кафедры русскои митрополіи изъ Кіева во Владиміръ 1354 г. и соображенія Голубинскаго въ И. Р. Ц., II, 1, с. 140). Весьма возможно, что официальнымъ названіемъ общерусскаго свода и было „Владимірскій полихронъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1900 № 9, с. 176).

Москвѣ или Твери, одинаково находятъ себѣ мѣсто въ его лѣтописи, рядомъ съ указаніемъ на то впечатлѣніе, какое они производили на мѣстное населеніе. Характернымъ въ данномъ случаѣ является именно то, что, при всей компилятивности повѣствованія, у сводчика виденъ общій интересъ ко всей русской землѣ, а не къ какой-либо отдѣльной ея области. Опредѣляя въ общемъ литературные источники Владимірскаго полихрона 1423 года, Шахматовъ указываетъ на: 1. лѣтописные своды, 2. выборки изъ мѣстныхъ лѣтописей, 3. хронологическіе сборники, 4. произведенія духовной литературы, 5. грамоты и посланія, 6. юридическіе акты и памятники, 7. произведенія народной словесности.

Мѣстомъ возникновенія такого свода могла быть только Москва: никуда не могло быть стянато такое количество лѣтописнаго матеріала, какъ именно въ Москву, и весьма вѣроятно, что работа эта совершена была по мысли московскаго митрополита, бывшаго тогда единственнымъ лицомъ, въ которомъ официально признавалось и даже подчеркивалось единство русской земли со стороны Константинопольскаго патріарха: въ XIV в. объ этомъ не разъ бывали оттуда напоминанія митрополитамъ Алексію и Кипріану, слишкомъ увлекавшимся симпатіями къ Москвѣ и забывавшими „русскую землю“, „Русь“ вообще; нечего и говорить о томъ, что только одинъ московскій митрополитъ могъ своей властью приказать доставить въ Москву отъ мѣстныхъ епископовъ и монастырей списки лѣтописей, выписки и вообще разнаго рода необходимый для свода матеріалъ: житія, поученія, повѣсти, посланія и т. п. Исследователь полагаетъ, что инициатива общерусскаго лѣтописнаго свода принадлежала митрополиту Фотію (1408—1431), а выполнение этого дѣла поручено было извѣстному Пахомію-сербу¹⁾.

Шахматовъ, пришедшій къ этимъ выводамъ о возникновеніи въ Москвѣ въ первой четверти XV вѣка, въ митрополичьей канцеляріи, общерусскаго лѣтописнаго свода, углубляетъ свои изслѣдованія надъ этимъ памятникомъ какъ въ его прошломъ, такъ и въ послѣдующей судьбѣ; онъ находитъ возможнымъ предполагать, съ одной стороны, что общерусскія лѣтописныя компиляціи существовали уже въ XIV вѣкѣ, а съ другой указываетъ на то, что трудъ Пахомія продолжалъ перерабатываться въ смыслѣ сокращенія: первую редакцію такого сокращенія онъ относитъ къ 1448 году, вторую къ 1499, третью къ 20-мъ годамъ XVI вѣка. Но эти наблюденія уже не имѣютъ для насъ въ данномъ случаѣ большого интереса, который почти цѣликомъ исчерпывается указаніемъ на многозначительный фактъ возникновенія въ XV в. памятника, свидѣтельствующаго о наличности идеи объединенія на Руси въ эту пору. Впрочемъ, должно здѣсь отмѣтить, что все-таки не слѣдуетъ слишкомъ переоцѣнивать этого факта: отъ компилятивной работы въ митрополичьей

1) Шахматовъ, А. Общерусскіе лѣтописные своды XIV и XV вѣковъ. Ж. М. Н. Пр. 1900 № 9, с. 118. 162—168; № 11, с. 152—153.

канцелярии до яснаго сознанія необходимости политическаго и духовнаго объединенія въ сколько-нибудь широкихъ общественныхъ кругахъ еще было далеко. Кромѣ того, не вполне убѣдительно представляется и догадка Шахматова о томъ, что авторъ компиляціи былъ именно Пахомій; этотъ вопросъ требовалъ бы еще новыхъ изслѣдованій, хотя въ данномъ случаѣ онъ также не имѣетъ для насъ большого значенія.

2.

Оживленіе интереса къ Византіи. — Повѣсть о взятіи Царяграда; ея нравственный и политическій смыслъ. — Теорія о Москвѣ-третьемъ Римѣ. — Повѣсть о новгородскомъ бѣломъ клобуцѣ.

Въ XV вѣкѣ получаетъ большое оживленіе на Руси интересъ къ Византіи. Какъ уже не разъ указано было мною раньше, отношенія къ Византіи были въ Россіи давнія и исконныя. Оттуда получено было ею христіанство, начатки литературы, первые церковные администраторы; съ Византіей были постоянныя живыя связи путемъ паломническихъ хожденій въ Царьградъ и въ Палестину; реальною связью съ нею была власть Константинопольскаго патріарха, выражавшаяся въ поставленіи русскихъ митрополитовъ сначала кіевскихъ, потомъ „всея Руси“. Къ XV вѣку эти фактическія отношенія, все болѣе и болѣе скрѣплявшіяся единствомъ православной вѣры и вмѣстѣ съ тѣмъ отклоненіемъ и отчужденіемъ отъ „схизматическаго“ запада, начали стремиться къ полученію принципиальной формулировки и литературной обработки. Особо важнымъ поводомъ къ этому послужило завоеваніе Константинополя въ 1453 году турками, поведшее за собою прекращеніе политическаго существованія Византійской имперіи. Литература приняла на себя задачу опредѣлить свое отношеніе къ этому выдающемуся событію и сдѣлать изъ него тѣ выводы, которые вытекали изъ прежнихъ отношеній Руси къ Византіи, ея современнаго положенія и ея правъ на будущее.

Среди относящихся сюда литературныхъ произведеній особое мѣсто занимаетъ „Повѣсть о взятіи Царяграда“, возникшая первоначально отдѣльно и вошедшая потомъ въ разнаго рода сборники и лѣтописные своды¹⁾.

Въ болѣе полныхъ изводахъ повѣсть состоитъ изъ двухъ частей: объ основаніи Царяграда и о взятіи его турками. Объ основаніи Царяграда рассказывается, что римскій царь Константинъ Флавій, заботясь о

1) В. Яковлевъ. Сказаніе о Царѣградѣ по древнимъ рукописямъ. Спб. 1868; Никоновская Лѣтопись, подъ 1453 годомъ: П. С. Р. Л. XII, с. 78—81, 83—97. Пересказъ „повѣсти“ по разнымъ спискамъ, съ присоединеніемъ комментарія и нѣкоторыхъ справокъ съ византійскими, латинскими и восточными памятниками, сдѣланъ былъ И. И. Срезневскимъ: Ученыя Записки II Отд. А. Н., кн. I (1854), отд. III, с. 103—133. Литературу объ этомъ памятникѣ см. въ статьѣ А. С. Орлова: Изв. II Отд. А. Н. XIII. 1908, кн. 4, с. 347—348, пр. 2.

распространеніи христіанской вѣры, задумалъ основать городъ, для чѣго посланные „мудрые мужи“ и нашли подходящее мѣсто. Не обошлось тутъ и безъ пророческаго сна, въ которомъ царю указано было на великую будущность воздвигаемаго города; смыслъ пророчества былъ таковъ, что новый городъ сдѣлается нѣкогда ареной борьбы христіанства съ бусурманствомъ, что послѣднее сначала одолѣетъ первое, но что въ концѣ концовъ побѣда останется за христіанствомъ. Весьма вѣроятно, конечно, что этотъ рассказъ, какъ и дальнѣйшее краткое повѣствованіе объ основаніи Царяграда, о свезенныхъ въ него драгоцѣнныхъ сокровищахъ и о нѣсколькихъ годахъ напряженной работы надъ его постройкой, есть позднѣйшая вставка лица, желавшаго, такъ сказать, округлить первоначальный рассказъ лишь о паденіи Царяграда отъ руки турокъ въ 1453 году. Рассказъ же объ этомъ послѣднемъ событіи начинается съ того, какъ „безбожный Махметъ брань воздвиже противъ Константинограда, не по чину, но противу содержанія клятвы; воинство приведе зѣло много по землі и по морю и ратовати нача, и пришедъ внезапно и градъ обступи со многими силами“. Затѣмъ идетъ описаніе того впечатлѣнія, которое произвело это появленіе врага на царя Константина, войско, духовенство и все городское населеніе. Стали молиться Богу и дѣлать приготовленія къ оборонѣ. Между тѣмъ турки не замедлили начать приступы на городъ, повторявшіеся нѣсколько разъ и уносившіе громадное количество жертвъ съ той и другой стороны. Царь лично обѣзжалъ разныя части города, прося войска и всѣхъ участниковъ защиты стоять твердо, и всѣ давали свое обѣщаніе положить „головы свои за православную вѣру и за святыя церкви“. Но вотъ въ ночь на 24 мая осажденные были свидѣтелями слѣдующаго чуда: весь городъ освѣтился заревомъ; сначала подумали, что это пожаръ, но потомъ оказалось, что изъ оконъ храма св. Софіи поднялось огромное пламя, окружило церковный куполь и, обратившись въ „неизреченный свѣтъ“, ушло на небо. Бояре и другіе ближніе люди истолковали это видѣніе царю такъ, что это былъ ангелъ Божій, служившій къ охраненію св. Софіи: теперь онъ оставилъ церковь, и это — явное указаніе на то, что городъ будетъ преданъ врагамъ. Всѣ умоляли царя оставить городъ, но онъ рѣшился умереть и осуществилъ свое рѣшеніе въ одинъ изъ дальнѣйшихъ приступовъ турокъ, за которымъ слѣдовало взятіе непріателемъ города: „и тако — говоритъ авторъ въ заключительныхъ строкахъ Повѣсти — грѣхъ ради нашихъ беззаконный Махметъ, сѣдя на престолѣ царствѣмъ благороднѣйша суща всѣхъ иже подъ солнцемъ и изобладаша владѣющихъ двѣма части вселенныя, и одолѣ одолѣвшихъ гордаго Артаксеркса, невѣстимаго пучинами морскими и вои вода шире земля и потреби потребившихъ Трою предивную, седмидесяти четырьми краями обороняемую“¹⁾.

1) По изд. В. Яковлева, с. 113—114.

Весьма вѣроятно, что это — русское сочиненіе, написанное очевидцемъ событія, какъ о томъ можно заключать изъ отдѣльныхъ частей описанія и отсутствія какихъ-либо ссылокъ на посторонніе источники, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, гдѣ авторъ прямо говоритъ: „отъ иныхъ же тако слышахомъ“. Болѣе точному выясненію вопроса объ авторѣ „Повѣсти“ послужило опубликованіе новаго ея списка, найденнаго арх. Леонидомъ¹⁾. Издатель относитъ списокъ къ началу XVI вѣка; онъ замѣчательнъ находящимся при немъ послѣсловіемъ, изъ котораго видно, что „списателемъ“ Повѣсти былъ нѣкто Несторъ-Искандеръ русскій по происхожденію и невольный потурченецъ. Изъ послѣловія не видно, почему Несторъ вынужденъ былъ служить въ турецкихъ войскахъ, но, потурченный, онъ втайнѣ оставался христіаниномъ. Находясь среди осаждавшихъ Константинополь, онъ съ тяжелымъ сердцемъ смотрѣлъ на успѣхи турокъ и, повидимому, велъ дневникъ всей осады. Когда городъ былъ взятъ, Несторъ сблизился съ греками-христіанами, записалъ отъ очевидцевъ свѣдѣнія о положеніи осажденныхъ въ городѣ и вообще о ходѣ дѣла съ греческой стороны. Потомъ онъ привелъ свои записки въ порядокъ и, т. о., составилъ „Повѣсть о Царьградѣ“ въ „воспоминаніе своего языка“, т. е. для славянъ. Какъ перешла повѣсть въ Россію, въ послѣловіи нѣтъ свѣдѣній. Покойный издатель этого интереснаго списка объясняетъ, почему названное послѣсловіе не имѣется при другихъ спискахъ: б. м., переписчиковъ смущало то обстоятельство, что авторъ былъ потурченецъ, хотя и невольный, а это могло ослабить впечатлѣніе отъ разказа о борьбѣ христіанъ съ „безбожными“, исполненной такого многозначительнаго смысла для первыхъ. Т. о., если принять указанія изложеннаго „послѣловія“ за достовѣрныя²⁾, то мы имѣемъ дѣло съ исторической повѣстью, написанной русскимъ въ самомъ началѣ второй половины XV вѣка.

Для русскихъ читателей памятникъ этотъ былъ не однимъ лишь разказомъ о происшедшихъ событіяхъ. Важна была не только фактическая сторона „Повѣсти“, но и ея нравственный и политическій смыслъ: Царьградъ палъ „грѣхъ ради нашихъ“ (по изд. Яковлева, с. 59) или „понеже безаконія наша превздоша главы наша и грѣхи наша отяготѣша сердца наша“ (П. С. Р. Л. XII, с. 88). Другіе выражались по этому вопросу еще болѣе опредѣленно: напр., извѣстный публицистъ XVI вѣка Иванъ Пересвѣтовъ, котораго „Сказаніе о царѣ турецкомъ Махметѣ“ помѣщено въ Никоновской Лѣтописи непосредственно за „Повѣстью“ о паденіи Царьграда, прямо говоритъ, что „вельможи царевы“ ради личнаго обогащенія продавали правосудіе и мѣшали царю Константину ввести въ

1) Повѣсть о Царьградѣ, Нестора-Искандера, XV в. Спб. 1886 (Пам. Древн. Письм. № LXII).

2) Ср. Л. Майковъ. Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ. I. Спб. 1890, с. 32.

государство необходимыя улучшенія (П. С. Р. Л. XII, с. 103). Итакъ, Царьградъ палъ; но православное чувство русскаго человѣка не могло примириться съ мыслью, чтобы погнѣло и христіанство, авторитетнымъ источникомъ котораго была для него въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ Византія. Къ XV вѣку политическое и общественное самосознаніе въ Россіи настолько выросло, увѣренность въ своихъ жизненныхъ силахъ настолько окрѣпла, что весьма естественнымъ былъ такой выводъ изъ факта паденія Царьграда: Царьградъ палъ, но у него есть готовый преемникъ по царской власти и по власти святительской; этотъ преемникъ — Россія, и на нее должно перенести историческія права и обязанности Византіи; послѣднія облекались въ мысль о необходимости борьбы съ турками, въ конечномъ результатѣ которой предполагалась побѣда и обладаніе Константинополемъ: тутъ мы видимъ корень и программу т. наз. впоследствии „восточнаго вопроса“.

Вопросъ о преемствѣ царской власти изъ Византіи окруженъ цѣлымъ рядомъ литературныхъ памятниковъ провиденціального или мистическаго характера. Подобные памятники были еще у грековъ и задолго до паденія Византіи. Отголоски такой литературы мы видѣли уже въ Повѣсти о Царьградѣ (сонъ царя Константина Флавія о будущности Царьграда). Въ греческой литературѣ распространено было немало сказаній о будущей судьбѣ имперіи, въ видѣ загадокъ, ямбическихъ стиховъ, сновидѣній благочестивыхъ мужей: таковы, напр., предсказанія Льва Премудраго, патріарховъ Мееодія и Геннадія, Сивиллины книги пророчествъ. Смыслъ ихъ всѣхъ былъ одинъ и тотъ же: Византія будетъ предана въ руки внѣшняго врага, но въ концѣ концовъ будетъ спасена посланнымъ свыше царемъ. Въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ въ исторіи Византіи предсказанія эти относительно внѣшняго врага примѣнялись то къ арабамъ, то къ славянамъ, то къ крестоносцамъ, то наконецъ къ туркамъ. Самыя предсказанія также мѣнялись въ своей формѣ, принимали разнообразныя литературныя виды. Эти памятники находили себѣ распространеніе, въ переводахъ, въ Россіи въ разнаго рода сборникахъ, вродѣ „Цвѣтника“, „Лебеда“, „Книги Льва царя Премудраго“¹⁾ и т. п., и позднѣе, въ XVI вѣкѣ, заносились даже въ официальные памятники, напр. въ Степенную книгу. Не подлежитъ сомнѣнію, что извѣстная роль въ подогрѣваніи интереса къ этой литературѣ и къ соединеннымъ съ ней политическимъ мечтаніямъ и ожиданіямъ принадлежала южнымъ славянамъ. Въ XIV вѣкѣ болгарскій властитель Александръ и сербскій Душанъ мечтаютъ о завоеваніи Константинополя и даже именуютъ себя „царями“; одновременно съ этимъ, у болгаръ и у сербовъ являются свои, независимые отъ константинопольскаго, патріархи. Но осуществленіе политическихъ мечтаній относительно Византіи оказалось не по плечу южно-славянскимъ госу-

1) Ю. А. Яворскій. Византійскія сказанія о Львѣ Премудромъ въ русскіхъ спискахъ XVII—XVIII вѣковъ. Спб. 1909, с. 15—19.

дарямъ: въ концѣ концовъ имъ самимъ пришлось потерять свою политическую независимость. Тогда мысль о единственномъ правѣ на преемство византийской власти въ будущемъ переносится на Россію, и южно-славянскіе выходцы, вродѣ известнаго серба Пахомія, остаются далеко не безучастными къ поддержанію этихъ тенденцій въ Россіи. Самый фактъ паденія Византіи въ половинѣ XV вѣка далъ могучій толчокъ дальнѣйшему росту названной идеи. Усиленно стали комментироваться старыя византийскія „сказанія“ и „пророчества“. Въ „пророчествѣ Льва“ говорилось, что послѣ овладѣнія Константинополемъ невѣрными явится нѣкій „русый народъ“ (Ἕλληδὸν γένος), который освободитъ Византію и воскреситъ ея могущество: изъ этого „русаго“ народа сдѣланъ былъ просто „русскій“ народъ — и старая провиденціальная мечта получила новое подкрѣпленіе. Во второй половинѣ XV вѣка мысль эта, сначала лишь косвенно и въ общихъ чертахъ, находитъ себѣ выраженіе въ нѣкоторыхъ литературныхъ памятникахъ, посвященныхъ въ своей главной части другимъ предметамъ. Такъ, въ „Похвальномъ словѣ“ инока Ѳомы тверскому князю Борису Александровичу, составленномъ около 1453 года, довольно ясно проскальзываетъ стремленіе автора возвеличить упомянутаго князя наименованіемъ его „великимъ самодержцемъ“, „вторымъ Константиномъ“, „воистину достойнымъ вѣнцу царскому“¹⁾. Въ болѣе опредѣленныхъ выраженіяхъ высказываетъ ту же мысль относительно московскаго князя неизвѣстный авторъ „Похвалы великому князю Василію Васильевичу“, составляющей часть „Слова о составленіи осьмого собора латынскаго и о изверженіи Сидора Прелестнаго“, написаніе котораго можетъ быть отнесено къ 1461 году²⁾. Въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка мысль эта получаетъ уже вполне конкретныя формы. Въ послѣдней четверти XV вѣка (до 1491 года, а по другому мнѣнію — въ началѣ XVI вѣка) возникаетъ известное сказаніе „о князьяхъ владимірскихъ“ и цѣлый рядъ другихъ, сходныхъ съ нимъ по содержанію и основной идеѣ³⁾. Здѣсь устанавливается прежде всего прямая генеалогическая связь между римскимъ „Августомъ кесаремъ“ и русскимъ княземъ Владиміромъ Мономахомъ, и затѣмъ разсказывается, какъ во время побѣдоноснаго похода Владиміра на „Ѳракію“ тогдашній византийскій царь Константинъ Мономахъ плетъ къ русскому князю дары, между ними „крабицу сердоликову“, которой „Августъ кесарь римскій веселяшеся“, и „ожереліе, иже на плещу своею

1) Лихачевъ, Н. П. Инока Ѳомы слово похвальное о благовѣрномъ великомъ князѣ Борисѣ Александровичѣ. (Пам. древней письмен. и искусства. № CLXVIII). Спб. 1908, с. LVIII—LX.

2) Рецензія А. С. Павлова на книгу А. Попова „Историко-литературный разборъ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ“. М. 1875: Отчетъ о 19-мъ присужденіи наградъ графа Уварова. Спб. 1878, с. 292—294.

3) И. Ждановъ. Русскій былевой эпосъ. Исслѣдованія и матеріалы. Спб. 1895, с. 62—133. 588—604.

ношаше“, съ золотой цѣпью „на славу и честь и вѣнчаніе“. Смысль этого „сказанія“ совершенно ясенъ: онъ заключался въ стремленіи установить преемственную законную связь относительно царской власти между римскимъ кесаремъ Августомъ, византійскимъ императоромъ и русскимъ Владиміромъ Мономахомъ, предкомъ князей Московскихъ; выводъ относительно послѣднихъ по вопросу о преемствѣ царской власти отъ Византіи также вытекалъ самъ собою. Въ 1511 году царскій дьякъ Мунехинъ привезъ изъ Москвы въ Псковъ „хронографъ“, родъ всемірно-исторической компиляціи, составленной впервые въ 1442 году — какъ думаетъ Шахматовъ, упомянутымъ сербомъ Пахоміемъ¹⁾; этотъ хронографъ потерпѣлъ въ концѣ XV и началѣ XVI в. рядъ измѣненій, а въ 1512 году получилъ новую обработку, вѣроятно подъ перомъ друга упомянутаго Мунехина, старца Псковскаго Елеазарова монастыря Филоея²⁾, одного изъ виднѣйшихъ литературныхъ выразителей византійско-русской идеи о преемствѣ царской власти: хронографъ оканчивается разсказомъ о паденіи Царьграда въ формѣ характернаго „плача“ по поводу этого событія.

Наиболѣе полное развитіе идеи о преемствѣ царской власти или о „Москвѣ - третьемъ Римѣ“ находимъ мы въ другомъ трудѣ старца Филоея, въ его „Посланіи къ царю и великому князю Ивану Васильевичу“, подъ которымъ нѣкоторые разумѣли Ивана III, а новѣйшій изслѣдователь литературной дѣятельности Филоея проф. М а л и н и н ъ³⁾ — Ивана IV. Во всякомъ случаѣ, оно⁴⁾ является литературнымъ произведеніемъ первой половины XVI вѣка. Изложенная тутъ теорія Филоея можетъ быть формулирована слѣдующимъ образомъ. Всѣми человѣческими дѣлами управляетъ Божья воля; ею цари возводятся на престолы, ею же достигается всякая правда на землѣ. Согласно съ пророческими книгами, старый Римъ, уклонившись въ ереси, палъ божьимъ соизволеніемъ; новый Римъ, т. е. Константинополь, также погибъ, измѣнивъ православію и принявъ латинство. Софія Цареградская была попрана и досталась въ руки невѣрныхъ. Теперь остается третій Римъ — Москва, сияющая благочестіемъ и славной соборной церковью Успенія Божьей Матери. Этотъ Римъ есть послѣдній въ исторіи человѣчества, а четвертому Риму не бывать. Поэтому, русскій царь есть единственный православный царь на землѣ, и царство русское есть послѣднее міровое царство, за которымъ послѣдуетъ царство Христа. Исходная точка теоріи Филоея заключалась въ извѣстномъ пророчествѣ Даниила о четырехъ монархіяхъ, изъ которыхъ послѣдней, по толкованію большинства христіанскихъ писателей, является Римская имперія: этимъ объясняется схема

1) Къ вопросу о происхожденіи хронографа. Спб. 1899, с. 78—81.

2) Тамъ же, с. 111.

3) Старецъ Елеазарова монастыря Филоей и его посланія. Историко-литературное изслѣдованіе В. М а л и н и н а. Кіевъ 1901, с. 374—375.

4) Напечатано въ „приложеніяхъ“ къ сочиненію г. М а л и н и н а, с. 57—66.

непосредственного преемства у Филоея отъ Рима къ Константинополю и затѣмъ Москвѣ.

Намъ нѣтъ необходимости слѣдить въ дальнѣйшемъ изложеніи ни за источниками теоріи старца Филоея въ прошломъ, ни за ея реальными приложеніями къ русской дѣйствительности въ настоящемъ (современномъ для теоріи) и будущемъ. Съ теоріей о „третьемъ Римѣ“ намъ нужно было познакомиться лишь какъ съ однимъ изъ проявленій византійскаго вліянія въ русскую жизнь и литературу; послѣдняя вспышка этого могучаго историческаго воздѣйствія относится именно къ концу XV и началу XVI вѣка и, достигнувъ своей кульминаціонной точки, падаетъ, отживаетъ свой вѣкъ, уступая во второй половинѣ XVI вѣка мѣсто новымъ теченіямъ, шедшимъ съ запада. О другихъ сочиненіяхъ старца Филоея мы говорить не станемъ, но должны отмѣтить тутъ безспорно выдающуюся личность этого своеобразнаго философа-идеолога русской старины, политическая теорія котораго находилась въ извѣстномъ логическомъ соотвѣтствіи и съ другими его литературными трудами ¹⁾. Какъ можно видѣть, теорія о „Москвѣ-третьемъ Римѣ“, имѣющая столь отдаленные корни въ прошломъ, пережила рядъ столѣтій, чтобы явиться въ XIX вѣкѣ виднымъ составнымъ элементомъ политическаго міровоззрѣнія славянофиловъ, поскольку дѣло шло о разрѣшеніи „восточнаго вопроса“ и будущей судьбѣ Константинополя.

Въ тѣсной связи съ теоріей о „третьемъ Римѣ“ стоитъ и повѣсть „о новгородскомъ бѣломъ клубукѣ“ ²⁾. Въ то время, какъ въ теоріи старца Филоея говорилось о преемствѣ свѣтской верховной власти, тутъ рѣчь идетъ о преемствѣ власти духовной — также изъ Рима въ Россію, но не въ Москву, а въ Новгородъ: именно, новгородскій архіепископъ является законнымъ наслѣдникомъ единой власти въ православной церкви, какъ московскій царь является наслѣдникомъ власти свѣтской, и какъ эмблемой свѣтской власти были регалии, перешедшія отъ римскаго кесаря, черезъ византійскаго императора, къ русскому Владимиру Мономаху — какъ это изложено было въ „Сказаніи о князьяхъ владимірскихъ“ —, такъ и эмблемой власти духовной является бѣлый клубукъ, перешедшій изъ Рима, черезъ константинопольскаго патріарха, къ новгородскому владыкѣ Василю.

Въ предисловіи къ „Повѣсти“, имѣющему форму „Посланія Дмитрія — грека-толмача новгородцамъ архіепископа Генадія“, говорится, что эту „повѣсть“ Дмитрій досталъ въ Римѣ отъ „книгохранителя римскія церкви“ Іакова, списалъ ее „въ тайнѣ подлинно“ и подноситъ архіепископу. Кто

1) Малининъ, назв. соч., с. 756—761.

2) Напечатана въ „Памятникахъ старинной русской литературы“ Кушелева-Безбородко, вып. I (1860), с. 287—298, и отдѣльно въ брошюрѣ: Повѣсть о новгородскомъ бѣломъ клубукѣ и сказаніе о хранительномъ быліи, мерзкомъ зели, еже есть табаць. Изд. Д. Кожанчикова. Спб. 1861, с. 1—46.

былъ тотъ Дмитрій — извѣстный ли Дмитрій-толмачъ, ѣздившій, въ качествѣ посла, въ Римъ при в. кн. Василии Ивановичѣ, или Дмитрій Траханиотъ, или Дмитрій Ларевъ — гадать бесполезно, п. ч. во всякомъ случаѣ имя это поставлено здѣсь произвольно; гораздо цѣннѣе, въ историческомъ отношеніи, упоминаніе имени Геннадія, извѣстнаго новгородскаго архіепископа (1484—1504), виднѣйшаго церковнаго дѣятеля конца XV и нач. XVI вѣка и дѣятельнаго участника работъ по составленію полнаго славянскаго индекса библейскихъ книгъ. Временемъ дѣятельности Геннадія опредѣляются и хронологическія границы возникновенія „повѣсти“, составленіе которой нѣкоторые изслѣдователи, напр. проф. Малининъ (назв. соч., с. 503), относятъ къ 1491—1492 годамъ. Во всякомъ случаѣ, это произведеніе въ общемъ современно трудамъ Филоея, а для опредѣленія того, предшествовало ли оно этимъ послѣднимъ, какъ думаетъ тотъ же авторъ (см. с. 535), или, напротивъ, слѣдовало за нимъ, мы не имѣемъ вполне надежныхъ указаній.

Содержаніе повѣсти таково. Однажды римскій царь Константинъ (тотъ самый, именемъ котораго начинается рассказъ „Повѣсти о Царьградѣ“) жестоко заболѣлъ, и римскіе „волхвы“ посовѣтовали ему для исцѣленія отъ болѣзни выкупаться въ крови перворожденныхъ младенцевъ; для этого приказано было доставить 3.000 такихъ дѣтей. Но въ ночь, предшествовавшую предположенному убіенію дѣтей, царю явились въ видѣніи апостолы Петръ и Павелъ, обѣщая ему исцѣленіе, если онъ приметъ крещеніе. Царь послушался этого совѣта и, призвавъ на другой день епископа Сильвестра, принялъ отъ него крещеніе, былъ нареченъ именемъ Флавія и, дѣйствительно, выздоровѣлъ. Желая воздать Сильвестру наибольшую почесть, Константинъ предложилъ ему возложить на себя „царскій вѣнецъ“, но тотъ отказался, и затѣмъ, при новомъ посредничествѣ апостоловъ Петра и Павла, рѣшено было предоставить Сильвестру ношеніе „бѣлаго клобука“. По истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ Константинъ, оставивъ Римъ, поселился въ основанной имъ Византіи. Послѣ смерти Сильвестра бѣлый клобукъ былъ предметомъ большого почтенія со стороны его преемниковъ по сану римскаго духовнаго владыки — вплоть до „папы Фармуса“ (Формозы), который, уклонившись отъ апостольскаго ученія въ „ересь“, возненавидѣлъ клобукъ и положилъ его въ сокровенное мѣсто. Прошло еще много лѣтъ, и новый папа, стремясь совсѣмъ избавиться отъ священнаго клобука, отправилъ его съ какимъ-то „Индрикомъ“ въ море, въ „дальнія страны“. Однако это предпріятіе постигла неудача: клобукъ вернулся и посланъ былъ, по приказанію ангела, въ Константинополь, гдѣ и принятъ былъ съ величайшей честью патриархомъ Филоеемъ. Филоею думалъ удержать эту святыню въ Константинополь, но ему явились въ видѣніи два мужа — папа Сильвестръ и царь Константинъ — и завѣщали отослать клобукъ въ Новгородъ. Тамъ былъ тогда архіепископомъ Василій, освѣдомленный въ видѣніи ангеломъ объ имѣвшемъ прибыть клобукѣ; Василій принялъ его съ почестью, сопровождавшія его

патріаршія грамоты прочесть народу вслухъ, а самый клубукъ поставилъ на почетнѣйшемъ мѣстѣ въ храмѣ св. Софіи. Многіе приходили потомъ въ Новгородъ, дивились на ходящаго въ этомъ клубукѣ архіепископа, „повѣдающе о семъ во всѣхъ царствахъ и странах“.

Включая повѣсти о Царьградѣ и о новгородскомъ бѣломъ клубукѣ въ составъ оригинальныхъ русскихъ произведеній, мы должны однако же имѣть въ виду, что доказать полную ихъ свободу отъ непосредственныхъ византійскихъ литературныхъ вліяній невозможно: первая повѣсть цѣликомъ, а вторая въ первой своей половинѣ близко касается Византии, и весьма вѣроятно пользованіе со стороны авторовъ этихъ произведеній какими-либо византійскими источниками; русскій же авторъ или передѣльватель той и другой повѣсти могъ въ тѣхъ или иныхъ частяхъ дополнить уже готовый рассказъ или сократить, внеся въ него, кромѣ того, свою окраску, сообразно господствовавшимъ тенденціямъ, и т. о. усвоить ихъ не только по формѣ, но и по духу русской литературѣ.

3.

Возобновленіе южно-славянскаго вліянія. — Новые приемы въ агиографіи. — Дѣятельность митр. Кипріяна, Епифанія Премудраго и Пахомія Логоета.

Характернымъ литературнымъ явленіемъ второй пол. XIV и нач. XV в. нужно считать также возобновленіе южнославянскаго вліянія. На одну сторону этого вліянія — въ области политическихъ тенденцій — было указано выше. Другой стороной его является литература и, въ частности, область агиографіи; приложеніе южно-славянскаго вліянія къ области житійной литературы опять-таки находитъ себѣ извѣстное объясненіе въ фактахъ самой русской жизни.

Каковы бы ни были размѣры и общій характеръ вліянія татарскаго нашествія на ходъ русской жизни, о чемъ имѣются разнорѣчивыя сужденія, выступаетъ не подлежащій сомнѣнію фактъ, что на извѣстную часть народа это событіе произвело подавляющее впечатлѣніе. Созерцательные и проникнутые религіознымъ стремленіемъ умы нашли въ немъ богатую пищу для размышленій, и неоднократно указанія лѣтописцевъ, что татарское нашествіе случилось „грѣхъ ради нашихъ“, были отзвукомъ настроенія широкаго круга людей той эпохи — тѣмъ болѣе, что такая точка зрѣнія вполнѣ гармонировала и съ общими чертами тогдашняго религіозно-аскетическаго міровоззрѣнія. Усилилось стремленіе къ иноческой жизни; стали возникать въ большомъ количествѣ монастыри; особенно отмѣченъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи XIV вѣкъ, въ который возникло монастырей почти въ четыре раза болѣе, чѣмъ въ XIII вѣкѣ. Въ монастыри шли не только тѣ, кто искалъ въ нихъ мѣста для подвиговъ религіознаго благочестія, но и тѣ, кто стремился къ простой безопасности отъ тревогъ и случайностей тогдашняго мірскаго жизни; нако-

нецъ, тамъ могли находить себѣ удовлетвореніе запросы книжной любознательности и вообще стремленіе къ просвѣщенію. Такъ, въ эту эпоху русскаго средневѣковья, отмѣченную политическими броженіями, усиленной колонизаціей народныхъ массъ съ юга на сѣверъ и сѣверо-востоку, наличностью внѣшняго господства „невѣрныхъ“ и хаотичностью общихъ идейныхъ стремленій, отразившейся и на литературѣ, возникаетъ рядъ монастырей, игравшихъ въ позднѣйшіе вѣка очень видную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія, напр. Троице-Сергіевскій, Кирилло-Бѣлозерскій, Волоколамскій. Знаменитый дѣятель XIV вѣка Стефанъ Пермскій основалъ нѣсколько монастырей на самыхъ сѣверныхъ окраинахъ тогдашней Россіи. Естественно, что такое тяготѣніе къ монастырской жизни, рядомъ съ наличностью чуждыхъ иноческому идеалу явленій, не могло не вызвать также и цѣлаго ряда замѣчательныхъ подвижниковъ, обращавшихъ на себя вниманіе народа еще при жизни, а чаще послѣ смерти; усиленно ходили рассказы объ ихъ благочестивой жизни, о совершаемыхъ ими или при ихъ гробѣ чудесахъ. Имена такихъ лицъ дѣлались драгоценнымъ достояніемъ народной памяти; ихъ слава вызывала разнообразныя знаки почтенія со стороны князей, духовенства, боярства и народныхъ массъ; чувствовалась потребность закрѣпить словомъ свѣдѣнія о жизни и дѣяніяхъ этихъ подвижниковъ, и это неминуемо должно было повлечь за собою возникновеніе мѣстной житійной литературы. Но своихъ силъ для созданія такой литературы было недостаточно, и на помощь къ нимъ пришли дѣятели изъ южнаго славянства.

Литературныя связи у русскихъ съ южнымъ славянствомъ были, какъ извѣстно, весьма давнія; особенно значительной была въ этомъ отношеніи роль Болгаріи, давшей русской письменности, при ея зарожденіи въ XI вѣкѣ, большое количество литературныхъ произведеній византийскаго происхожденія; но личныя сношенія съ южными славянами въ древнюю пору не были у насъ оживленны. Въ XII—XIII вв. южно-славянское вліяніе значительно ослабло и возобновилось лишь во второй половинѣ XIV вѣка. Причиной этого возобновленія было съ одной стороны то, что сама русская литература, находившаяся въ XIII и перв. пол. XIV в. въ неблагоприятныхъ условіяхъ для своего развитія, была наиболѣе открыта проникновенію чужеземныхъ вліяній, а съ другой, наоборотъ, для южно-славянскихъ литературъ конецъ XIII и почти весь XIV вѣкъ были временемъ наибольшаго разцвѣта и оживленія. Въ это время, по словамъ А. И. Соболевскаго, „старые переводы съ греческаго одинъ за другимъ были подвергнуты пересмотру и исправленію, на основаніи сличенія съ оригиналами; между ними были тексты и Священнаго Писанія, и свято-отеческихъ твореній, и житій святыхъ, и хронографовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ явился рядъ новыхъ переводовъ всевозможныхъ произведеній греческой литературы: и богослужебныхъ пѣнопѣній, и сочиненій св. отцовъ, и свѣтскихъ повѣстей; наконецъ, появились кое-какіе, впрочемъ сравнительно очень немногіе, оригинальные труды южно-

славянскихъ авторовъ — почти исключительно житія¹⁾. Съ половины XIV вѣка усиливаются личныя сношенія русскихъ людей съ южно-славянскими дѣятелями, причемъ мѣстомъ этихъ сношеній являются по преимуществу Константинополь и Аѳонъ, въ которыхъ сосредоточивалась главнымъ образомъ дѣятельность болгарскихъ и сербскихъ книжниковъ этой эпохи. Во второй половинѣ XIV вѣка въ Константинополь завелась даже небольшая колонія русскихъ монаховъ, занимавшихся перепиской и отчасти переводами книгъ. Такъ, въ 80-хъ или 90-хъ годахъ XIV вѣка жилъ въ Константинополь игумень Серпуховскаго монастыря Аѳанасій Высоцкій, ростовецъ родомъ, ученикъ преп. Сергія; слѣдомъ его книжной дѣятельности является, м. пр., сборникъ, переписанный, по его указанію, съ южно-славянскаго оригинала въ Константинополь и дошедшій до насъ въ копіи XVI вѣка вмѣстѣ съ „послѣсловіемъ“, излагающимъ обстоятельства возникновенія рукописи²⁾; въ 1383 году былъ изготовленъ въ Константинополь однимъ изъ членовъ русской колоніи списокъ Евангелія, тщательно исправленнаго по греческому тексту³⁾; есть мнѣніе въ пользу того, что и знаменитый текстъ Новаго Завѣта, сохранившійся въ чудовскомъ спискѣ половины XIV вѣка и приписываемый перу митр. Алексія, сдѣланъ былъ также въ Константинополь⁴⁾; имѣются указанія и на другія рукописи, писанныя въ XIV и XV вѣкахъ русскими въ Константинополь⁵⁾.

Сношенія въ Аѳонѣ были также довольно оживленны, хотя авторитетъ „Святой Горы“ въ глазахъ русскихъ и не опирался на столь отдаленныя преданія, какъ авторитетъ Константинополя. Въ XIV—XV вѣкахъ на долю Аѳона выпала борьба съ еретическими мнѣніями Варлаама и Акиндина и съ католической пропагандой по вопросу объ уніи; въ этой борьбѣ аѳонскіе иноки показали не только стойкость своихъ религіозныхъ воззрѣній, но и выдающуюся образованность; въ ихъ средѣ оказались и простые начетчики, вродѣ Максима Кавсокаливскаго, увлекавшіе своей энергіей и темпераментомъ, и весьма ученые книжники, какъ Григорій Синаитъ, Нифонтъ, патріархи Аѳанасій, Каллисть I и Каллисть II, Діонисій, Григорій Палама⁶⁾. Изъ русскихъ монаховъ, бывшихъ на Аѳонѣ во второй половинѣ XIV вѣка, можно отмѣтить игумена одного изъ новгородскихъ монастырей Иларіона, вынесшаго со Святой Горы Тактиконтъ Никона Черногорца, архимандрита Печерскаго Досіея; въ 30-хъ годахъ XV вѣка былъ на Аѳонѣ іеромонахъ Аѳанасій Русинъ, переписавшій

1) Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вѣковъ, с. 8.

2) Востоковъ, А. Описаніе Рум. Музея, с. 516—517.

3) Описаніе рук. Моск. Синод. Б-ки, I, с. 254—256.

4) Соболевскій, назв. соч., с. 10. 26—31.

5) Тамъ же, с. 24—26.

6) Горскій, А. В.). О сношеніяхъ русской церкви съ святогорскими обителями до XVIII вѣка. „Прибавленія къ Твореніямъ Св. Отцовъ“, VI, кн. 1 (1848), с. 119—144.

савшій тамъ въ 1431 году Житіе св. Аѳанасія Аѳонскаго, копія съ котораго, сдѣланная уже въ Россіи, находится среди рукописей Троице-Сергіевой Лавры (Описаніе рук. Тр.-С. Лавры, III, с. 141), а въ слѣдующемъ году онъ переписалъ, въ лаврѣ св. Аѳанасія, Житіе Григорія Омирискаго, списокъ съ котораго былъ сдѣланъ позднѣе въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ¹⁾. Оригиналами для переписки нашимъ книжникамъ въ Константинополь и на Аѳонѣ являлись болгарскія и сербскія рукописи; значительное количество этихъ рукописей перешло и въ Россію, служа тутъ также предметомъ изученія и подражанія. Если мы посмотримъ теперь, имѣя въ виду эти обстоятельства, на русскія рукописи XV вѣка, то увидимъ многочисленныя и яркія слѣды подражанія русскихъ переписчиковъ южно-славянскимъ образцамъ въ особенностяхъ языка (средне-болгарскаго), правописанія, начертанія буквъ и орнамента. Это южно-славянское теченіе въ рукописной области захватывало съ одной стороны западно-русскую письменность и, черезъ ея посредничество, Псковъ, обособившійся съ начала XIV вѣка въ церковно-политическомъ и отчасти культурномъ отношеніи отъ Новгорода, а съ другой — сѣверо-восточную и московскую письменность; въ послѣднемъ районѣ южно-славянское рукописное вліяніе значительно ослабѣло уже къ половинѣ XVI вѣка, тогда какъ въ первомъ оно наблюдается еще и въ XVII вѣкѣ²⁾. Южно-славянское вліяніе не ограничивалось одной внѣшностью; оно коснулось и литературныхъ вкусовъ и отразилось на самомъ содержаніи литературныхъ произведеній, возникшихъ на русской почвѣ въ XV вѣкѣ.

Выдающееся мѣсто въ этомъ процессѣ возобновившагося южно-славянскаго вліянія занимаетъ личная литературная дѣятельность южно-славянскихъ выходцевъ въ Россіи. Самыми извѣстными изъ нихъ являются трое: митрополитъ Кипріанъ, родомъ повидимому болгаринъ; затѣмъ, также болгарскій уроженецъ и родственникъ Кипріана, митрополитъ Григорій Цамблакъ; наконецъ — сербъ Пахомій Логоетъ, пріобрѣтшій въ Россіи громкую литературную извѣстность. Всѣ три названные писателя были горячими любителями книжнаго дѣла, побывали на Святой Горѣ и, кромѣ того, двое первыхъ изъ нихъ обладали недюжинной по тому времени образованностью.

О Григоріи Цамблакѣ тутъ много распространяться не приходится. Его своеобразная жизненная судьба, навлекшая на него тяжелыя обвиненія и нерасположеніе съ разныхъ сторонъ въ Россіи, была одной изъ причинъ весьма малой извѣстности его произведеній на русской почвѣ; они облечены главнымъ образомъ въ форму церковныхъ поученій, но были между ними и два житія — Стефана Дечанскаго и Іоанна Новаго,

1) Соболевскій, назв. соч., с. 31—32.

2) А. Шахматовъ. Нѣсколько замѣтокъ объ языкѣ псковскихъ памятниковъ XIV—XV в. Ж. М. Н. Пр. 1909 № 7, с. 168—175.

изъ которыхъ послѣднее привлекло къ себѣ нѣкоторое вниманіе русскихъ книжниковъ лишь въ XVI и XVII вв.¹⁾

Митрополитъ Кипріанъ. Кипріанъ какъ до своего пріѣзда въ Россію, такъ и послѣ находился въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Константинополемъ и съ Аеономъ, хорошо былъ знакомъ съ фактами литературнаго движенія въ этихъ центрахъ и вообще былъ лицомъ прекрасно подготовленнымъ къ роли литературнаго посредника между южнымъ славянствомъ и Россіей. Поставленный константинопольскимъ патриархомъ въ митрополиты Южной Руси по ходатайству литовскаго князя, Кипріанъ прибылъ въ Кіевъ около 1377 года, а въ слѣдующемъ 1378 году, спустя четыре мѣсяца послѣ смерти митрополита Алексѣя, явился въ Москву на его мѣсто, но встрѣтилъ здѣсь довольно недружелюбный пріемъ; тогда онъ отправился для достиженія той же цѣли въ Константинополь. Однако надо было вооружиться терпѣніемъ, такъ какъ въ это время въ Москвѣ происходили замѣшательства именно по вопросу о замѣщеніи каведры, оставшейся вакантной послѣ Алексѣя; претенденту было недостаточно получить согласіе патриарха, надо было получить еще и одобреніе московскаго великаго князя. Въ санѣ московскаго митрополита появились на короткое время сначала Михаилъ, а затѣмъ Пимень; однако великій князь Дмитрій Ивановичъ Донской, питая нерасположеніе къ Пимену, вскорѣ вызвалъ изъ Кіева Кипріана, и тотъ явился въ Москву въ маѣ 1381 года, но пробылъ здѣсь лишь семь мѣсяцевъ — до прибытія Пимена изъ Константинополя; окончательно онъ былъ признанъ митрополитомъ московскимъ не ранѣе 1390 года, умеръ въ 1406 году. Объемъ литературной дѣятельности Кипріана съ трудомъ поддается опредѣленію. По старому мнѣнію, пушечному въ оборотъ В. Н. Татищевымъ, Кипріану усвоилось написаніе многихъ житій святыхъ, сочиненіе Степенной книги, обширныя работы въ области лѣтописей и пр., но новѣйшая критика, въ лицѣ Голубинскаго, находитъ возможнымъ считать Кипріана лишь авторомъ житія митр. Петра, посланія къ игумену Аванасію и лѣтописныхъ записей, вошедшихъ въ составъ Никоновской Лѣтописи²⁾. Для насъ имѣетъ интересъ въ данномъ случаѣ Житіе Петра (ум. 1326), одного изъ предшественниковъ Кипріана по митрополичьей каведрѣ въ Москвѣ. До Кипріана существовало житіе митр. Петра, усвоенное въ нѣкоторыхъ спискахъ ростовскому епископу Прохору (ум. 1328), но, написанное весьма кратко, оно уже не удовлетворяло потребностямъ новой эпохи, и Кипріанъ принялъ на себя задачу восполнить этотъ недостатокъ. Въ основу своего труда³⁾, написаннаго во всякомъ случаѣ

1) А. И. Яцимирскій. Григорій Цамблакъ. Очеркъ его жизни, административной и книжной дѣятельности. Спб. 1904, с. 456—465.

2) И. Р. Ц., П, перв. пол., с. 347—354.

3) Напечатанъ въ Степенной Книгѣ, ч. I (М. 1775), с. 410—424: „Мѣсяца декабря въ 21 день. Житіе и подвизи и мало исповѣданіе чудесъ иже во

послѣ 1390 года, Киприанъ положилъ Житіе, приписываемое Прохору, дополнилъ его нѣкоторыми указаніями фактическаго характера и облекъ въ совершенно новую литературную форму, внушенную ему полученнымъ имъ образованіемъ и знакомствомъ съ южно-славянскою агіографическою литературой. Въ этомъ трудѣ впервые является на русской почвѣ искусственное житійное повѣствованіе, небогатое фактами, но изложенное пространно и витіевато. Легендарные элементы, бывшіе уже въ трудѣ предшественника Киприана, разрастаются подѣ перомъ послѣдняго до значительныхъ размѣровъ. Къ сообщенному тамъ преданію о видѣній матери передѣ рожденіемъ Петра, Киприанъ прибавляетъ новое — о чудесномъ дарованіи отроку успѣха въ наукахъ. Подвижничество въ монастырѣ, гдѣ постригся двѣнадцатилѣтній Петръ, настоятельство въ основанной имъ обители на Ратѣ и другія событія изъ жизни описываемаго лица переданы Киприаномъ въ совершенно стереотипной формѣ, указанной южно-славянскими образцами; въ началѣ житія помѣщено витіеватое предисловіе, въ концѣ — краснорѣчивое похвальное слово, а самый рассказъ о жизни святителя украшенъ въ разныхъ мѣстахъ вводными разсужденіями, лишенными фактическаго содержанія и ненужными по существу. Главная задача труда — по заявленію самого автора — заключалась въ томъ, чтобы похвалить святого; этимъ опредѣляется и планъ сочиненія, и его содержаніе, и характеръ изложенія ¹⁾).

Епифаній Премудрый. Прежде чѣмъ перейти къ Пахомію Логоѣту, литературная дѣятельность котораго въ области агіографіи относится ко второй и третьей четверти XV вѣка, мы должны, въ виду хронологической послѣдовательности, обратить вниманіе на одного замѣчательнаго русскаго агіобиографа, писавшаго въ первой четверти XV вѣка и обнаружившаго не только превосходное знакомство съ житійною южно-славянскою литературой своего времени, но и выдающееся литературное дарованіе. Это былъ инокъ Троице-Сергіева монастыря Епифаній, получившій прозваніе „Премудраго“ за высокое достоинство своихъ произведеній. О жизни его мы имѣемъ очень мало извѣстій. Изъ написаннаго Епифаніемъ Житія Стефана Пермскаго видно, что въ юности онъ жилъ съ этимъ святителемъ въ ростовскомъ монастырѣ Григорія Богослова, пользовался его пріязнью и часто бесѣдовалъ съ нимъ „о какомъ-нибудь событіи, о словѣ, о стихѣ писанія или о строкѣ“. Отсюда можно заключить о рано развившейся въ Епифаніи любви къ книжнымъ занятіямъ. То же житіе даетъ основаніе предполагать, что Епифаній пришелъ въ ростовскій монастырь, еще въ молодыхъ лѣтахъ, значительно позже Стефана, не задолго до его ухода на проповѣдь, т. е. до 1379 года, и вскорѣ перешелъ въ другой монастырь, Троице-Сергіевъ, гдѣ находился въ общеніи съ преп. Сергіемъ до

святыхъ отца нашего Петра архіепископа Кіевскаго и всея Руси, списано Киприаномъ смиреннымъ мнихомъ и митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси“.

1) Ключевскій. Житія святыхъ, с. 84—85.

самой смерти послѣдняго (ум. 1391). Скончался онъ, вѣроятно, между 1418—1421 годам¹⁾.

Епифаній написалъ житія обоихъ знаменитыхъ подвижниковъ, съ которыми судьба поставила его въ ближайшія отношенія.

Житіе Стефана Пермскаго (ум. 1396) написано Епифаніемъ вскорѣ послѣ смерти святителя²⁾. Произведеніе это очень обширно. Оно состоитъ изъ пространнаго предисловія, въ которомъ авторъ высказываетъ удивленіе передъ заслугами Стефана и извиняется передъ читателемъ въ своей „грубости“ и „невѣжествѣ“. Затѣмъ подробно излагается жизнь святого, при чемъ авторъ въ особенности останавливается на просвѣщеніи имъ зырянъ христіанской вѣрой и на составленіи пермской азбуки (авторъ сопоставляетъ Стефана съ первоучителемъ Кирилломъ). Въ концѣ, послѣ статьи „о представленіи Стефана“, помѣщены о немъ „плачи“: пермскихъ людей, пермской земли (гдѣ онъ былъ епископомъ), наконецъ „плачь и похвала инока-списующа“. Трудъ Епифанія чрезвычайно любопытенъ и по фактическимъ даннымъ, и по изложенію. Впрочемъ, фактическіе элементы житія не соотвѣтствуютъ тому обильному матеріалу, которымъ располагалъ авторъ по собственнымъ наблюденіямъ („своими очима видѣхъ“) и по слуху („отъ старыхъ мужъ“). Главное вниманіе Епифанія было направлено къ тому, чтобы сдѣлать изъ своего труда похвалу святому: отсюда смѣшеніе житійныхъ и панегирическихъ элементовъ, изложенныхъ въ лирической формѣ. Внешняя форма сочиненія Епифанія представляется въ высшей степени искусственной, напыщенной и витиватой, увеличивая до крайности объемъ повѣствованія и дѣлая его чтеніе затруднительнымъ даже для современниковъ. Хотя авторъ и говоритъ въ предисловіи, что онъ не былъ „въ Аѳинѣхъ отъ юности“, не учился „у философовъ ихъ ни плетенія ритороска, ни витійскихъ глаголь“ и не навывкъ „хитрорѣчія“, однако въ дѣйствительности все его сочиненіе со стороны изложенія есть, по его собственному выраженію, чрезвычайно искусственное „плетеніе словесъ“. По мѣстамъ витійство автора положительно не знаетъ границъ; но средства этого витійства въ общемъ сводятся къ амплификаціямъ, тавтологическимъ выраженіямъ и оборотамъ. Характеризуя святого, онъ набираетъ въ одномъ мѣстѣ 20, а въ другомъ даже 25 эпитетовъ. Вотъ послѣднее мѣсто (въ „плачь и похвалѣ инока списующа“): „Что еще ты нареку? Вожа заблужшимъ, обрѣтателя погыбшимъ, наставника прельщеннымъ, руководителя умомъ ослѣпленнымъ, очистителя оскверненнымъ, вискателя расточеннымъ, стража ратнымъ, утѣшителя печальнымъ, кормителя алчущимъ, подателя требующимъ, наказателя несмысленнымъ, помощника обидимымъ, молитвенника тепла, хода-

1) Тамъ же, с. 88—92.

2) Напечатано въ „Пам. стар. р. лит.“ Кушелева-Безбородко, вып. IV (1862), с. 119—171; отдѣльно: Житіе св. Стефана, епископа Пермскаго. Написано Епифаніемъ Премудрымъ. Изд. Археографической Комиссіи. Спб. 1897.

тая вѣрна, поганымъ спасителя, бѣсомъ проклинателя, кумиромъ потребителя, идоломъ попираетеля, Богу служителя, мудрости рачителя, философіи любителя, цѣломудрію дѣлателя, правдѣ творителя, книгамъ сказателя, грамотѣ пермстѣй писателя?" (Пам. стар. р. лит., IV. 169). Начитанность Епифанія въ Священномъ Писаніи громадна: для подтвержденія своихъ словъ онъ выписываетъ пять, иногда до восьми текстовъ; кромѣ того, онъ знаетъ Хронографъ, Палею, Лѣствицу, Патерикъ, знакомъ съ сочиненіемъ Черноризца Храбра, со многими произведениями прошлой и современной агіологической и церковно-ораторской литературы. Авторъ постоянно уклоняется отъ главной нити разсказа, и его изложеніе богато совершенно посторонними эпизодами; лирической элементъ чрезвычайно обилень. Иногда витѣйство Епифанія принимаетъ стихотворную форму; такъ, волхвъ обращается къ пермскимъ людямъ со слѣдующими словами: „отеческихъ боговъ не оставляйте, а жертвъ и требъ ихъ не забывайте, а старыя пошлыны не покидывайте, давныя вѣры не пометывайте“ (Пам. стар. р. лит., IV. 138). — Подобными же свойствами отличается и другой агіографическій трудъ Епифанія — житіе Сергія Радонежскаго, писанный, по словамъ самого автора, черезъ 26 лѣтъ послѣ смерти Сергія, т. е. въ 1417—1418 гг. 1). Въ общемъ это произведеніе написано по тому же плану и съ тѣми же приѣмами, что и въ житіи Стефана, отъ котораго оно, впрочемъ, отличается большимъ фактическимъ содержаніемъ; это послѣднее обстоятельство находитъ себѣ объясненіе не въ перемѣнѣ теоретическихъ взглядовъ Епифанія на искусство писательства, но въ томъ, что по отношенію къ Сергію авторъ располагалъ большимъ запасомъ наблюденій, болѣе близкимъ знакомствомъ съ описываемыми событіями. Кромѣ того, въ этомъ произведеніи сказалась еще одна черта, которую мы не встрѣчаемъ въ предшествующемъ трудѣ Епифанія: подчеркнуты нѣкоторыя тенденціи моральнаго, общественнаго и политическаго характера, очевидно явившіяся результатомъ новыхъ наблюденій Епифанія надъ современностью и особой обстановки жизни, въ которой находился описываемый имъ подвижникъ. „Въ житіи Сергія — говоритъ одинъ изъ изслѣдователей этой стороны труда Епифанія 2) — отразился прежде всего культъ смиренія и снисхожденія, далѣе — принципъ иноческой нестяжательности; житіе освѣщаетъ близость Сергія и духовную его поддержку велико-княжескому дому, но позволяетъ подозревать въ биографѣ несочувствіе московской власти, когда она подавляла мѣстные интересы, и

1) Напечатано арх. Леонидомъ: Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія Чудотворца и похвальное ему слово, написанныя ученикомъ его Епифаніемъ Премудрымъ въ XV вѣкѣ (Пам. др. письм. и искусства. № LVIII). Спб. 1885. О другихъ изданіяхъ см. у Е. Е. Голубинскаго: Преп. Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра. Сергіевъ Посадъ 1892, с. 80.

2) Кадлубовскій, А. Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ, с. 178—179.

несочувствіе политическимъ миссіямъ Сергія, направленнымъ въ сторону, противоположную этимъ мѣстнымъ интересамъ. Оба агиографическіе труда Епифанія обнаруживаютъ въ немъ большее и яркое литературное дарованіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ они свидѣтельствуютъ о полной еще неупорядоченности новаго житійнаго стиля на русской почвѣ. Несомнѣнно, что самъ Епифаній стремился къ подражанію южно-славянскимъ образцамъ, но его собственный стиль, вслѣдствіе большой оригинальности таланта автора, вышелъ въ высшей степени своеобразнымъ и не подь силу для позднѣйшихъ писателей, которые хотѣли бы подражать „премудрѣйшему“ Епифанію. Этимъ и слѣдуетъ объяснять сравнительно малую извѣстность его трудовъ въ древней русской письменности.

Пахомій Логоветъ. Третьимъ изъ южно-славянскихъ выходцевъ, трудившимся въ качествѣ русскаго писателя, былъ сербъ Пахомій Логоветъ. Свѣдѣнія о его жизни очень скудны, и до сихъ поръ изслѣдователи не согласны даже въ томъ, когда онъ прибылъ въ Россію и съ какого мѣста въ ней началъ свою литературную дѣятельность. Получивъ образованіе на Афонѣ и принявъ тамъ санъ іеромонаха, Пахомій, въ возрастѣ не моложе 30 лѣтъ, явился въ Россію, по мнѣнію И. С. Некрасова ¹⁾, не ранѣе 1425 года, а по новѣйшимъ изслѣдованіямъ В. Яблонскаго ²⁾ между 1429 и 1438 годами; въ то время какъ первый упомянутый авторъ, а также В. О. Ключевскій ³⁾ склонны были начинать пребываніе Пахомія на Руси съ Москвы, В. Яблонскій возвращается къ старой гипотезѣ, высказанной еще митр. Евгеніемъ и архіеп. Филаретомъ, что первымъ мѣстомъ дѣятельности сербскаго пришельца въ Россіи былъ Новгородъ ⁴⁾, гдѣ имъ написаны были служба и похвала Варлааму Хутынецкому, служба Знаменію Богородицы и Житіе Варлаама; затѣмъ, около 1440—1443 годовъ онъ явился въ Москву и поселился въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ, занимаясь тутъ составленіемъ житій Сергія, Никона, митр. Алексія и др.; въ концѣ 1459 или началѣ 1460 года мы видимъ его снова въ Новгородѣ, потомъ въ 1461—1462 году опять въ Москвѣ, а въ 1462—1463 г. въ Бѣлоозерѣ; дальнѣйшая судьба Пахомія совершенно неизвѣстна: можно предполагать лишь, что въ 70-годахъ XV в. бывалъ онъ у Троицы и въ Новгородѣ, б. м. на Устюгѣ, и умеръ не ранѣе 1484 года ⁵⁾; предположеніе Некрасова ⁶⁾, что Пахомій работалъ въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ еще въ 90-хъ годахъ XV в., встрѣчаетъ

1) Пахомій Сербъ, писатель XV вѣка. Записки Новороссійскаго Университета. Т. VI (1871), с. 32.

2) Пахомій Сербъ и его агиографическія писанія. Биографическій и библиографически-литературный очеркъ. Спб. 1908, с. 15—16.

3) Назв. соч., с. 119.

4) Назв. соч., с. 13.

5) В. Яблонскій, с. 16—20.

6) Назв. соч., с. 58.

нѣкоторое затрудненіе въ необходимости предполагать исключительно долгую жизнь этого автора, на что мы не имѣемъ никакихъ опредѣленныхъ указаній.

Литературная дѣятельность Пахомія была весьма обширна и, какъ показываютъ новѣйшія изслѣдованія, шла въ двухъ направленіяхъ — въ области лѣтописанія и агиографіи. Выше было указано (стр. 103) на мнѣніе акад. Шахматова о томъ, что выполненіе идеи обще-русскаго лѣтописнаго свода въ 20-хъ годахъ XV в. должно быть приписано Пахомію: въ такомъ случаѣ слѣдуетъ предположить, что это былъ, вѣроятно, первый или одинъ изъ первыхъ литературныхъ трудовъ, совершенныхъ Пахоміемъ въ Россіи; нельзя не признать, что недостаточность нашихъ свѣдѣній о времени пріѣзда сербскаго выходца въ Россію лишаютъ это предположеніе значительной доли вѣроятности, особенно если принять во вниманіе обширность этой работы. Шахматову принадлежитъ, какъ упомянуто, и другое предположеніе — о томъ, что Пахомій составилъ 1442 году первоначальную редакцію русскаго хронографа. Столь же предположительно, но весьма увѣренно приписывалъ Пахомію профессоръ А. С. Павловъ авторство упомянутаго выше историко-полемическаго „Слова о составленіи осьмого собора латынскаго и о изверженіи Сидора прелестнаго“¹⁾. Но мы не будемъ слѣдить за этой частью дѣятельности Пахомія не только потому, что она составляетъ пока лишь научную гипотезу, но и потому, что съ этой стороны Пахомій совершенно былъ неизвѣстенъ своимъ современникамъ и ближайшимъ поколѣніямъ въ Россіи. Напротивъ, онъ пользовался широкой и громкой извѣстностью какъ авторъ житій и похвальныхъ словъ и даже занималъ въ этомъ отношеніи въ Россіи XV вѣка какъ бы официальное положеніе, которое онъ создалъ, себѣ своими литературными способностями, выдающимся трудолюбіемъ и легкой приспособляемостью къ условіямъ жизни.

Агиографическіе труды Пахомія могутъ быть распредѣлены на двѣ категоріи: одни написаны были имъ уже на основаніи ранѣе существовавшихъ произведеній, при чемъ Пахомій лишь сокращалъ или видоизмѣнялъ свой оригиналъ, не внося отъ себя лично ничего новаго, кромѣ стили; другіе были составлены имъ, по устнымъ преданіямъ, болѣе или менѣе самостоятельно. Къ первымъ могутъ быть отнесены житія Сергія²⁾, митр. Алексія, Варлаама Хутынскаго, Новгородскаго архіепископа Моисея³⁾ и сказаніе о кн. Михаилѣ Черниговскомъ; ко вторымъ — житія игумена Троице-Сергіева монастыря Никона⁴⁾, новгородскаго архіепископа Евѣимія, Саввы Вишерскаго, Кирилла Бѣлозерскаго⁵⁾ и б. м. нѣкоторыхъ другихъ. Надо

1) Отчетъ о 19-мъ присужденіи наградъ графа Уварова, с. 285—288. 294.

2) Напечатано въ Четьихъ-Минейхъ митр. Макарія: сентябрь, III (1883), с. 1563—1578.

3) Напечатано въ приложеніи къ труду В. Яблонскаго, с. LXXXI—XCI.

4) Тамъ же, с. LXIV—LXXXI.

5) Тамъ же, с. I—LXIII.

имѣть въ виду, что нѣтъ возможности точно опредѣлить объемъ литературной дѣятельности Пахомія, какъ агіюбіографа; ему, какъ въ свое время весьма извѣстному писателю, могло приписываться и дѣйствительно приписывалось многое такое, на усвоеніе чего Пахомію не имѣется документальныхъ или вообще вполне убѣдительныхъ доказательствъ: напр., это можно сказать о житіи архіепископа новгородскаго Іоанна. На свою авторскую задачу при составленіи житій Пахомій смотрѣлъ съ исключительно внѣшней стороны. Онъ мало дорожилъ истиной въ изложеніи прошлыхъ событій и, имѣя своей цѣлью исключительно возвеличеніе святого, въ изобиліи подбиралъ для своего разсказа подходящія черты, вовсе не считаясь со степенью ихъ исторической достовѣрности. При такомъ взглядѣ на дѣло, подъ перомъ Пахомія съ одной стороны возникали сообщенія безусловно недостовѣрныя, но нужныя для идеализаціи описываемаго подвижника, а съ другой — стирались цѣнныя для историка черты, которыя находилъ Пахомій въ своихъ письменныхъ источникахъ, но не считалъ ихъ соответствующими своей панегирической цѣли. Поэтому, житія, написанныя Пахоміемъ, въ общемъ имѣютъ характеръ литературныхъ шаблоновъ, соответствующихъ тому представленію о житіи, какъ пространномъ похвальномъ словѣ, какое составилось у Пахомія на основаніи его знакомства съ соответствующими образцами южно-славянскаго литературнаго творчества. Въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляетъ сравненіе его съ Епифаніемъ Премудрымъ, къ которому подаетъ поводъ житіе Сергія, написанное Пахоміемъ на основаніи труда Епифанія. Трудъ Епифанія по своимъ обширнымъ размѣрамъ и по характеру изложенія не былъ удобенъ для чтенія его въ церкви, и Пахомій взялъ на себя задачу приспособить именно къ этой цѣли свое повѣствованіе о знаменитомъ подвижникѣ. Для этого нужно было сократить оригиналъ Епифанія и затѣмъ сосредоточить главное вниманіе на посмертныхъ чудесахъ святого, представлявшихъ особую назидательность для церковнаго чтенія. Сокращая Епифанія, Пахомій, вмѣстѣ съ его риторическими отступленіями и украшеніями, выпустилъ и тѣ живыя наблюденія, которыя внесъ Епифаній по личнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ очевидцевъ, напр. касательно первыхъ шаговъ пустынножизни Сергія и основанной имъ обители. Какъ иностранецъ, чуждый мѣстныхъ интересовъ и не желавшій навлекать на себя чье-либо неудовольствіе въ Москвѣ, Пахомій совершенно опускаетъ объясненіе Епифанія, что переселеніе отца Сергія изъ Ростова было вызвано главнымъ образомъ московскими насиліями. Иныя умолчанія и поправки вызваны цѣлями отвлеченной идеализаціи, въ ущербъ истинѣ. Такъ, по Епифанію, Сергій, уходя въ пустыню, отдаетъ свою долю отцовскаго наслѣдства младшему брату, а у Пахомія — бѣднымъ, п. ч. такъ было приличнѣе сказать въ житіи; Епифаній просто говоритъ, что въ лѣсу, гдѣ поселился Сергій, было много звѣрей и гадюкъ, а у Пахомія звѣри и змѣи были лишь внѣшней оболочкой бѣсовъ, нападавшихъ и искушавшихъ Сергія. По разсказу Епифанія, Сергій ушелъ

изъ свсего монастыря на Киржачь вслѣдствіе того, что нѣкоторые изъ братіи не желали имѣть его игуменомъ, и во главѣ ихъ былъ братъ его Стефанъ, однажды изрекшій въ церкви на Сергія „многа, еже не лѣпо бѣ“, но Пахомій нашель нужнымъ просто умолчать объ этомъ неприятномъ дѣлѣ, объяснивъ удаленіе Сергія желаніемъ отыскать мѣсто для безмолвія, постоянно нарушавшагося приходившими богомольцами. Игнорируя любопытныя фактическія подробности въ послѣдовательномъ изложеніи Епифанія о постепенномъ ростѣ основанной Сергіемъ обители, новый агіобиографъ замѣняетъ все это общими мѣстами. Единственнымъ фактическимъ дополненіемъ со стороны Пахомія является его разсказъ объ открытіи мощей преподобнаго и о его посмертныхъ чудесахъ¹⁾. Житіе Сергія было, какъ полагають²⁾, однимъ изъ первыхъ литературныхъ трудовъ Пахомія по прибытіи его въ Москву. Болѣе важны въ историческомъ отношеніи тѣ труды Пахомія, которые онъ писалъ на основаніи имъ самимъ собраннаго матеріала и уже не имѣлъ возможности руководиться какимъ-либо готовымъ образцомъ; лучшими изъ ихъ числа являются житія архіепископа Евѣимія и Кирилла Бѣлозерскаго. Оба они отличаются въ литературномъ отношеніи неровностями и отсутствіемъ послѣдовательности въ разсказѣ; авторъ, повидимому, не могъ справиться съ неравномѣрностью въ разныхъ частяхъ имѣвшагося подъ руками матеріала. На этихъ работахъ съ особенной ясностью сказывается та черта Пахомія, какъ писателя, что его не интересовали ни факты, ни идеи и настроенія современной ему русской церковной жизни, которыя онъ могъ бы использовать въ своемъ трудѣ съ нравственно-назидательной цѣлью; напр., представляется весьма удивительнымъ, что въ житіи Кирилла Бѣлозерскаго онъ не высказываетъ своего взгляда на всѣхъ интересовавшей тогда вопросъ о монастырскихъ имуществвахъ, въ развитіи котораго мнѣнія бѣлозерскихъ иноковъ и самого основателя этой обители занимали столь выдающееся мѣсто; все это было чуждо Пахомію, потому что не соответствовало его главной цѣли — дать образъ святого подвижника въ общихъ рамкахъ церковной идеализаціи, безъ всякаго отношенія къ дѣйствительнымъ условіямъ русской жизни. Житіе Евѣимія³⁾ написано, вѣроятно, въ концѣ 50-хъ годовъ XV вѣка, а житіе Кирилла въ началѣ 60-хъ. — Нѣкоторые житійные труды Пахомія снабжены особыми присоединенными къ нимъ „похвальными словами“, которыя впрочемъ писались имъ и независимо отъ житій: къ числу первыхъ принадлежатъ похвальныя слова Варлааму Хутынскому и Сергію Радонежскому, а ко вторымъ — Знаменію В. М. въ Новгородѣ⁴⁾ и на Покровѣ. Кромѣ того, имъ написано значительное количество „службъ“ — въ томъ числѣ Саввѣ Вишер-

1) Ключевскій, назв. соч., с. 129—132.

2) В. Яблонскій, назв. соч., с. 62.

3) Напечатано въ Пам. стар. р. лит. IV, с. 16—26.

4) Напечатано въ приложеніи къ труду В. Яблонскаго, с. ХСII—СI.

скому, Евѣмію Новгородскому, Кириллу Бѣлозерскому. Популярность литературнаго имени Пахомія была причиною того, что ему приписывается въ рукописяхъ рядъ такихъ трудовъ богослужебнаго и агиографическаго характера ¹⁾, принадлежность которыхъ этому автору ничѣмъ не можетъ быть доказана.

Общее впечатлѣніе отъ литературныхъ трудовъ Пахомія въ области агиографіи вѣрно выражено новѣйшимъ изслѣдователемъ: „Не внося самобытнаго идейнаго творчества въ русскую письменность, Пахомій не принесъ оригинальнаго въ сравненіи со своими учителями и въ области внѣшней обработки матеріала. То тяжелое впечатлѣніе, которое выносится изъ прочтенія писаній славнаго въ старину ритора, объясняется дѣланностью, натянутостью и искусственностью его риторическихъ украшеній. Отсутствіе искренняго чувства, живого творчества вездѣ замѣняется шаблонной книжностью. Образцы и фигуры, обычно не вытекающія изъ содержания, не вызванныя ни теченіемъ мысли, ни эстетикой чувства, вдигаются въ разсказъ или приклеиваются къ нему просто потому, что они, вычитанные у предшественниковъ панегиристовъ, въ обиліи роились въ памяти автора, что это было такъ принято у его учителей и нравилось русскимъ читателямъ и слушателямъ, какъ новинка послѣ забытаго въ эпоху татарщины художественнаго краснорѣчія Кирилла Туровскаго“ ²⁾. Не смотря однако же на скромные размѣры литературнаго таланта Пахомія, который лучше всего чувствовалъ себя въ области компіляціи и весьма охотно заполнялъ свои труды общими мѣстами, дѣятельность его имѣла въ исторіи русской агиографіи большое значеніе. Онъ оказался въ полномъ соотвѣтствіи съ уровнемъ литературныхъ потребностей на Руси въ XV вѣкѣ и, по недостатку другихъ литературныхъ силъ, былъ, въ качествѣ агиографа, желаннымъ гостемъ въ Новгородѣ и Москвѣ, куда его наперерывъ приглашали и заваливали литературной работой, щедро одаряя „искуснаго въ книжныхъ слогахъ“ писателя золотомъ, серебромъ и соболями. Онъ вездѣ, повидимому, чувствовалъ себя одинаково хорошо и свободно, чуждый мѣстныхъ интересовъ и равнодушный къ живымъ теченіямъ русской дѣйствительности. Труды его получили общее значеніе назидательныхъ сочиненій, безъ отношенія ко времени и мѣсту дѣйствія описанныхъ въ нихъ событій; ихъ охотно читали и переписывали, и литературное имя серба Пахомія сдѣлалось среди русскихъ книжниковъ гораздо болѣе извѣстнымъ, чѣмъ имя его болѣе талантливаго предшественника и отчасти современника Епифанія Премудраго.

Въ несомнѣнной связи съ литературной манерой разсмотрѣнной нами житійно-панегирической письменности XIV и XV вв. стояли и другія проявленія русской литературной жизни той эпохи, возникшія въ отдѣльных ея областяхъ, къ сожалѣнію до сихъ поръ недостаточно об-

1) Тамъ же, с. 198—217.

2) В. Яблонскій, назв. соч., с. 285.

слѣдованныхъ наукой. Въ числѣ такихъ провинціальныхъ уголковъ, питавшихъ мѣстныхъ литературныхъ тенденціи, въ средніе вѣка русской письменности занимаетъ довольно видное положеніе Тверь. Выше (стр. 101) было уже упомянуто о тверскомъ епископѣ Теодорѣ, которому въ первой половинѣ XIV вѣка писалъ посланіе о „земномъ раѣ“ Новгородскій архіепископъ Василій; въ началѣ XV вѣка въ Твери составляется, по волѣ епископа Арсенія, особая редакція Печерскаго Патерика; въ серединѣ того же столѣтія въ Твери возникаетъ замѣчательная редакція мѣстнаго лѣтописнаго свода, съ ясными признаками политическаго самосознанія. Къ этой же порѣ относится и въ высшей степени интересное литературное произведеніе, на которое уже было указано мною вскользь нѣсколько выше (стр. 108). Это — Похвальное слово Тверского инока Ѳомы, написанное имъ въ честь Тверского великаго князя Бориса Александровича, прославленнаго также и упомянутой Тверской лѣтописью. По весьма вѣроятному предположенію издателя этого памятника, онъ составленъ около 1453 года въ Твери инокомъ Ѳомою, человѣкомъ начитаннымъ и явнымъ поклонникомъ современной ему искусственной хвалебно-житійной и повѣствовательной литературы. Обширное слово это ¹⁾ состоитъ изъ пяти или даже шести частей, въ которыхъ, впрочемъ, А. А. Шахматовъ склоненъ видѣть шесть отдѣльныхъ произведеній того же автора и на одну и ту же тему ²⁾. Въ качествѣ придворнаго ритора при тверскомъ князѣ, инокъ Ѳома восхваляетъ Бориса Александровича всѣми средствами своего широкаго по тогдашнему книжнаго образованія: онъ знаетъ съ Іоанномъ Златоустомъ, Григоріемъ Богословомъ, Діонисіемъ Ареопagitомъ; онъ знаетъ Начальную Лѣтопись, ссылается на Хронографъ и особенно пользуется, изъ произведеній старой русской письменности, „Словомъ о законѣ и благодати“ Киевскаго митрополита Иларіона. Правда, Ѳома въ своемъ трудѣ не обнаруживаетъ большого самостоятельнаго литературнаго дарованія — онъ путается въ массѣ заимствованій, плохо владѣетъ усвоенной имъ риторической манерой и крайне многословенъ; однако это не мѣшаетъ ему являться виднымъ дѣятелемъ мѣстной тверской литературы XV вѣка, о которой мы такъ мало знаемъ. Догадка А. А. Шахматова, что иноку Ѳомѣ принадлежитъ и работа надъ новой редакціей упомянутаго Тверского лѣтописнаго свода ³⁾, представляется намъ нуждающейся въ болѣе солидныхъ доказательствахъ.

1) Въ изданіи Н. П. Лихачева: Инока Ѳомы Слово похвальное о благовѣрномъ великомъ князѣ Борисѣ Александровичѣ. Спб. 1908, с. 1—55.

2) Отзывъ объ изданіи Н. П. Лихачева: Инока Ѳомы Слово похвальное о благовѣрномъ в. кн. Борисѣ Александровичѣ. Спб. 1909, с. 7—12.

3) Тамъ же, с. 15—16.

4. Разногласія въ области религіознаго міровоззрѣнія. — Стригольники и жидовствующіе. — Заволжскіе старцы. — Литературная дѣятельность Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго; ихъ послѣдователи и продолжатели.

Одной изъ весьма характерныхъ особенностей русской жизни XV и начала XVI вѣка являются усиленные религіозныя броженія и вызванныя ими произведенія литературы.

Выше было уже указано на появленіе въ XIV вѣкѣ въ Новгородѣ ереси „стригольниковъ“; въ началѣ 70-хъ годовъ XV вѣка нашла себѣ мѣсто въ томъ же Новгородѣ и ересь „жидовствующихъ“. Идейная связь между этими двумя ересями не можетъ подлежать сомнѣнію. Происхожденіе ереси жидовствующихъ, по своей фактической обстановкѣ, такъ же неясно, какъ и ереси стригольниковъ, и въ то время, напр., какъ В. Θ. Боцяновскій ставитъ ее въ связь съ гусситскими и таборитскими идеями, пришедшими съ запада и нашедшими себѣ распространеніе въ Литвѣ и Польшѣ¹⁾, другой изъ новыхъ изслѣдователей этого вопроса, Θ. Ильинскій, выводитъ жидовствующихъ, съ ихъ ученіемъ, изъ византійско-славянскаго богомилскаго источника²⁾, опираясь въ этомъ взглядѣ на ранѣе высказанное Θ. И. Успенскимъ мнѣніе о происхожденіи изъ богомилства же и ереси стригольниковъ. Современные ереси обличители ея, въ лицѣ Іосифа Волоцкаго, не задаваясь вопросомъ историческаго характера, приводили ее въ связь съ прїѣздомъ въ Новгородъ въ 1471 году кievскаго князя Михаила Александровича или Олельковича, когда новгородцы искали себѣ защиты отъ московскаго князя въ союзѣ съ польскимъ королемъ. Князя сопровождала большая свита, и въ ней былъ ученый еврей Схарія; этотъ то Схарія и былъ основателемъ ереси жидовствующихъ. Въ числѣ первыхъ его послѣдователей явились новгородскіе священники Діонисій (Денисъ) и Алексѣй, изъ которыхъ послѣдній переименованъ былъ будто бы Авраамомъ, а его жена — Саррой. Послѣ десятилѣтняго существованія въ Новгородѣ, ересь перекинулась въ Москву и нашла себѣ тамъ нѣсколько послѣдователей, въ томъ числѣ и вліятельнаго главу Посольскаго приказа Θεодора Курицына; позднѣе, въ подозрѣніи относительно принадлежности къ ереси и покровительства ей стоялъ и самъ московскій митрополитъ Зосима. Въ теченіе шестнадцати лѣтъ ересь жидовствующихъ не обращала на себя вниманія духовной и свѣтской власти, и только въ 1487 году случайно была открыта въ Новгородѣ. Тогдашній новгородскій

1) Русскіе вольнодумцы XIV—XV вѣковъ. „Новое Слово“ 1896 № 12, с. 169—173.

2) Русскіе богомилы XV вѣка. „Богословскій Вѣстникъ“ 1905 № 6—7, с. 447.

архієпископъ Геннадій не замедлилъ возбудить официальное дѣло о ереси и прежде всего донесъ о своемъ открытїи великому князю и митрополиту въ Москву; получивъ отъ великаго князя наказъ „беречи, чтобъ то лихо въ земли не распростерлося“, Геннадій приступилъ къ формальному обыску еретиковъ. Благодаря одному изъ уклонившихся въ ересь и затѣмъ раскаявшемуся, священнику Науму, Геннадію удалось установить главные пункты ученія жидовствующихъ и даже получить книги, по которымъ они совершали свои молитвы, но обвинить въ ереси оказалось возможнымъ пока лишь четырехъ человекъ; розыскъ продолжался какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Москвѣ, и только 17 октября 1490 года на соборѣ въ Москвѣ, при новомъ митрополитѣ Зосимѣ, жидовствующіе были осуждены церковной властью; сколько ихъ было въ этотъ моментъ, неизвѣстно. Послѣ церковнаго осужденія еретики должны были подвергнуться гражданской казни. Въ этой стадїи дѣло шло еще медленнѣе, и лишь въ концѣ 1504 года состоялось рѣшеніе, въ силу котораго многіе еретики — въ томъ числѣ братья умершаго Феодора Курицына Иванъ Максимовъ и юрьевскій архимандритъ Касьянъ — были сожжены, а прочіе разосланы въ заточеніе и по монастырямъ¹⁾.

Сущность ученія жидовствующихъ во многомъ напоминаетъ стригольничество. Жидовствующіе стояли на той же критической и отрицательной точкѣ зрѣнія относительно православія. Они признавали одно только существо Божіе, отрицая Троицу и божественность Иисуса Христа, котораго они считали простымъ человекомъ, естественно родившимся отъ Марїи; жидовствующіе не признавали, конечно, ни Іоанна Крестителя, ни святыхъ и не придавали писаніямъ послѣднихъ никакого особеннаго значенія. Они не признавали храмы за мѣста особаго присутствія Божія, не почитали крестовъ и иконъ. У нихъ были свои священники, отпавшіе отъ православнаго священства, и совершалась втайнѣ служба, но съ полнымъ пренебреженіемъ къ обрядамъ и преданіямъ православной церкви; къ церковной іерархіи и монашеству они относились, подобно стригольникамъ, совершенно отрицательно. Въ общемъ, это ученіе не представляло собою чего-либо опредѣленнаго и являлось скорѣе смѣсью рационалистическихъ элементовъ съ протестомъ противъ церковнаго ученія и обрядности, доходившимъ до грубыхъ выходокъ безграничнаго фанатизма — если вѣрить обличеніямъ Іосифа въ его „Просвѣтителѣ“. Но, съ другой стороны, среди послѣдователей ереси были несомнѣнно книжные люди, весьма начитанные, съ критическимъ направленіемъ ума, съ повышенными умственными интересами, съ научными по тому времени запросами, съ гуманистическими тенденціями въ области мысли и чувства и въ практикѣ самой жизни.

Въ этой атмосферѣ жидовствующими созданы были и нѣкоторыя, главнымъ образомъ въ послѣднее время сдѣлавшіяся извѣстными, явленія

1) Голубинскій. И. Р. Ц., II, перв. пол., с. 560—582.

литературы. Такъ, еще архіепископъ новгородскій Геннадій въ посланіи къ сарскому епископу Прохору говоритъ о „попѣ Наумѣ“, передавшемъ ему „тетрадь, по чему онѣ (еретики) молились по-жидовски“ и „превращены псалмы на ихъ обычаи“¹⁾. Подъ этими молитвами и псалмами надо разумѣть, повидимому, т. наз. „Псалтырь жидовствующихъ“, изданную въ послѣднее время проф. М. Н. Сперанскимъ (М., 1907). Съ именемъ предполагаемаго переводчика этой „псалтыри“ съ еврейскаго оригинала, Теодора-Жидовина, соединяется и другое литературное произведение — посланіе объ истинѣ христіанской вѣры, писанное „ко всему роду іудейску“ между 1448 и 1461 годами²⁾. Идейная разница этихъ двухъ произведеній — изъ которыхъ одно, повидимому болѣе раннее, беретъ подъ защиту православіе, а другое, напротивъ, служитъ интересамъ жидовствующихъ — дѣлаетъ весьма сомнительнымъ вопросъ о Теодорѣ-Жидовинѣ какъ авторѣ, хотя сама по себѣ личность его едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Этому же Теодору приписывалось исправленіе Пятонкии Моисеева по еврейскому тексту и переводъ съ еврейскаго первыхъ десяти главъ книги Есфирь, внесенной уже въ Геннадіевскую Библию; но и тутъ мы стоимъ опять передъ вопросомъ, требующимъ новыхъ данныхъ для своего окончательнаго рѣшенія³⁾. Болѣе несомнѣннымъ является происхожденіе отъ жидовствующихъ перевода „Логикѣ“ знаменитаго ученаго еврея XII вѣка Моисея Маймонида; этотъ переводъ, въ рукописи Московской Синодальной Библіотеки XVI в. № 943, вызвалъ цѣнную замѣтку акад. А. И. Соболевскаго, который приводитъ данное произведеніе въ связь съ упоминаемой архіепископомъ Геннадіемъ „Логикой“ жидовствующихъ въ его посланіи къ архіепископу Іоасафу въ началѣ 1489 года. Тотъ же изслѣдователь склоненъ считать входящей въ область литературы жидовствующихъ и книгу „Тайная тайныхъ“, имѣющуюся въ спискахъ начиная въ XVI в. и представляющую переводъ весьма извѣстнаго въ средне-вѣковой литературѣ сочиненія, написаннаго будто бы Аристотелемъ для Александра Македонскаго⁴⁾. При такихъ скудныхъ данныхъ пока невозможно сдѣлать какихъ-либо опредѣленныхъ

1) И. Хрущовъ. Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина. Спб. 1868, с. XVI—XVII.

2) Напечатано М. И. Соколовымъ въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1902, кн. 3, отд. II, с. 95—110.

3) Въ столь же неопредѣленномъ отношеніи къ литературной дѣятельности жидовствующихъ стоитъ и изданный И. Е. Евсѣевымъ древній переводъ съ еврейскаго книги пророка Даніила по рукописи XVI вѣка. Чтенія О. И. и Др. 1902, кн. 3, отд. II, с. 127—164.

4) А. И. Соболевскій. „Логика“ жидовствующихъ и „Тайная тайныхъ“. Спб. 1899. Ср. Голубинскій, И. Р. Ц., II, перв. пол., с. 604—605. 886—888. По рукописи Кіево-Михайловскаго монастыря № 1655, писанной въ 1483 году (А. Соболевскій. Переводная литература Московской Руси, с. 406—408), „Логика жидовствующихъ“ напечатана С. Л. Невѣровымъ: Кіевскія Унив. Извѣстія 1909 № 8, с. 41—62.

заключеній о литературней дѣятельности жидовствующихъ; во всякомъ случаѣ, она едва ли была значительной¹⁾. Гораздо многочисленнѣе и важнѣе по своему историческому значенію были тѣ произведенія, которыя направлены были къ обличенію ереси жидовствующихъ; во главѣ этихъ писателей стоитъ Іосифъ Волоцкій со своимъ знаменитымъ „Просвѣтителемъ“. Но эти произведенія нельзя разсматривать исключительно по отношенію къ ереси, такъ какъ, съ одной стороны, они опирались на цѣлое міросозерцаніе, въ которое входили и церковные, и государственные, и нравственные вопросы, а съ другой — по своему содержанію они связаны были съ рядомъ другихъ произведеній, авторы которыхъ касались отчасти тѣхъ же вопросовъ, но разсматривали ихъ съ совершенно другой точки зрѣнія: самымъ извѣстнымъ изъ нихъ въ XV вѣкѣ былъ Ниль Сорскій.

Іосифъ Волоцкій и его „Просвѣтитель“. Іосифъ Волоцкій представляетъ замѣчательную и яркую фигуру на фонѣ событій русской жизни XV вѣка. Происходя изъ зажиточнаго рода Саниныхъ, имѣвшихъ вотчину въ Волоколамскихъ предѣлахъ, Іосифъ родился въ 1439 или 1440 году и на восьмомъ году отъ рожденія отданъ былъ учиться грамотѣ въ монастырь. Ученіе отрока шло чрезвычайно успѣшно, но вмѣстѣ съ тѣмъ росло въ душѣ Іосифа и пристрастіе къ иночеству. Въ семьѣ Саниныхъ вообще была склонность къ монастырской жизни, а условія русской жизни во второй половинѣ XV вѣка, съ господствовавшимъ аскетическимъ настроеніемъ и съ ожиданіемъ конца седьмой тысячи лѣтъ (въ 1492 году), способны были только усилить это настроеніе; въ юношѣ возгорѣлось желаніе принести соблазны земной жизни въ жертву будущему спасенію, и двадцати лѣтъ отъ роду онъ принялъ постриженіе отъ извѣстнаго своей строгой жизнью Пафнутія Боровскаго. Подъ руководствомъ этого подвижника, въ суровой обстановкѣ труда и лишеній, прошли первые годы собственныхъ подвиговъ Іосифа, вскорѣ доставившихъ ему — вмѣстѣ съ его умомъ и начитанностью — весьма почетное положеніе среди монастырской братіи. По смерти Пафнутія, Іосифъ сдѣлался игуменомъ и принялъ этотъ санъ въ Москвѣ, по волѣ великаго князя, отъ рукъ самого митрополита Геронтія. Однако въ Боровской обители Іосифъ игуменствовалъ не долго: строгія требованія новаго игумена были не по душѣ монастырской братіи, въ большинствѣ старшей его годами, и начался ропотъ. Тогда Іосифъ тайно покинулъ обитель, посѣтилъ монастыри Тверской области, прошелъ въ заволжскіе монастыри и черезъ годъ вернулся обратно, но пробылъ тутъ не долго: онъ задумалъ устроить новый монастырь по своей мысли и уставу. Этотъ монастырь и былъ основанъ въ 1479 году въ родной Іосифу Волоколамской

1) Общій обзоръ ея см. въ „Замѣткахъ къ литературѣ о жидовствующихъ“ Л. Бедржицкаго. Р. Ф. В. 1911 № 3—4, с. 372—392, и въ трудѣ того же автора: Литературная дѣятельность жидовствующихъ. Ж. М. Н. Пр. 1912 № 3, с. 113—122.

области; въ это время ему не было еще и полныхъ сорока лѣтъ. Развитію и процвѣтанію монастыря содѣйствовали не только личныя качества основателя, но и покровительство свѣтской и духовной власти, особенно новгородскаго архіепископа Геннадія, который нашель въ Іосифѣ много близкихъ и родственныхъ себѣ чертъ. Съ той и другой стороны на новый монастырь посыпались милости въ видѣ денежныхъ вкладовъ и земельныхъ угодій; въ монастырь стали поступать знатные и богатые постриженники изъ бояръ. Самъ Іосифъ вскорѣ вовлеченъ былъ въ борьбу съ ересью жидовствующихъ, и дальнѣйшая жизнь его складывается изъ борьбы съ противуцерковными движеніями, изъ опредѣленія своихъ отношеній, путемъ литературной дѣятельности, къ разнымъ вопросамъ тогдашней жизни, къ мѣстному князю и къ великому князю московскому, наконецъ, изъ неустанныхъ трудовъ на пользу и процвѣтаніе своей обители. Среди этихъ работъ Іосифъ скончался 9 сентября 1515 года, назначивъ себѣ преемникомъ Даніила, который вскорѣ сдѣлался, впрочемъ, митрополитомъ всея Руси.

Сочиненія Іосифа Волоцкаго довольно многочисленны, но содержаніе ихъ замыкается въ два вопроса: о монастыряхъ и о ереси жидовствующихъ. Будучи самъ виднымъ дѣятелемъ и организаторомъ монастырской жизни и усматривая въ ней не только высшую форму идеальныхъ стремленій человѣческаго духа, но и вѣрнѣйшее средство вѣчнаго спасенія, Іосифъ въ цѣломъ рядѣ „посланій“, обращенныхъ то къ опредѣленнымъ лицамъ, то вообще „къ вельможамъ“, „къ нѣкому о Христѣ брату“ и т. п., высказалъ свой взглядъ на основы иноческой жизни и на основы жизни вообще, являясь строгимъ моралистомъ. Въ этихъ своихъ сочиненіяхъ Іосифъ представляется намъ типическимъ выразителемъ церковно-религіознаго идеала своего времени, послѣдовательнымъ консерваторомъ и энергичнымъ защитникомъ авторитета официальной церковности. Сочиненія эти еще и до сихъ поръ не все опубликованы, и наиболѣе полно разсмотрѣны, преимущественно по рукописямъ, въ трудѣ И. П. Хрущова¹⁾. Болѣе цѣльнымъ образомъ выразился Іосифъ, какъ авторъ, въ сочиненіяхъ, направленныхъ противъ ереси жидовствующихъ: это — 16 его „словъ на еретиковъ новгородскихъ“, собранныхъ имъ въ особую книгу, которая получила позднѣе, въ половинѣ XVI вѣка, названіе „Провсвѣтителя“²⁾. Это сочиненіе включаетъ въ себѣ историческія свѣдѣнія о ереси (въ предисловіи къ сочиненію, подъ именемъ „сказаніе о новоявившейся ереси“, и въ 15-мъ „словѣ“) и обширное систематическое ея обличеніе, вмѣстѣ съ ожесточеннымъ памфлетомъ противъ лжеучителей, написаннымъ съ большой страстностью и увлеченіемъ. Доводы Іосифа противъ еретиковъ не представляютъ ничего новаго въ теоретическомъ смыслѣ сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ могъ располагать русскій книжникъ

1) Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, с. 75—100.

2) Изданъ редакціей „Православнаго Собесѣдника“: Казань 1857; 4 изд. К. 1904.

и болѣе отдаленнаго времени, опиравшійся на авторитетъ византійскихъ источниковъ и церковныхъ преданій. Болѣе оригинальнымъ является онъ въ своемъ непримиримомъ тонѣ относительно ереси, для искорененія которой онъ рекомендуетъ самыя суровыя мѣры, до „градской казни“ включительно: въ этомъ отношеніи онъ вполне примыкаетъ къ мнѣнію новгородскаго архіепископа Геннадія, ссылавшагося въ одномъ изъ своихъ посланій на испанскую инквизицію, какъ на примѣръ, достойный подражанія, и устроившаго явившимся въ Новгородъ послѣ осужденія на соборѣ 1490 года еретикамъ встрѣчу, напоминающую приемы „шпанскаго короля“. Въ разныхъ мѣстахъ своихъ писаній противъ жидовствующихъ Іосифъ ссылается на яко бы догматическое ученіе о „прехищреніи и коварствѣ Божиѣмъ“, которое уполномочиваетъ его и для человѣка на землѣ рекомендовать принципъ „богопремудростнаго и богонаученнаго коварства“. Понятно, что съ этой точки зрѣнія всѣ указанія Іосифа на полезность молитвы „со слезами и сокрушеніемъ сердца“ для исправленія еретиковъ получаютъ лишь формальный характеръ: онъ не вѣритъ покаянію еретиковъ, которое считаетъ завѣдомо „лестнымъ“, т. е. обманнымъ и неискреннимъ. Онъ рекомендуетъ свѣтской власти принять на себя дѣло наказанія еретиковъ, осужденныхъ судомъ духовнымъ; это вытекаетъ у него изъ его византійскаго воззрѣнія на первенствующее главенство свѣтской власти въ государствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ принципъ получаетъ у Іосифа и болѣе широкое приложеніе къ условіямъ русской жизни: находясь вообще въ наилучшихъ отношеніяхъ со своимъ мѣстнымъ княземъ, онъ является однако же ревностнымъ сторонникомъ великокняжескаго самодержавія, становясь, т. о., въ тѣсное единеніе съ приверженцами идеи о „Москвѣ-третьемъ Римѣ“ и о широкой политической миссіи Россіи на православномъ востокѣ; а когда, въ самомъ началѣ XVI вѣка, волоцкій князь Феодоръ Борисовичъ сталъ обнаруживать притязаніе на достатки Іосифова монастыря, которое показалось игумену переходящимъ предѣлы возможнаго, то онъ не задумался передать свой монастырь покровительству великаго московскаго князя Васидія Ивановича и стать въ самостоятельныя отношенія не только къ мѣстному князю, но и къ Новгородскому архіепископу Серапіону, который послалъ ему неблагословенную грамоту и въ ней, между прочимъ, писалъ: „что еси отдалъ монастырь свой въ великое государство — ино еси отступилъ отъ небснаго, а пришелъ къ земному“ (Хрущовъ, назв. соч., с. 210). Наконецъ, Іосифъ касается въ „Просвѣтителѣ“ и вопроса, имѣвшаго тогда важное практическое значеніе — о владѣнн монастырей имуществами. Іосифъ разрѣшалъ этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, видя въ монашествѣ идеаль жизни вообще, а въ монастыряхъ оплотъ государства, для котораго, въ свою очередь, вытекаетъ обязанность оказывать монастырямъ самое широкое покровительство и поддержку. Эту точку зрѣнія Іосифъ не разъ высказывалъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ и на соборахъ русскихъ іерарховъ, входя тѣмъ въ полное противорѣчіе съ партией „за-

волжскихъ старцевъ“, которые стояли за монастырскую нестяжательность и вообще проводили строгую грань между идеалами духовной жизни и задачами свѣтской государственной власти. По изложенію, „Просвѣтитель“ Іосифа Волоцкаго является однимъ изъ самыхъ характерныхъ явленій древнерусской книжности средняго ея періода. Онъ испещренъ ссылками на Св. Писаніе, святоотеческія сочиненія, особенно Тактиконъ Никона Черногорца, на Іосифа Флавія, Паллею, хроники и т. д. Авторъ совершенно не подвергаетъ критикѣ свои источники, и всякая подходящая по содержанію литературная ссылка представляетъ въ его глазахъ непререкаемый авторитетъ. Будучи писано въ разное время и по поводу различныхъ моментовъ борьбы съ еретиками ¹⁾, сочиненіе это, при всемъ своемъ обширномъ объемѣ и многообразномъ содержаніи, лишено опредѣленнаго плана и многорѣчиво, изобилуетъ направленными противъ еретиковъ грубыми словами и выраженіями, вродѣ „адовъ песь“, „сосудъ сатанинъ“, „блудный калъ“. Тѣмъ не менѣе вполне понятенъ въ высшей степени благоприятный отзывъ о „Просвѣтитель“, какъ о литературномъ произведеніи, со стороны Е. Е. Голубинскаго, который считаетъ его „замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ нашей письменности“, лучше котораго для своего времени „требовать было бы невозможно“ ²⁾.

Ниль Сорскій и его писанія. Воззрѣнія Іосифа Волоцкаго и его послѣдователей, т. наз. „іосифлянъ“, нашли себѣ противовѣсъ въ лицѣ „заволжскихъ старцевъ“. Самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ былъ Ниль Сорскій. О жизни его знаемъ мы очень мало. Родился онъ около 1433 года, по мнѣнію однихъ — въ крестьянской семьѣ, а по другимъ — онъ происходилъ изъ служилаго класса; какъ было его мірское имя — неизвѣстно, прозваніе было Майковъ. Повидимому, очень рано поступилъ Ниль въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, славившійся строгой жизнью своихъ иноковъ и полной нестяжательностью; затѣмъ онъ отправился на Аѳонъ, откуда принесъ сочувствіе къ скитской жизни, составлявшей середину между полнымъ отшельничествомъ и общежительнымъ строемъ большинства русскихъ монастырей; на востокъ Ниль имѣлъ возможность пополнить и запасы своей начитанности въ духовной литературѣ, основы чему были положены имъ еще въ Кирилловой обители; но главнымъ результатомъ этого путешествія для Нила было усвоеніе имъ созерцательнаго направленія, опредѣлившаго собою весь характеръ послѣдующей его жизни и дѣятельности. По возвращеніи на Русь, Ниль задумалъ положить основаніе скитской жизни у себя на родинѣ, для чего и удалился (между 1473 и 1489 годами) въ заволжскіе предѣлы, въ глухое и

1) Редакторъ казанскаго изданія полагаетъ, что первоначально должны были явиться первыя 11 „словъ“, а остальные пять послѣ осужденія жидовствующихъ на соборѣ 1490 года: 4 изд., предисловіе, с. 15.

2) И. Р. Ц. II. 1, с. 606.

пустынное мѣсто на берегу рѣчки Сорки. Такъ возникла Ниль-Сорская пустынь. Здѣсь, среди немногочисленныхъ своихъ послѣдователей, Ниль предался книжнымъ занятіямъ и религиозному созерцанію. Въ противоположность Іосифу, книжныя занятія Нила шли не столько въ ширину, сколько въ глубину: онъ изучалъ преимущественно Евангеліе, апостольскія писанія, житія и ученія святыхъ отцовъ, при чемъ изученіе это имѣло критическій характеръ. Результатомъ созерцательности и книжныхъ занятій Нила явились его сочиненія — впрочемъ, весьма немногочисленные. Одновременно съ этимъ, онъ, по приглашенію архіепископа Геннадія, принималъ участіе въ дѣлѣ суда надъ жидаветствующими, обнаруживая и тутъ полную противоположность Іосифу: будучи самъ вѣрнымъ послѣдователемъ православной догмы, онъ отстаивалъ однако же мѣры кротости и снисхожденія къ заблудшимъ и открыто высказалъ свои гуманистическія воззрѣнія на соборѣ 1490 года. Не подлежитъ сомнѣнію, что точка зрѣнія Нила и его послѣдователей, напр. Паисія Ярославова, обладала извѣстнымъ авторитетомъ и не осталась безъ вліянія на окончательную судьбу обвиняемыхъ, по скольку она рѣшена была на соборѣ 1490 года. Не менѣе противоположны Іосифу Волоцкому были воззрѣнія Нила и въ вопросѣ о монастырскихъ владѣніяхъ: стоя на той точкѣ зрѣнія, что монастыри должны быть исключительно мѣстомъ духовныхъ подвиговъ и молитвы, онъ отстаивалъ полную нестяжательность монастырей, о чемъ и высказался совершенно категорически на московскомъ соборѣ 1503 года; онъ былъ также противникомъ вмѣшательства свѣтской власти въ дѣла церкви. Послѣдніе годы жизни Нила прошли въ уединеніи, какъ впрочемъ и вся его жизнь. Онъ умеръ въ 1508 году.

Нилу Сорскому принадлежатъ или приписываются нѣсколько посланій о монастырской жизни, обращенныхъ къ разнымъ лицамъ (старцу Герману, старцу Гурію Тушину, неизвѣстному иноку, Вассіану Патрикѣеву и др.), монастырскій уставъ и предсмертное „завѣщаніе“ ученикамъ¹⁾. Особенный интересъ представляетъ „Монастырскій уставъ“ Нила, въ которомъ онъ даетъ, въ конкретныхъ формахъ, выраженіе своего идеала иноческой жизни — свободной отъ мірской суеты, проникнутой всекимъ религиознымъ созерцаніемъ, неослабнымъ молитвеннымъ настроеніемъ и полной нравственной свободой. Общій характеръ идей Нила Сорскаго можетъ быть представленъ въ слѣдующемъ видѣ. Лучшій удѣлъ человѣка на землѣ — иноческій, но иночество должно быть не тѣлеснымъ, а духовнымъ; оно должно состоять не во внѣшнихъ только подвигахъ и умерщвленіи плоти, а и въ духовномъ самосовершенствованіи; да и вообще человѣку, не только иноку, приличествуетъ преобладаніе духовнаго и идеальнаго надъ внѣшнимъ и обрядовымъ. Въ связи съ

1) Разсмотрѣніе ихъ содержанія представлено въ трудѣ А. С. Архангельскаго: Ниль Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ, ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси. Ч. I. Преподобный Ниль Сорскій. Спб. 1882, с. 48—127.

этимъ духовно-идеальнымъ настроеніемъ находится и созерцательность Нила: онъ учитъ о внутренней „умной молитвѣ“ и о „благодатныхъ слезахъ“, приводящихъ къ высокому душевному настроенію. Нравственное самосовершенствованіе человѣка должно быть разумно-сознательнымъ: инокъ никогда не долженъ упускать изъ виду „разсмотрѣнія“ и „разсужденія“. Основанія жизни предуказаны въ святыхъ писаніяхъ, но къ нимъ нужно относиться также критически. Въ основѣ разсужденій Нила объ иноческой жизни лежало психологическое направленіе, желаніе обратиться къ внутреннему міру человѣка, не ограничиваясь виѣшними указаніями. Будучи созерцателемъ по натурѣ и по выработанному настроенію, Нилъ неохотно обращался къ жизни дѣйствительной, но когда обращался, то обнаруживалъ идеально-гуманистическое направленіе, какъ въ отношеніяхъ къ еретикамъ, такъ и по вопросу о монастырскихъ владѣніяхъ¹⁾.

Такимъ образомъ, въ Іосифѣ Волоцкомъ и Нилѣ Сорскомъ мы можемъ наблюдать выраженіе двухъ совершенно противоположныхъ теченій мысли, двухъ міросозерцаній, отчетливо рознившихся между собою въ основѣ, въ содержаніи и въ выводахъ. Въ наукѣ поднимался вопросъ о происхожденіи идей того и другого направленія. Относительно „іосифлянъ“ высказывалось мнѣніе, что ихъ образъ мыслей предполагаетъ западное вліяніе, при чемъ извѣстной ссылкой Геннадія Нѣвгородскаго на примѣръ „шпанскаго короля“, который путемъ инквизиціи очистилъ свою землю отъ еретиковъ (Акты Археогр. Экспед. Т. I, № 380), придавалось вполне реальное значеніе²⁾. Но въ данномъ случаѣ дѣло, повидимому, обстоитъ проще. Для объясненія ревности Іосифа, его воззрѣній на свѣтскую власть и на монастырскія имущества и вообще всего его настроенія нѣтъ необходимости обращаться къ западу: всѣ эти элементы имѣлись частію въ византійскихъ преданіяхъ, частію въ основахъ самой русской жизни той эпохи; даровитая личность Іосифа живо восприняла эти книжныя и реальныя настроенія русской дѣйствительности и сдѣлала изъ нихъ практическое примѣненіе. Отдѣльные факты такого примѣненія — въ области религіозной нетерпимости — бывали и раньше³⁾. Относительно „заволжскихъ старцевъ“ также имѣются попытки установить ихъ преемственную связь съ иноземными вліяніями. Такъ, К. Θ. Радченко категорически устанавливаетъ вліяніе афонскихъ „сихастовъ“ и южно-славянскихъ мистиковъ на воззрѣнія Нила Сорскаго и его послѣдователей⁴⁾. Но и въ данномъ случаѣ едва ли есть необходимость

1) Архангельскій, назв. соч., с. 128—138.

2) И. П. Хрущовъ сравнивалъ дѣятельность Іосифа съ отношеніемъ французскаго монашества къ альбигойцамъ въ XIII вѣкѣ (назв. соч., вступленіе, с. VII), не дѣлая, впрочемъ, изъ этого сравненія никакихъ прямыхъ заключеній.

3) В. Жамкинъ. Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія. М. 1881, с. 58—60.

4) Религіозное и литературное движеніе въ Болгаріи въ эпоху передъ турецкимъ завоеваніемъ. Кіевъ 1898, с. 341—342.

выходить за предѣлы русской дѣйствительности. Гуманное и осторожное отношеніе къ заблужденіямъ, сроднымъ еретичеству, нашло себѣ отраженіе, напр., еще въ XIII вѣкѣ въ воззрѣніяхъ Серапіона Владимірскаго ¹⁾; что же касается созерцательно-мистическаго настроенія Нила, то и въ этомъ отношеніи онъ не стоялъ совершенно одинокимъ въ тогдашней русской жизни, что въ достаточной мѣрѣ показано проф. А. П. Кадлубовскимъ въ анализѣ житійной литературы современной Нилу эпохи²⁾.

Съ другой стороны, то и другое направленіе, „іосифлянъ“ и „заволжскихъ старцевъ“, продолжало существовать и находить себѣ сторонниковъ и въ XVI вѣкѣ — уже послѣ того, какъ оба главные представителя этихъ теченій сошли со сцены. Традиціи Іосифа продолжалъ, напр., хотя и въ болѣе мягкой формѣ, митрополитъ Даніиль, а продолжателями Нила по духу явились Максимъ Грекъ, князь А. М. Курбскій и игуменъ Троицкаго монастыря Артемій. Причина живучести этихъ направленій обуславливалась тѣмъ, что и въ самой русской дѣйствительности были на лицо элементы, питавшіе то и другое направленіе. Противоположность этихъ направленій вела или къ открытой борьбѣ, или къ скрытому нерасположенію между ихъ сторонниками. Въ XVI вѣкѣ эта противоположность была закрѣплена весьма интереснымъ литературнымъ памятникомъ — „письмомъ о нелюбкахъ“ между „іосифлянами“ и „заволжскими старцами“³⁾. Можно сказать, что и въ послѣдующіе вѣка русской литературной жизни оба эти направленія, имѣя подъ собою извѣстную психологическую и историческую основу, продолжали существовать, видоизмѣняясь въ формѣ, въ способахъ и въ поводахъ къ своему обнаруженію, но оставаясь въ своемъ существѣ различными нерѣдко до полной противоположности.

5.

Историческія повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ и о Мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ. — Сказанія о Флорентійской униі. — Путешествіе Аеанасія Никитина за три моря.

Кромѣ разсмотрѣнной выше (с. 104—106) „Повѣсти о взятіи Царяграда“, слѣдуетъ остановиться здѣсь еще и на другихъ произведеніяхъ этого рода въ XV вѣкѣ: группѣ повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ, Повѣсти о Мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ и Сказаніяхъ о Флорентійской униі.

Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ. Несмотря на цѣлый рядъ посвященныхъ имъ изслѣдованій⁴⁾, произведенія эти до сихъ поръ вызываютъ

1) Ср. мое изслѣдованіе объ этомъ писателѣ, с. 147—148.

2) Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ, с. 353—362.

3) Опубликовано А. В. Горскимъ: Отношенія иноковъ Кириллова-Бѣлозерскаго и Іосифова-Волоколамскаго монастыря въ XVI вѣкѣ. Приб. къ Твор. Св. Отцовъ, т. X. 1851.

4) Перечень и обзоръ ихъ можно найти въ I главѣ обширной работы С. Шамбинаго: Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ. Спб. 1906, с. 1—47.

немало спорныхъ вопросовъ. Онѣ представляютъ собою группу произведеній, изображающихъ и воспѣвающихъ Куликовскую битву 1380 года. По своему содержанію и по духу повѣсти эти примыкаютъ къ болѣе раннимъ произведеніямъ того же рода на тему о татарахъ, а по своей поэтической обработкѣ, по литературнымъ приемамъ обнаруживаютъ тѣсную связь съ Словомъ о Полку Игоревѣ, являясь, т. о., косвеннымъ указаніемъ на извѣстность и поэтической авторитетъ этого произведенія въ XV вѣкѣ. Кромѣ того, повѣсти эти находятся во внутренней между собой зависимости. Новѣйшій изслѣдователь вопроса, посвятившій ему специальную монографію, г. Шамбинаго считаетъ первой поэтической обработкой сюжета о Куликовской битвѣ произведение, которое онъ называетъ „Повѣданіемъ“, и которое раньше было извѣстно въ ученой литературѣ подъ именемъ „Задонщины“ — согласно древнѣйшему его списку, не нашедшему себѣ въ этомъ отношеніи позднѣйшаго подражанія. Онъ полагаетъ, что эта обработка, являющаяся точкой отправленія для всѣхъ послѣдующихъ литературныхъ произведеній той же группы на протяженіи XV—XVII столѣтій, основана на лѣтописной повѣсти о Куликовской битвѣ, составленной въ Москвѣ въ концѣ XIV вѣка вскорѣ послѣ самаго событія и внесенной въ составъ лѣтописи (Новгородскую IV, Софійскую I и Воскресенскую); временемъ возникновенія этой поэтической обработки онъ считаетъ первую четверть XV вѣка; авторъ ея точно неизвѣстенъ, но, судя по указанію разныхъ списковъ повѣсти („Софонія іерея рязанца“, „Софонія рязанца“, „брянскаго боярина“ и т. п.), изслѣдователь полагаетъ, что имъ могъ быть какой-нибудь брянскій бояринъ, сдѣлавшійся впоследствии іереемъ Софоніемъ, котораго нѣкоторые списки ошибочно называютъ Софроніемъ; сочиненіе это написано было съ цѣлію прославленія главныхъ участниковъ знаменитой битвы, русскихъ князей Дмитрія Ивановича и Владиміра Андреевича, при чемъ авторъ черпалъ свой матеріалъ не только изъ лѣтописной повѣсти, но и изъ устныхъ преданій; въ общемъ планѣ и въ отдѣльныхъ образахъ и выраженіяхъ онъ подражалъ Слову о Полку Игоревѣ¹⁾. Древнѣйшій текстъ этой обработки, по списку XV вѣка Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, напечатанъ арх. Варлаамомъ въ 1859 году²⁾. Второй поэтической обработкой даннаго сюжета, гораздо болѣе пространной и получившей широкую извѣстность, г. Шамбинаго считаетъ ту, которая ранѣе была извѣстна въ ученой литературѣ подъ именемъ „Повѣданія и сказанія о побойщѣ вел. кн. Дмитрія Донскаго“, но которой онъ усвоилъ названіе просто „Сказанія“. Эта обработка возникла въ видѣ подражанія „Повѣданію“. Въ ней, въ свою очередь, могутъ быть отмѣчены четыре редакціи, явившіяся въ теченіе XV—XVII вв. подъ перомъ русскихъ книжниковъ, интересовавшихся столь популярнымъ сюжетомъ. Первую редакцію авторъ относитъ

1) Назв. соч., с. 132—134.

2) Описаніе сборника XV вѣка Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Ученыя Записки II Отд. Ак. Наукъ, кн. V (1859), с. 57—60.

ко второй четверти XV вѣка, называя ее „Кипріановской“, т. к. она подчеркиваетъ заслуги митрополита Кипріана и, можетъ быть, составлена кѣмъ-либо изъ его сторонниковъ; великій князь Димитрій изображенъ тутъ сравнительно блѣдно и лишенымъ инициативы: исходъ битвы былъ predeterminedъ свыше. Вторая редакція возникла во второй половинѣ XVI вѣка, слѣд. болѣе чѣмъ черезъ столѣтіе послѣ первой; тутъ устранено все, касавшееся восхваленія митрополита Кипріана, и, напротивъ, выдвинута личность обоихъ князей, Димитрія и Владиміра; въ основу положена идея о Москвѣ, какъ политическомъ центрѣ и какъ центрѣ православія. Третья редакція развилась изъ второй въ XVI—XVII и даже въ XVIII в.; тутъ подчеркнутъ престижъ царской власти московскаго государя. Наконецъ, четвертая редакція, явившаяся во второй половинѣ XVII вѣка, лишена какой бы то ни было руководящей точки зрѣнія, обнаруживая свой вполне компилятивный характеръ. Имена авторовъ этихъ редакцій неизвѣстны¹⁾. Текстъ I редакціи „Сказанія“ напечатанъ въ 1838 году И. Снегиревымъ (Русскій Историческій Сборникъ, III, кн. 1), а тексты остальныхъ, установленныхъ г. Шамбинаго, редакцій — въ приложеніяхъ къ изслѣдованію послѣдняго (с. 3—128).

Выводы, къ которымъ приходитъ С. К. Шамбинаго, въ главныхъ своихъ частяхъ не представляютъ особенной новизны сравнительно съ тѣмъ, что уже было сдѣлано его предшественниками по разработкѣ этого сложнаго и запутаннаго вопроса; представленная имъ схема, въ основныхъ чертахъ, подтверждаетъ прежнее, болѣе или менѣе установившееся мнѣніе о трехъ главныхъ видахъ литературной обработки сюжета о Куликовской битвѣ: Лѣтописная повѣсть, „Задонщина“ (у г. III. Повѣданіе) и Повѣданіе и сказаніе (у г. III. просто Сказаніе). Эту схему, въ самыхъ общихъ положеніяхъ, принимаетъ и акад. А. А. Шахматовъ, которому принадлежитъ обширный и замѣчательный трудъ по критической оцѣнкѣ работы г. Шамбинаго²⁾; но за предѣлами данной схемы критикъ относится къ составу и группировкѣ фактическаго матеріала у III., его соображеніямъ и выводамъ совершенно отрицательно. Онъ рисуетъ такую картину исторіи литературной обработки сюжета о Куликовской битвѣ на русской почвѣ. Въ концѣ XIV в. появилась въ Москвѣ не дошедшая до насъ первоначальная редакція лѣтописной Повѣсти, центральной фигурой которой былъ в. кн. Димитрій Ивановичъ; тогда же была составлена и официальная реляція о походѣ великаго князя, и одновременно съ ней появилось Слово о Мамаевомъ побоищѣ, составленное при дворѣ князя Владиміра Андреевича; въ началѣ XV вѣка, на основаніи Слова о Мамаевомъ побоищѣ и Слова о Полку Игоревѣ, составлено было Софоніево Повѣданіе (Задонщина). Затѣмъ, въ первой половинѣ XV ст. первоначальная Повѣсть попала въ

1) Тамъ же, с. 180—185. 218—220. 310—312. 348—349.

2) Отзывъ о сочиненіи С. К. Шамбинаго „Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ. Спб. 1906“, составленный акад. А. А. Шахматовымъ. Спб. 1910.

Московскую Лѣтопись и здѣсь была переработана по официальной реляціи и Слово о Мамаевомъ побоищѣ. Въ началѣ XVI в., при составленіи митрополичьяго лѣтописнаго свода, было составлено для него, на основаніи Повѣсти Московской лѣтописи, Слова о Мамаевомъ побоищѣ и Софоніева Повѣданія, новое произведеніе — Сказаніе о Донскомъ побоищѣ. Такъ появились постепенно въ XV и XVI вв. три основныя обработки популярной исторической темы: Повѣсть — Повѣданіе — Сказаніе¹⁾.

Другой критикъ труда г. Шамбинаго, А. В. Марковъ, не только отрицаетъ нѣкоторыя частныя утвержденія Ш. (напр., его новую терминологию въ обозначеніи разбираемыхъ памятниковъ; возникновеніе лѣтописной повѣсти въ Москвѣ — б. м., она возникла въ Смоленскѣ; предположеніе относительно „брянскаго боярина“, какъ автора „Повѣданія“, считаетъ не состоятельнымъ; II ред. Ш. считаетъ древнѣе I-ой и т. д.), но высказываетъ и болѣе общую мысль о томъ, что „Сказаніе“, по терминологіи Ш., является болѣе первичнымъ литературнымъ произведеніемъ, нежели „Повѣданіе“²⁾. Намъ представляется заслуживающей полного вниманія аргументація г. Маркова въ пользу того мнѣнія, что т. наз. „Сказаніе“, по терминологіи г. Ш., древнѣе „Повѣданія“ и что именно II его редакція является первичной; составленіе ея критикъ относитъ къ концу XIV вѣка и во всякомъ случаѣ до 1405—1411 года (назв. ст., с. 441—442. 444).

Что же представляетъ собою этотъ памятникъ — вѣроятно всего, начала XV вѣка — который, безъ большого риска, можно считать типическимъ выраженіемъ литературно-поэтической работы надъ сюжетомъ о Куликовской битвѣ въ разсматриваемую эпоху?

Въ немъ можно выдѣлить три части: событія до битвы, самая битва и событія послѣ битвы. Въ первой части рассказывается, какъ „нѣкоторый царь отъ восточныя страны именовъ Мамай“, „идоложрецъ и иконоборецъ злый, хрестыанскій ненавистникъ и разоритель“, завидуя славѣ Батгя, взявшаго нѣкогда Кіевъ и Владиміръ, отправился походомъ на русскую землю, съ цѣлю овладѣть Москвой. Услышавъ объ этомъ, Олегъ Рязанскій, у котораго „бысть скудость ума во главѣ, и сотона вложи ухищреніе въ сердце его“, враждуя съ московскимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ, заявилъ письмомъ Мамаю о своей преданности, обѣщавъ свою помощь и къ тому же склонилъ литовскаго князя Ягайлу Ольгердовича. Услышавъ о движеніи Мамаю, Дмитрій Ивановичъ сталъ готовиться къ отпору, ища совѣта у митрополита Кипріана и ратной помощи у брата, князя Владиміра Андреевича, и другихъ русскихъ князей, обѣщавшихъ ему твердо постоять за русскую землю. Когда спѣшныя приготовленія къ походу были окончены, князь Дмитрій Ивановичъ посѣтилъ въ Троиц-

1) Шахматовъ, назв. соч., с. 125—126.

2) Ж. М. Н. Пр. 1908 № 4. с. 433—446.

кой обители преп. Сергія, который не только благословилъ его, но и даль ему въ помощь двухъ иноковъ, Пересвѣта и Ослябю. По возвращеніи изъ обители въ Москву, князь, помолившись Пречистой Богородицѣ и попросившись съ женою, выступилъ въ походъ, отправивъ брата своего къ той же цѣли другой дорогою. Оба князя и другіе ихъ соратники, князья и воеводы, съ многочисленнымъ воинствомъ собрались у Коломны, чтобы отсюда вмѣстѣ идти на встрѣчу съ непріателемъ. Между тѣмъ, какъ измѣнники Олегъ и Ягаило готовили свою помощь Мамаю, ища погубити московскаго князя, два другіе Ольгердовича, Андрей Полоцкій и Дмитрій Брянскій, рѣшили стоять за Дмитрія и вскорѣ соединили свои полки съ его воинствомъ. Когда всѣ силы были собраны, князья рѣшили перейти Донъ, чтобы отрѣзать робкимъ всякіе пути отступленія. Наконецъ, въ ночь на праздникъ Рождества Богородицы 8 сентября обѣ вражескія рати близко подошли другъ къ другу, и на другой день предстояла бой. Тутъ начинается вторая часть повѣсти. Битва описана очень живыми красками: отмѣчены распорядительность и храбрость Дмитрія, самоотверженіе воинства, поединокъ Пересвѣта съ татарскимъ богатыремъ „печенегомъ“; къ концу дня татары уже готовы были нанести послѣдній ударъ, какъ вышелъ изъ засады со своимъ свѣжимъ войскомъ Владиміръ Андреевичъ и рѣшилъ исходъ битвы. Князь Дмитрій благодарилъ Бога и воздалъ славу князьямъ, оставшимся въ живыхъ и умершимъ въ сраженіи; затѣмъ, съ торжествомъ отправился въ Москву. Въ небольшой третьей части разсказывается о судьбѣ Мамаю, на котораго напалъ другой „царь съ востока, именемъ Тахтамышъ, изъ Синія Орды“: Мамай загнанъ былъ въ Кагу и тамъ убитъ. Повѣсть оканчивается сообщеніемъ, что, не смотря на побѣду надъ Мамаемъ, русскіе князья отпустили съ честью и съ дарами пословъ Тахтамыша, а весной каждый изъ нихъ послалъ въ Орду своихъ „киличеевъ“ со многими дарами.

Повѣсть написана съ явнымъ сочувствіемъ московскому великому князю и съ негодованіемъ противъ поступка рязанскаго и литовскаго князей. Разсказъ оживленъ многими поэтическими образами, взятыми изъ области народно-поэтическаго творчества и въ то же время напоминающими нѣкоторыя мѣста изъ Слова о Полку Игоревѣ, съ которыми у автора „Сказанія“ несомнѣнно имѣется извѣстная связь. Вотъ примѣры. Изъ описанія послѣднихъ приготовленій къ выступленію въ походъ: „Убо, братіе, стукъ стучить а громъ гремитъ въ славномъ градѣ Москвѣ; стукъ стучить великая рать великаго князя Дмитрія Ивановича, а гремятъ русскіе удалцы злачеными шеломы и доспѣхи“ (у. III, въ прилож. с. 11). „Князь же великій вступивъ въ златое свое стремя и сѣде на любезный свой конь, и вси князи и бояре всѣдоша на свои кони, и воеводы поѣхаша, а солнце имъ со востока сіяетъ, а по нихъ кроткій вѣтрець вѣетъ. Ужъ бо тогда аки соколи рвахуся отъ златыхъ колодиць, а то рвахутся князи Бѣлозерскія изъ камена града Москвы, выѣхали своимъ полкомъ . . .“. „Великая же княгиня Овдотья со снохою

своею и съ иными княгинями и съ воеводскими женами вниде во своей златоверхій теремъ набережный и сѣде подь южнымъ окномъ и рече: ужь бо на тя конечное зрю, на своего государя великаго князя. А въ слезахъ не можетъ слова прорещи, и слезы льются аки рѣчныя струя. . .“ (с. 15). . . „Тогда же возвѣяше силни вѣтры по Березовице широце, тогда воздвигошася великія князя русекія, а по нихъ дѣти боярскіе успѣшно грядуть, аки чаши медвяныя пити и стебля виннаго ясти, но хотятъ чести добыти и славнаго имени въ вѣки. Возвѣявшу со востока вѣтру, а въ немъ громъ и молнія, но ни громъ, ни вѣтръ, но стукъ стучить и громъ гремитъ по зорѣ по ранней: возится князь Володимерь Андреевичъ реку Москву на красномъ перевозѣ Брашевскомъ“ (с. 16). Передь самой битвой: „Князь же великій поимъ брата своего князя Володимера и литовскіе князи и вси князи и воеводы и выѣхаша на мѣсто высоко и видѣвъ образъ Спасовъ воображенъ во христіанскихъ знаменіихъ, аки нѣкія свѣтилници солнечныя, луча испускающе и всюдѣ свѣтающееся, озаряюще все христіолюбивое воинство, и стязи ревутъ наволоченыя, простирающесе, аки облаци тихо трепещуще, хотятъ промолвити, а у богатырей горугови аки живи напшутся; dospѣхи жь русекія аки вода сильная во вся вѣтры колебашесе, и шеломы на главахъ ихъ аки утренняя зоря во время солнца ведренаго свѣтающееся, еловци же шеломовъ ихъ аки полома огняное пашетца, мысленно бо видѣти и жалостно слышати таковое русекіихъ князей собраніе и удалыхъ витязей учрежденіе. . .“ (с. 23). „Ужь ночь приспѣ светоноснаго праздника Рождество Святыя Богородица. Дни же одолжившуся и сіяющу, бысть же тогда теплота и тихость въ ночи той, и мрачныя росы явившася. . . По десной же странѣ ворони кличуть и бысть гласъ великъ птичь, вранове же играютъ по рецѣ той аки горы колыбашесе, по рецѣ той по Непрядвѣ гуси и лебеди непрестанно крылы плещуще, необычную грозу подаютъ“ (с. 25) и т. п. Авторъ постоянно оживляетъ свое повѣствованіе диалогической формой изложенія, вставкой многихъ отдѣльных эпизодовъ, послѣ которыхъ онъ снова возвращается „на подлежащее“. Есть отдѣльныя лирическія мѣста, вродѣ приведеннаго только что описанія всѣхъ русекіихъ князей передь битвой, но въ общемъ преобладаетъ элементъ эпическій. Отличительной особенностью, сравнительно со Сл. о П. И., въ отношеніе литературныхъ приемовъ является въ „Сказаніи“ преобладаніе въ авторѣ христіанско-религіознаго настроенія. Въ этомъ отношеніи „Повѣданіе Софоніи“ (или по прежнему — „Задонщина“) гораздо ближе стоятъ къ знаменитой поэмѣ XII вѣка: тамъ авторъ воспоминаетъ въ началѣ „вѣщаго Бояна въ городѣ Кіевѣ, гораздо гудца“, который, „воскладая свои златыя персты на живыя струны, пояше славу русекимъ княземъ“, а въ концѣ помѣщенъ плачь русекіихъ женъ о погибшихъ князьяхъ: „Доне, Доне, быстрый Доне! Пронель еси землю Половецкую, пробилъ еси берези харалужныя, прилепѣй моего Микуду Васильевича. . .“ и т. д. (Арх. В а р л а м ъ. Описаніе Сборника XV ст., с. 57. 60). Эта степень близости разныхъ

обработокъ нашего памятника къ Слову о Полку Игоревѣ¹⁾ служила для прежнихъ изслѣдователей однимъ изъ важныхъ мотивовъ къ установленію ихъ сравнительной древности, но въ дѣйствительности за такой точкой зрѣнія едва ли можно признать рѣшающее значеніе, такъ какъ близостью къ Слову о П. И. далеко не исчерпывается ни содержаніе, ни обработка отдѣльных видовъ Повѣсти о Куликовской битвѣ, не говоря уже о томъ, что установленная согласно этой точкѣ зрѣнія схема заводила многихъ изслѣдователей (Снегирева, Тимофеева и др.), при первой попыткѣ разрѣшенія вопросовъ фактическаго характера — напр., относительно имени авторовъ этихъ произведеній, времени и мѣста ихъ сочиненія — въ дебри неясностей и противорѣчій.

Повѣсть о Мутьянскомъ (Мутьянскомъ) воеводѣ Дракулѣ. Этотъ памятникъ представляетъ собою произведеніе, относительно котораго также не все ясно. Содержаніе повѣсти таково. Въ Мутьянской землѣ, полѣ которой надо разумѣть Молдавію, былъ воевода „греческой вѣры христіанинъ“, именованъ Дракула „латынскимъ языкомъ, а нашимъ дьяволь рускимъ“. Однажды пришелъ къ этому воеводѣ отъ турецкаго султана посолье со свитой. Поклонившись воеводѣ, люди эти не сняли шапокъ; когда же онъ спросилъ ихъ о причинѣ такого неприличія и получилъ отвѣтъ, что въ ихъ странѣ такой обычай, то велѣлъ эти шапки прибить имъ къ головамъ гвоздями; насмѣшливо прибавивъ при этомъ, что желаетъ тѣмъ лишь подтвердить ихъ обычай. Султанъ разсердился и пошелъ на Дракулу съ большимъ войскомъ; тотъ, удовольствовавшись первымъ успѣхомъ, вернулся домой и сталъ разсматривать раны своихъ оставшихся воиновъ: у кого рана спереди — того награждалъ, а у кого сзади — того садилъ на копь. Услышавъ объ этомъ, султанъ испугался, воротился домой и вскорѣ прислалъ къ Дракулѣ посолье съ изъявленіемъ покорности и предложеніемъ дани. Но Дракула опять употребилъ тутъ особый пріемъ; онъ сказалъ, что желаетъ самъ поступить на службу къ султану, и когда тотъ, обрадовавшись этому, велѣлъ по всей своей землѣ оказывать воеводѣ почести, Дракула, вступивъ въ турецкую землю со своимъ войскомъ, началъ опустошать села и города, избивать и садить на колья молодыхъ и старыхъ; а къ султану послалъ посолье съ такимъ порученіемъ: „скажите царю, что видѣли; сколько могъ, столько ему и послужилъ; если ему моя служба угодна, то могу и еще послужить“. О Дракулѣ далѣе въ повѣсти разсказывается, что въ своей землѣ онъ дѣлалъ чрезвычайныя жестокости, руководясь, впрочемъ, всегда добрымъ намѣреніемъ. Особенно каралъ онъ грѣхъ прелесбодѣнія. Наказывалъ онъ также и тѣхъ, кто не умѣлъ давать ему умныхъ отвѣтовъ, и награждалъ, напротивъ, тѣхъ, которые умно отвѣчали. Такъ, пришелъ къ нему однажды отъ венгерскаго короля посолье, „ляхъ родомъ, немалъ человекъ“.

1) Вопросъ объ этой близости подробно рассмотрѣнъ у А. И. Смирнова: О Словѣ о Полку Игоревѣ. Вып. II (1879), с. 135—180.

Воевода указалъ ему на золотой коль и спросилъ, для чего, по его мнѣнію, этотъ коль; тотъ отвѣтилъ, что этотъ коль предназначенъ, вѣроятно, для тѣхъ, кого воевода захочетъ покарать особенно почетной смертью, и когда Дракула сказалъ, что этотъ коль именно для него, то посоль отвѣтилъ: „если я совершилъ что-нибудь достойное смерти, то дѣлай, что хочешь; ты праведный судья“. Этотъ отвѣтъ понравился Дракулѣ, и онъ не только не покаралъ посла, но и съ большими подарками отпустилъ его домой. Однажды Дракула обѣдалъ и принималъ иностранныхъ пословъ среди кольевъ, на которыхъ сидѣли человѣческіе трупы. Одинъ изъ слугъ, не будучи въ состояніи перенести ужаснаго смрада, заткнулъ носъ и отвернулся, но Дракула, узнавъ причину этого поступка, велѣлъ слугу самого посадить на коль; прибавивъ: „тамъ ти есть высоко, ино смрадъ тебя не дойдетъ“. Другой разъ онъ объявилъ по всей землѣ, что пусть всѣ, кто боленъ, слѣпъ или хромъ, придуть къ нему — и онъ освободитъ ихъ отъ печали. Дѣйствительно, къ нему собралось много всякаго рода больныхъ, ожидая милости. Дракула, собравъ ихъ въ большую палату и обильно угостивъ, спросилъ потомъ, не желаютъ ли они, чтобы онъ совершенно освободилъ ихъ отъ нужды и горя на этомъ свѣтѣ; получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ велѣлъ зажечь палату, и всѣ они сгорѣли. Затѣмъ Дракула совершилъ еще цѣлый рядъ новыхъ жестокостей; посадилъ на коль пришедшаго къ нему монаха-католика за то, что тотъ не одобрилъ его поступковъ и въ жертвахъ Дракулы усмотрѣлъ невинныхъ мучениковъ и страдальцевъ; велѣлъ отсѣчь руки женѣ одного человѣка и трупъ ея посадить на коль за то, что у мужа ея была изодрана рубашка, и т. д. Наконецъ, Дракула самъ попалъ въ руки венгерскаго короля, который посадилъ его въ темницу въ Вышгородѣ, на Дунаѣ. Но и въ темницѣ Дракула не оставилъ своихъ жестокихъ привычекъ: онъ ловилъ и покупалъ мышей и птицъ и сажалъ ихъ на коль или отсѣкалъ имъ головы; затѣмъ Дракула былъ выпущенъ изъ темницы и поселенъ въ одномъ домѣ въ Пештѣ. Когда потомъ тогдашній мутьянской воевода умеръ, то король снова предложилъ воеводство Дракулѣ, если тотъ пожелаетъ принять латынскую вѣру, и тотъ дѣйствительно на это согласился, „возлюби паче врѣменная безконечного, отпаде православія и отетупи истины, оставивъ свѣтъ и пріявъ тьму“. Король выдалъ за него свою сестру, отъ которой воевода имѣлъ двухъ сыновей. Смерть Дракулы произошла при необыкновенныхъ обстоятельствахъ: во время войны съ турками онъ былъ убитъ своими же, неузнанный и принятый за врага. Повѣсть оканчивается сообщеніемъ о назначеніи въ Мутьянскую землю новаго воеводы Влада ¹⁾.

Прежде всего является вопросъ о происхожденіи этой повѣсти.

1) Памятники старинной русской литературы. Изд. гр. Кушелева-Безбородко, вып. I, с. 399—402; А. Пыпинъ. Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, с. 344—349.